


Мария Грипе

ДЕТИ О ГИ



Сесилия Агнес — странная история

КНИЖКИ НА ВЫРОСТ
МОСКВА, 2011

Мария Грипе Сесилия Агнес – странная история

Spelcheck Оксана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156998

*Грипе М. Сесилия Агнес – странная история: Повесть / Пер. со швед.
Н. Н. Федоровой/ Книга издана при содействии Шведского института:*

ОГИ; М.; 2005

ISBN 5-94282-271-9

Оригинал: Maria Gripe, "Agnes Cecilia – en so llsam historia"

Перевод:

Нина Федорова

Аннотация

Героиня повести осталась сиротой после гибели родителей и живет у родственников. После переезда в новый дом она начинает чувствовать чье-то невидимое присутствие, оказывающееся связанным с ее личной историей. Странная кукла, таинственные телефонные звонки, смутные воспоминания о семейных тайнах создают напряжение, свойственное «готической» литературе. На самом деле это книга о переживаниях подростка, остро ощущающего свое одиночество.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

| | |
|-----------------------|-----|
| ГЛАВА ПЕРВАЯ | 5 |
| ГЛАВА ВТОРАЯ | 11 |
| ГЛАВА ТРЕТЬЯ | 17 |
| ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ | 28 |
| ГЛАВА ПЯТАЯ | 34 |
| ГЛАВА ШЕСТАЯ | 41 |
| ГЛАВА СЕДЬМАЯ | 53 |
| ГЛАВА ВОСЬМАЯ | 60 |
| ГЛАВА ДЕВЯТАЯ | 74 |
| ГЛАВА ДЕСЯТАЯ | 85 |
| ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ | 95 |
| ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ | 106 |
| ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ | 115 |
| ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ | 125 |
| ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ | 145 |
| ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ | 159 |
| ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ | 169 |
| ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ | 186 |
| ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ | 194 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ | 205 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ | 216 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ | 223 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ | 240 |

| | |
|--------------------------|-----|
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ | 251 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ | 267 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ | 275 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ | 281 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ | 299 |
| ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ | 311 |

Мария Грипе Сесилия Агнес – странная история

*Таким образом, каждый человек должен
осознавать себя как существо необходимое...*

Артур Шопенгауэр

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большей частью это случалось, только когда Нора сидела дома одна, когда в квартире не было никого, кроме нее.

Как именно все началось, она и сама точно не знала, но, пожалуй, тут существовала какая-то связь с ремонтом, когда Андерс переклеивал обои и по всей квартире обнаружались давние, заколоченные стенные шкафы. Значит, все началось не сразу после переезда, а через некоторое время, и на первых порах она вообще об этом не задумывалась. Ведь каждому дому свойственны свои звуки.

Вдобавок дом, где они поселились, был довольно-таки старым, а она знала, что в старых домах порой скрипят половицы и возникают иные таинственные звуки. Хотя, если вникнуть как следует, для большей части загадок находится вполне логичное объяснение.

Вот почему у Норы лишь задним числом забрезжила догадка, что здесь, возможно, кое-что другое, необъяснимое. Называть это сверхъестественным она не хотела, поскольку знала о таких вещах слишком мало, и оттого предпочла слово «непостижимое».

Говорить об этом она не могла, даже с Дагом, как не могла и добраться до сути. С самого начала как бы само собой разумелось, что она никому не проболтается.

Зачастую все начиналось нежданно-негаданно, и предвидеть, когда это случится, было невозможно, хотя иногда, незадолго перед тем, ее словно бы охватывало предчувствие. Оно ощущалось в самом воздухе – дыхание чего-то нереального, не поддающегося описанию.

Хорошо бы Даг все же был дома!

Они бы поговорили, и Нора избавилась бы от теперешнего беспокойства. Приди он сейчас домой – и это не случится или, по крайней мере, будет отсрочено...

В эту квартиру они переехали прошлой весной, а ей почему-то казалось, будто она жила здесь всегда. Уже в самый первый раз прямо с порога почувствовала себя по-настоящему дома.

Нет, хватит сидеть тут и ломать голову! Нора быстро прошла на кухню, взяла из вазы на столе большое зеленое яблоко. И в ту же минуту зазвонил телефон.

Вот и хорошо! Если немножко поболтать, ощущение нереальности исчезнет. Только бы звонок был для нее!

Но, как выяснилось, звонившая девочка попросту ошиблась номером. Ей был нужен москательный магазин.

– Алло, куда это я попала?

Нора назвала телефон.

– По этому номеру не Окессоны?

– Нет, квартира Шёборгов.

– Выходит, это не москательный магазин?

– К сожалению, нет...

– А с кем я говорю?

– С Норой Хед. Я здесь живу.

На миг воцарилось молчание.

– Извините, вообще-то мне нужен москательный магазин.

– Ничего-ничего.

Нора медленно повесила трубку. Жаль, разговор кончился так быстро. Она не спеша вернулась к себе.

Комната ей досталась просто замечательная! Она думала об этом каждый раз, как переступала порог. Светлая, солнечная. А в окошко видны целых семь палисадников. И девять крыш.

Надо же, Даг все еще не появился.

Она прислонилась лбом к прохладному стеклу, глянула вниз, во двор. Его велосипеда на стоянке нет. Наверно, Даг в балетной студии и до ужина вряд ли вернется. Ехать оттуда почти два часа. Нора немножко проголодалась, поднесла яблоко ко рту, собираясь откусить, но вдруг замерла, затаила дыхание.

Кажется, в круглой комнате шаги? Она напрягла слух...

И правда шаги... Опять... все те же, неизвестно чьи...

Она стоит неподвижно, спиной к этим звукам, не оборачивается, целиком обратившись в слух. Шаги уже в соседней комнате, медленно приближаются к ее двери. И там останавливаются.

Каждый раз одно и то же. Шаги возникают как бы прямо из тишины и медленно направляются к ней. Бояться нечего. Ведь тот, кто приходит, никогда не делал ей ничего плохого. Плюнуть бы на все это, в упор не замечать, и она пробовала, да только не получается. Шаги назойливо лезут в уши, всякий раз вынуждают ее напряженно прислушиваться.

Они всегда доносятся из круглой комнаты, возникают там будто сами собой, из ничего, затем через проходную комнату идут к ее двери. И там останавливаются. У порога. После чего разом наступает тишина.

Но это не означает, что пришелец исчез.

Наоборот. Спиной, шеей, затылком Нора чувствует, что позади кто-то есть. Стоит в дверном проеме. У самого порога. Неподвижный, как и она. Чего-то ждущий. Настороженный.

Затаив дыхание, Нора прислушивается – всем своим существом, всей душой. И чувствует, что невидимка тоже прислушивается, не менее напряженно.

Оба они ждут...

Чего? Нора не знает. Но в этом наверняка есть какой-то

смысл. В конце концов такие вещи случаются не каждый...

Пока это происходит, ей не особенно страшно. При желании она спокойно могла бы глянуть через плечо и убедиться, что на пороге никого нет. Что дверной проем пуст. Но, чувствуя присутствие другого, она ничего не предпринимает. Словно выполняет молчаливый уговор: сперва незримый гость должен исчезнуть.

Временами Нора спрашивает себя, а вправду ли гость приходит к ней. Может, тут какая-то ошибка? Однако мгновение спустя она уже не сомневается, что незваный и неведомый пришелец чего-то хочет именно от нее. И ощущение это более чем неприятное. Так бывает, когда вдруг случайно сталкиваешься с человеком, о котором напрочь забыл, хотя вообще-то следовало его дождаться. Странное, тягостное ощущение.

Она и незримый принадлежат разным мирам, это ясно, разным временам и пространствам. Разным измерениям, иначе говоря. Обычно эти миры наглухо отделены один от другого. Лишь изредка можно преступить их границы. И как ни удивительно, она, кажется, порой на это способна.

Ну вот! Гость наконец-то исчез!

Мало-помалу Нора пришла в себя и могла, как всегда, побродить по комнате, чем-нибудь заняться. Как она узнавала, что осталась одна, было опять-таки необъяснимо. Чувствовала, и всё. Напряжение внутри и в воздухе разом отпускало. Что-то как бы улетучивалось, сходило на нет. Хотя никаких

шагов она не слышала.

Но зачем он приходит, ее незримый гость?

Наверное, когда-нибудь она это узнает?

Нора глубоко вздохнула, потянулась. Нельзя отрицать: когда все кончалось, ее охватывало облегчение. Она опять вздохнула, огляделась по сторонам, прошлась по комнате...

Да, все как обычно. Разве что в круглой комнате стало холодновато. Но закатное солнце наполняло белые тюльпаны на столе теплым светом. Легкий шорох – два белых лепестка упали на белую скатерть. До чего же красиво!

Негромко тикали стенные часы, комнатные растения на подоконнике легонько шевелили под солнцем хрупкими листочками.

Конечно, большое облегчение – снова остаться одной, и все же в глубине души была печаль. И тоска. О чем? По кому?

Всякий раз, когда она слышала эти шаги, ей потом казалось, будто на краткий миг кто-то позвал ее назад, к чему-то далекому, давно минувшему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Даг бы ее выслушал, это ясно. Даг умел понять все, что другие считали непостижимым, нереальным, немислимым. Узнай он о Норином госте, он бы пришел в восторг. Подобные «феномены», как он их называл, ужасно его интересовали. Мистическое, таинственное вызывало у него куда больше любопытства, чем у нее. Но она должна молчать.

Даг ей не брат, хотя самый близкий человек на свете. Она была совсем маленькая, когда его родители, Андерс и Карин, взяли ее под опеку.

Вообще-то Карин доводилась теткой Нориному отцу, хоть и была ему почти ровесницей, всего на год-другой постарше. Поздний ребенок, она родилась, когда ее братья и сестры уже стали взрослыми...

Из всей родни одна только Карин и могла позаботиться о Норе. Остальные были уже в почтенном возрасте либо слишком заняты своими делами. Поэтому самой подходящей кандидатурой сочли Карин. Родня даже приняла особое решение на сей счет.

Андерс ничуть не возражал. Ему очень хотелось иметь дочку, а им с Карин, по всей видимости, других детей, кроме Дага, уже не завести.

Карин работала библиотекарем, Андерс учительствовал в гимназии. Оба любили свою работу, и застать их дома было

не так-то просто.

«Даг становится все больше похож на Андерса», – говорили друзья. Или: «Прямо вылитая Карин!»

Но это неправда. Даг не походил ни на мать, ни на отца. Он был самим собой, да еще как!

И Нора, и Даг считали эти поиски сходства попросту смехотворными. И все же такие разговоры внушали Норе легкую зависть. Ведь они подчеркивали, что Даг неразрывно связан с Андерсом и Карин, что они семья.

Зато Нору сравнить не с кем. Она ни с кем не связана. Не принадлежит к семье. Пусть даже Андерс и Карин никогда не давали ей этого почувствовать. Во всяком случае, намеренно. Всегда приходили на помощь, старались понять. Они – люди замечательные.

А вот она – дуреха. Подозрительная и обидчивая. Хорошо хоть, сама это понимала. Правда, поделаться ничем толком не могла. Сплошь да рядом ее больно задевали мелочи, которых никто другой не замечал. Например, та бесспорная естественность, с какой именно Дага, а не ее поселили в комнате рядом со спальней Андерса и Карин.

Норе отвели отдельную комнату в другом конце квартиры – дескать, чтобы «никто ей не мешал». Меняться она бы не стала, ни за что на свете, она любила свою комнату, и все же мелкое, гадкое подозрение нет-нет да и выползло. Понятно, им же охота побыть там в своем кругу, они ведь семья. Ногами, у себя в комнате, она словно бы слышала, как они ти-

хонько спуют по кухне: наконец-то есть возможность уютно посидеть втроем, без нее.

Как-то раз она пробралась туда и, похоже, застала их врасплох.

«Ой, ты не спишь? Мы не хотели мешать...»

Заботливые слова, добрые, но вдруг на самом-то деле все наоборот? Вдруг это они не хотели, чтобы она им мешала? Только виду никогда не показывали и не покажут.

Она-то понимает, как обстоит дело, думала Нора, но опять-таки не показывает виду.

Они же не виноваты, что она навязалась им на шею. И изо всех сил стараются, чтобы она чувствовала себя членом семьи. Невдомек им, что этим они лишь подчеркивают, что она все-таки чужая. И вполне естественно. Она просто-напросто не их ребенок. Тут ничего не изменишь. Но они не желают этого признавать.

И не иначе как верят собственным словам, когда твердят, что им в голову не приходит считать Нору чужим ребенком.

Сколько раз она слышала, как они говорили это своим друзьям. Говорили всегда одинаково искренне, правдиво, но у нее тотчас же мелькала гадкая мыслишка: будь это правда, стали бы они уверять других?

Под хорошим присмотром. В добрых руках. И все-таки одинока, покинута. Как одно вяжется с другим? Конечно, она неблагодарна и несправедлива – и к живым, и к мертвым. В иные дни это очень осложняло жизнь.

Тогда Нора как неприкаянная слонялась по квартире, из комнаты в комнату. Вот и нынче утром, проснувшись, она сразу заподозрила, что день, скорее всего, будет нелегкий. Ночью ей приснился сон...

Нет, сейчас в это углубляться не стоит. Ведь в конце концов на свете не она одна чувствует себя одинокой и покинутой. Хотя утешение слабое.

Нора прошла на кухню, заглянула в жестянки с хлебом и печеньем – ничего привлекательного. Открыла балконную дверь и опять закрыла. На улице холодище. Но пахнет весной. Какая-то пичуга щебечет в снегу. Другие наверняка бы порадовались, а она чуть не заплакала. Глаза на мокром месте, по крайней мере сейчас. Должно быть, виноват сон, который она видела ночью и никак не могла вспомнить...

Хотя утром, едва проснувшись, подумала: конечно же все дело именно в этом! Мама была слишком красивая, а папа – слишком умный. Она им в подметки не годится. Потому они и сгинули. Авария произошла не случайно. Если б они любили ее, то взяли бы с собой в машину. И теперь ее бы тоже не было, и никому бы не понадобилось ее опекать. Да, все дело именно в этом.

Вот, значит, какова правда.

В иные дни она просто не могла отделаться от таких мыслей, хотя прекрасно знала, что они ужасно несправедливы. И, как правило, накануне ночью ей снился некий сон. После она, бывало, весь день напролет грустила, каждую мину-

ту, каждую секунду. Отчаянно грустила и чувствовала себя одинокой, покинутой. Но своего сна никогда вспомнить не могла.

– Нора! Привет!

Даг. Идет сюда, к ней. Голос веселый, бодрый. В каждой руке по большой булке. Одну он протянул ей.

– Держи! Это тебе!

– Спасибо.

Нора взяла булку, а Даг испытующе посмотрел на нее.

– Слушай, ты что, опять размышлениям предавалась?

– Да, а что?

– Вид у тебя грустный. Ешь булку, и все пройдет. Она послушно откусила кусок и правда повеселела, а Даг меж тем, продолжая болтать, рассказал, что опять видел «необыкновенную девочку». Ну, кассиршу из универмага «Темно». И с каждым разом она кажется ему все более необыкновенной.

– Потрясающе! В каком же смысле необыкновенной?

Даг прислонился к изразцовой печке и устремил взгляд куда-то в пространство.

– Есть люди, которые просто не поддаются описанию.

Он снял с булки верхнюю половинку и задумчиво слизывал сбитые сливки. Нора с нежностью смотрела на него. Даг со своей неопишуемой девочкой, которая то ли существует, то ли нет.

– А я поддаюсь описанию?

– Ты? – Он прямо-таки удивился. – Ты – это ты! Оба рас-

смеялись.

– Сколько же ей лет, твоей неопикуемой?

Трудно сказать. Их ровесница. Может, чуть постарше. Шестнадцать примерно. Дагу уже исполнилось пятнадцать, Нора была на несколько месяцев моложе.

– Небось хочешь с ней познакомиться, да?

Даг удивленно и вопросительно взглянул на нее, потом улыбнулся.

– Не знаю. У меня же есть ты!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последнее воспоминание о маме, такое живое, яркое.

Нора сидела в кроватке, пришло время дневного сна. Высоко над головой круг света – от лампы.

Мама была в черном. Она появилась в этом круге света, с зонтиком в белых цветах, открыла его и покрутила в руке. Улыбаясь. Опять сложила зонтик – пора идти.

Да свидания. До свидания. Она улыбалась.

Нора совсем не хотела отпускать маму. И не желала говорить «до свидания». Мама с сияющей улыбкой наклонилась к ней, а Нора не улыбнулась в ответ, вцепилась в зонтик, потянула к себе.

Не уходи! Она заплакала.

Но маме нужно идти. До свидания!

Воспоминание о папе было не таким отчетливым. Он стоял у мамы за спиной и говорил, что им надо поспешить. Если б не папа, возможно, она и сумела бы удержать маму. Возможно? Хотя он был сильнее. Внезапно протянул руку и отобрал у них зонтик. Нора взвизгнула. Но волей-неволей отпустила зонтик, который мама отпустила еще раньше. Папа был гораздо сильнее их обеих. Она заплакала навзрыд.

Родители склонились над ней. Ну-ну, они же скоро вернуться. А сейчас им пора идти. Обоим. Вместе. Слезами тут не поможешь.

Они помахали ей и попятились к двери. Мы скоро вернемся. Скоро. Скоро.

Папа взял маму за руку, и они ушли.

И больше не вернулись.

Жили-были...

Короткая сказочка.

Тут ей и конец.

Прошли годы, прежде чем Нора выяснила, что случилось. Никто не хотел говорить об этом. Все молчали. Пришлось докапываться самой. По кусочкам собирать головоломку. Сплошной сумбур, а помощи ждать неоткуда.

Мама с папой ехали на машине. Еще там замешался какой-то поезд. Но кто ехал на поезде, она не поняла и долго ломала над этим голову. Потом оказалось, что поезд просто ехал. Сам по себе. И машина ехала. И они столкнулись.

Виноват был поезд. Хотя кое-кто говорил, что папа. Вдобавок тут были замешаны двое похорон. Сперва одни. Потом еще одни. На первых мама и папа должны были присутствовать. Кто-то из стариков умер, и его хоронили.

Правда, мама с папой туда не успели. Они явно опаздывали, что-то с ними случилось, и они попали в больницу. Так или иначе, виноват был поезд.

А потом она услышала, что родители вдруг куда-то уехали. Далеко-далеко уехали, и когда они вернутся, никто не знал.

Нора между тем жила у папиного брата. Он добрый, и же-

на у него тоже добрая. Но сперва она была у бабушки, у маминой мамы, только вот бабушка все время плакала и ничего не могла делать. А дедушка, мамин папа, был в Америке.

Тогда же состоялись еще одни похороны, но на сей раз никто не говорил, кто умер. Опять кто-то из стариков? – спросила она. Ей сказали, что нет. И она больше не спрашивала.

Но решила, что поняла: это мама и папа. Ведь многие, глядя на нее, плакали и говорили «бедная малышка», хотя у нее нигде не болело. А они все равно говорили. И она поняла. Но не подала виду. И не заплакала.

Ни разу не заплакала. Потому что иначе бы ничего не узнала. Они как раз и боялись, что она начнет плакать.

Откуда им было знать, что, когда они шептались между собой и разговаривали по телефону, она всегда находилась поблизости, тихонько подкрадывалась и слушала. Подкрадывалась и слушала. Это была единственная возможность. Раз никто не хотел помочь и сказать правду.

Только однажды она спросила, когда мама с папой вернутся. И сразу об этом пожалела.

Потому что заранее знала ответ: этого никто сказать не может. Ведь они очень далеко... Так что вряд ли вернутся скоро.

Затем пошли разговоры о другом.

Через некоторое время все принялись обсуждать, как «на практике» лучше всего решить этот «вопрос». Причем решить так, чтобы все остались «довольны». Нора ездила по

родственникам, гостила то у одних, то у других. Все были очень добры. Но взять ее к себе никто не хотел. Они этого не говорили, но она ведь не дурочка, понимала.

В конце концов она тогда попала к Андерсу и Карин. Родня решила, что пока она там и останется. Пока, то есть до возвращения мамы и папы из долгой отлучки. Так будет лучше всего. И тут они не ошиблись.

Время шло, о родителях никто больше не говорил. В том числе и она сама. Мама и папа просто исчезли. И она этому не препятствовала. Не плакала, не рыдала. Они ушли навсегда.

Нора уже не задумывалась о том, что с ними случилось.

О маме и папе никто больше не спрашивал, но, когда они встречали на улице знакомых, те часто понижали голос и, указывая на нее взглядом (она чувствовала!), спрашивали: «Ну, как дела? Как она?»

И Андерс с Карин так же тихо отвечали: «Привыкла... все хорошо...»

Ложь, кругом сплошная ложь. Обман, в котором участвовали все. И она тоже.

Лишь спустя много времени она поняла: ей следовало заставить всех признать, что мамы и папы нет в живых. Что она в самом деле имела полное право узнать, как все произошло, имела право горевать и плакать.

Когда Нора наконец это уразумела, было уже поздно. Мама и папа стали чужими существами.

Однажды, вскоре после того как она пошла в школу, Андерс и Карин взяли ее в небольшое путешествие. В другой город. Цветы и свечи они захватили с собой и проехали прямо на кладбище.

Сумрачный осенний день. На могилах трепетали огоньки зажженных свечей. Наверно, был праздник Всех Святых.

Сперва они навестили могилу родителей Андерса, поставили цветы в вазу, зажгли свечи. Постояли там, глядя на огоньки, и Андерс немного рассказал о своих маме и папе.

Нора думала, что после они, как обещано, пойдут в кондитерскую, но вместо этого Андерс дал ей две свечи и сказал:

«А сейчас, Нора, мы навестим могилу твоих родителей и зажжем свечи для них».

Этого ей никогда не забыть. В тот миг она ненавидела Андерса. Все ее существо застыло, заледенело. Но пришлось идти.

Могила мамы и папы?

Конечно, где-то у них должна быть могила, хотя Нора никогда об этом не задумывалась.

Она сама не знала, чего ждала. Могила, по крайней мере, выглядела как большинство других на кладбище. Серый четырехугольный камень, а на нем – имена мамы и папы.

Она поставила одну свечу, но со спичкой замешкалась. Зажгла ее лишь после нескольких попыток. И свеча наконец загорелась.

«А вторую свечу не зажжешь?» – донесся до нее голос Ка-

рин.

Ледяные руки не слушались, она закопалась, пришлось Андерсу помогать.

Теперь на могиле горели две свечи, и опять Карин мягко сказала: «Видишь, как хорошо: одна свеча для мамы, другая – для папы».

Но в сердце у Норы был холод, она чувствовала, что злится.

«Да, ложечку за маму, ложечку за папу», – услышала она свой голос. И звучал он очень недружелюбно.

Она заметила, как они переглянулись. У Андерса на лице читалось удивление, а Карин шагнула к ней и выглядела так, будто вот-вот заплачет. Нора отвернулась.

Сейчас уже поздно горевать по маме и папе. Своим молчанием они давным-давно отняли у нее все горестные чувства. Но само горе осталось. Избавить ее от этого никто не мог, при всем желании. Она чувствовала себя обворованной, не избавленной.

Только вот сказать об этом не смела. Трусила, как все.

И опять-таки даже намекнуть не решалась, что понимает: на кладбище они наверняка поехали по совету родни. Мол, теперь, когда девочка ходит в школу, будет лучше, если она вполне осмыслит, что родителей действительно нет в живых. Глядишь, в классе начнут задавать вопросы, любопытничать. А это тягостно и неприятно. Лучше выложить карты на стол.

Небольшая поездка на кладбище в День Всех Святых. Прекрасная мысль! Наверняка они так и рассуждали. Догадаться нетрудно.

Взрослые вечно мудрят. Дети, когда лгут, выдают себя чуть ли не сразу, они не такие хитрые. А взрослые верят в свою ложь. Или в свое право лгать. Детям в этом праве отказано. Их ложь просто-напросто постыдна. А ложь взрослых всегда имеет оправдание. Взрослые лгут исключительно из деликатности, сочувствия или благоразумия, так что ложь у них всегда чистая, возвышенная.

Во всяком случае, именно это они старательно внушают детям.

Впрочем, Нору на это уже не купишь. И Дага тоже. Только вот выводить взрослых на чистую воду ужасно неприятно. Особенно когда они якобы желают добра. Потому-то ей зачастую приходилось делать хорошую мину при плохой игре.

Однако ж они с Дагом помогали друг другу разобраться, понять что к чему, как только замечали, что кто-нибудь норовит переиначить реальность. Будь они братом и сестрой, возможно, им было бы не так легко. Но, играя в семье разные роли, они могли смотреть на вещи с разных сторон.

После поездки на кладбище было вправду замечательно, что рядом есть Даг. Ведь долгое время она чувствовала себя в обществе Андерса и Карин очень неловко. Ей казалось, они ждут, что она будет и выглядеть, и вести себя по-особенному.

Как-никак побывала на могиле родителей! Разве это не должно на ней отразиться?

Речь шла не только об Андерсе и Карин. Норе казалось, все смотрят на нее испытующе. С каким-то тягостным ожиданием в глазах.

Всем вдруг понадобилось, чтобы она вошла в роль горюющей сиротки. Раньше было наоборот. Тогда ей приходилось изображать беззаботность и неведение, разыгрывать этакую «бедную малышку», которую втайне жалели. А теперь изволь рыдать на груди у всех и каждого.

Ни за что!

При виде той могилы в ней самой ничто не дрогнуло. Но для других ее визит на кладбище явно стал поворотным пунктом. Отныне дозволены и повлажневшие глаза, и слезливые голоса. Любое обращенное к ней слово как бы тянуло за собою маленький горестный знак вопроса.

Очень неприятно. Сердце леденело.

«Пойми, дружок, тебе же будет легче, если ты выплачешься», – вздохнул как-то раз один из самых жалостливых голов.

Даг был тогда рядом, и Нора услышала, как он фыркнул. Она стояла, чувствуя на себе влажные взгляды и едва сдерживая смех. Щека уже дергалась. Даг схватил ее за плечо и потащил прочь. Давясь от хохота, взвизгивая, они убежали.

С тех пор эта фраза – «Пойми, дружок, тебе же будет легче, если ты выплачешься» – стала у них поговоркой в безвы-

ходных ситуациях.

Тогда же кое-кто решил, что необходимо снабдить Нору сведениями о маме и папе. Наверно, хотели подарить бедной сиротке толику прошлого, наделить ее должными воспоминаниями о покойных.

Они явно думали, что у нее нет собственных воспоминаний. Даже не спросили, перед тем как взяться за дело.

Годами обходили маму и папу молчанием, а теперь вдруг стали поминать их по всякому поводу и без повода. Постоянно твердили о разных трогательных и смешных вещах, какие они говорили и делали. Послушать их, так мама с папой были этикие бодрячки, нестерпимо сентиментальные и болтливые.

Вдобавок слишком хорошие для этого мира. Прямо ангелы с крылышками. Потому и погибли так трагически.

И фотографии они тоже притаскивали. Дурацкие снимки, изображавшие их самих вместе с мамой и папой. На пикниках, в лодках и автомобилях, на вечеринках и на пляжах. Смеющиеся и неузнаваемые лица, которыми они назойливо стремились ее заинтересовать.

Таким вот манером у Норы отняли собственные ее воспоминания. Думали обогатить ее память, а вместо этого стерли маму и папу, превратили в туманные, расплывчатые тени, которые отступали все дальше и дальше. Вот чего они достигли.

У всех других воспоминания просто замечательные. А у

нее блеклые, жалкие – ни в какое сравнение не идут. Ей приходилось драться изо всех сил, чтобы сохранить крупицы собственных воспоминаний.

Папина рука, крепко обнимающая ее на высоком мосту. Его ноги рядом с ее среди желтой листвы. Его глаза вечером, когда он шепчет «доброй ночи». Сияющее лицо мамы, когда утром она поднимает штору и кричит, что на улице идет снег. Смех в ее глазах, когда она шутит. Ее улыбка...

Эти картины принадлежали ей одной, их нельзя стирать и подменять ухмыляющимися фотографиями. Тех, кто делал подобные попытки, встречал резкий отпор – она разом ощетиновалась, становилась «противной нахалкой».

Какой бы скудной и жалкой ни казалась реальность, она все равно в тысячу раз замечательнее их выдуманных историй, которые рассказывали о ком угодно, только не о маме и папе.

Со временем стало полегче. Запасы воспоминаний, видимо, начали иссякать. Да и устали они от ее безразличия. «Странная девочка», слышала она; правда, нашлись и такие, что непременно норовили с нею поквитаться.

«Гляньте-ка! Мизинец у Норы кривой, точь-в-точь как у ее мамы!»

Замечание вроде бы невинное. Однако в устах говорящего кривые мизинцы означали, что у человека «преступные наклонности». Об этом Нора узнала еще раньше, от того же лица. И прекрасно понимала, что преступные наклонности в

мизинцах не прячутся. Речь о ней самой, это у нее преступные наклонности.

В другой раз выяснилось, что у нее папин «легкомысленный затылок». А легкомыслие – очень плохая черта. И папин «упрямый подбородок» тоже ей достался. Опять-таки ничего хорошего.

Преступная, упрямая, легкомысленная – вот она какая.

И все это Нора унаследовала от своих ангелоподобных родителей. Как одно вяжется с другим, доискиваться вообще не стоит. Но если она и не знала раньше, что такое лицемерие, то теперь узнала в полной мере.

Пусть только попробуют соваться со своими объятиями и лить слезы – она им покажет!

К Андерсу и Карин это не относилось. Они никогда не пытались сбавить ей всякие там слащавые воспоминания. Если не считать поездки на кладбище, которую изначально и затеяли-то не они, Андерс и Карин были людьми добрыми и чуткими. Это Нора знала.

И все же она невольно ловила себя на гадких мыслишках. Особенно о Карин, причем совершенно незаслуженно. Только совесть потом грызет, но над своими мыслями она не властна, к сожалению.

Есть такое выражение: «пригреть змею на своей груди».

Иногда Нора думала, что она и есть змея, которую пригрела Карин.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раньше, до переезда сюда, Нора постоянно болела. Корью и краснухой, свинкой и ветрянкой, а вдобавок бесконечными простудами и другими мыслимыми и немислимыми хворями. Наверняка не очень-то весело посадить себе на шею ребенка, который вечно болеет, но Андерс и Карин, по обыкновению, не показывали виду.

А потом болезни разом прекратились. Как только они переехали в этот дом, так и прекратились. С тех пор Нора ни разу не болела. Переезд стал словно бы новым рождением.

Было в здешних комнатах что-то этакое – но что именно, она не знала. Может, тайная жизнь? В стенах. В освещении. В самом воздухе, которым дышишь. Даже в комнатных растениях. Они буйно росли и цвели круглый год, в том числе зимой, когда становилось темно.

И музыка здесь звучала по-другому. Стены словно вбирали в себя каждую ноту и любовно ее сохраняли. Иногда Норе так казалось. Она прижимала ухо к стене и воображала, будто внутри там парят звуки, выписывая таинственные вензеля, слагаясь в мелодии.

Дома имеют огромное значение. В этом они с Дагом не сомневались. Дома, они как живые существа. У них есть душа. Дома и люди не могут объединяться как попало и жить сообща. Не всегда они друг с другом ладят. Иной раз кое-

что попросту не сходится.

Однако Нора и этот дом были сродни друг другу, она сразу почувствовала, как только вошла.

Повсюду таинственные уголки и закоулки. Глубокие шкафы и темные чуланы. Арочные проемы между комнатами. Изразцовые печи. Блестящие латунные дверцы. Загадочные ниши.

Первое время Андерс ходил по комнатам и простукивал стены, проверяя, нет ли за ними пустот. Он задумал восстановить квартиру в ее давнем виде. Как выяснилось, прежние жильцы забили оргалитом и заклеили обоями все встроенные шкафы, расположенные немного высоковато.

Ремонт Андерс занимался сам, отделявал комнаты одну за другой. Комнат было восемь, не считая холлов и буфетных, и повсюду он, срывая обои, обнаруживал новые и новые шкафы.

У Норы в комнате шкаф наверху был такой огромный, что она могла там лежать вытянувшись во весь рост. Мало того, через другую дверцу шкаф сообщался с соседней комнатой. Несколько таких диковинных разветвленных шкафов прятались в темных углах квартиры.

«Не удивительно, что их заклеили», – сказала Карин. По ее мнению, шкафов и так хватало, и Андерс занимался ничемным делом.

Но тут она ошибалась. В особенности, если вспомнить о разных находках. Те, кто заколотил шкафы, не потрудились

опустошить их и вычистить. Там оказалось множество забытых вещей. Видно, их считали хламом и ничуть ими не дорожили.

Вещи сплошь старинные. Частью начала века, десятых-двадцатых годов. Судя по этим находкам, шкафы заклеили в начале тридцатых. К примеру, там обнаружилась пачка старых номеров «Семейного журнала», и последний был датирован сентябрем 1932 года. Впрочем, нашлось и много другого. Не шкафы, а прямо-таки сокровищницы.

Там отыскиались старинные лампы, подсвечники, пепельницы, вазочки, чернильницы, игрушки, абажуры, вышитые подушки. И книги, главным образом детективы и путевые записки. Все, что выходило из моды, явно отправляли на верхотуру и предавали забвению.

Хотя они знать не знали, кому некогда принадлежали все эти вещи, их не оставляло ощущение, что они вдруг очутились в опасной близости от целой компании незнакомых людей.

В Норииом шкафу нашлись синее ведерко с каменными шариками и вышитая бисером сумочка, в которой лежали флакончик духов и пожелтевшая фотография. Когда Нора вытащила пробку, из флакончика повеяло ароматом духов. На фотографии были изображены две сидящие молодые женщины, а между ними – маленький ребенок. Надпись на обороте гласила: «Агнес и Хедвиг, 1907 г.». Имя малыша не было упомянуто.

Еще они нашли полную коробку лоскутков, поверх которых лежал собачий поводок с именной биркой на ошейнике. Собаку, носившую ошейник, звали Геро.

Обнаружилась в Норином шкафу и обувная картонка с парой поношенных балетных туфель. Кроме них, там лежал на редкость маленький будильник с красивым расписным циферблатом. К сожалению, сломанный – не починишь. Нора ходила к часовщику, но тот не сумел его оживить. Механизм безнадежно испорчен, надо менять, а этого ей не хотелось. Пускай лучше так стоит.

У нее в шкафу было несметное количество старых журналов, а вот книга только одна. Сборник русских народных сказок, пополнивший коллекцию Карин. Ей же Нора отдала и затейливую старинную фарфоровую вазочку, опять-таки найденную в шкафу и украшенную изображением сказочной синей птицы с пышным хвостом. Карин решила, что вазочка предназначена не для цветов – горлышко слишком узкое, и поставила ее на комод в гостиной, для красоты.

Взамен Нора получила маленькую чернильницу с серебряной крышечкой и подсвечник.

Когда делили между собой эти вещицы, они чувствовали себя как в Сочельник. Андерса распирало от гордости: ведь шкафы отыскал он, а стало быть, и заслуга его.

Впрочем, кое-кто в новой квартире никак прижиться не мог – Мохнач, Андерсов пес. До сих пор не освоился, бродил по комнатам, унылый и недовольный.

Он был против переезда и недвусмысленно об этом заявлял. В два счета смекнул, к чему идет дело, и стал просто невозможным. Чем дальше, тем хуже, а когда пришло время сборов, вконец распоясался. Что ни день – жди какой-нибудь глупой выходки. Носился вокруг как неприкаянный да еще и норовил нашкодить. К примеру, надумал прятать всю обувь, какая попадалась ему на глаза. И каждое утро, прежде чем выйти из дому, они метались по комнатам, разыскивая свои туфли. А Мохнач с невинным видом лежал себе на кухне и прикидывался спящим.

Он и правда делал все, чтобы помешать сборам. Путался под ногами, в ключья драл газеты, приготовленные для упаковки фарфора, потрошил узлы с одеждой и другими вещами – словом, никакого сладу с ним не было. В конце концов пришлось запирать его на кухне. Но в отместку он при всяком удобном случае удирал от них на прогулке.

В последнюю ночь на старой квартире пес просто исчез – сбежал и не вернулся. Пришлось переезжать без него. А он, должно быть, специально все рассчитал, чтобы увильнуть от суматохи переезда.

На следующий день Мохнач нашелся – Андерс ходил за ним в полицейский участок. На пса было жалко смотреть – он плелся за Андерсом как живой укор, уныло повесив уши и хвост. На первых порах даже есть отказывался. Лежал в кухне на полу и глядел на всех с глубокой обидой.

Они пробовали устраивать для Мохнача экскурсии по

квартире, чтобы он хоть немного освоился. Но чуть не у каждого порога пес упирался, садился на задние лапы и скулил с совершенно идиотским видом. А в некоторые комнаты вообще заходить не желал. Например, в круглую. Уже на подступах круто поворачивал и, прижав уши и вытаращив глаза, бегом удирал в безопасную кухню. Или в кабинет Андерса. Только эти два места не вызывали у него протеста.

Что-то в квартире явно приводило пса в смятение. Даг считал, что собаки обладают способностью видеть и слышать то, чего люди не воспринимают. Значит, тут не иначе как есть что-то наводящее ужас, по крайней мере на собак. И поведение Мохнача кажется необъяснимым разве что на первый взгляд, говорил Даг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Однажды, когда Нора ездила в Стокгольм навестить маминых родителей, дедушка обмолвился, что в ней есть кое-что особенное, так как родилась она в воскресенье.

– Никогда такого не слышала! – заметила бабушка, наградив деда суровым взглядом, который означал, что он слишком распустил язык и теперь не худо бы замолчать.

Но дедушка и бровью не повел. При желании он умел стоять на своем.

Да-да, Нора действительно родилась в воскресенье, а такие дети «слышат, как растет трава», – вот что сказал дедушка.

– В жизни ничего глупее не слыхала! – фыркнула бабушка. – Как можно забивать ребенку голову этакой чепухой?!

Нора смотрела то на одного, то на другую. О чем это они? Но ничего больше ей узнать не довелось, потому что бабушка была очень рассержена. Она безуспешно пыталась вдеть нитку в иголку, потому, дескать, и рассердилась. Хотя Нора отлично поняла, что бабушка, как всегда, сердилась на деда за его «глупую болтовню».

Вернувшись домой, Нора обо всем рассказала Дагу. Тот заинтересовался и сходил за книжкой, где было написано, как определить, на какой день недели приходится та или иная дата. И оказалось, дедушка говорил чистую правду. Но-

ра родилась в воскресенье.

И что же тут такого особенного? Она никогда не слышала, как растет трава. Вообще-то даже специально приложила ухо к газону и прислушалась. Но не уловила ни звука.

Даг навел справки и рассказал ей, что, согласно поверьям, дети, рожденные в воскресенье, якобы обладают шестым чувством. Хотя, может, и не все. Но некоторые, например, умели читать мысли, заглядывать в будущее и знали толк в вещах сверхъестественных.

Нора запротестовала. Это все выдумки. Она ни мысли читать не умеет, ни в будущее заглядывать, и незачем ему во все это верить. А сверхъестественное ее вообще не интересует.

– Чего ты так нервничаешь? – Даг улыбнулся, пристально глядя на нее, и она чуть не разозлилась.

Что это он вообразил? Разве нельзя родиться в воскресенье без того, чтоб тебя заподозрили в чтении чужих мыслей и прочих глупостях? Вот теперь она в самом деле поняла, почему бабушка в тот раз так рассердилась. Бабушка права. Лучше совсем не знать, что родился в воскресенье, иначе люди будут смотреть на тебя косо, как на чудака.

– Ничего подобного, – перебил Даг. – Наоборот. Ведь шестое чувство наверняка штука замечательная, а?

Но она не желала больше слушать такие разговоры. И взяла с Дага слово не касаться этой темы. Даг обещание держал, и она тоже забыла об этом. Хотя с нею нет-нет да и случались

не вполне объяснимые происшествия.

Как нынче, в этот мартовский день.

Нора пришла из школы и очень торопилась. Надо было встретиться с Леной, ее лучшей подругой, и сообща сделать домашнее задание – взять интервью у шофера-дальнобойщика, который их ждал.

Впопыхах она покормила Мохнача, впопыхах проглотила бутерброд, выпила стакан молока. И в ту самую минуту, когда, уже одетая, стояла в прихожей, неожиданно зазвонил телефон. Ну и черт с ним, снимать трубку некогда – Нора захлопнула за собой дверь и собралась было рвануть вниз по лестнице. Но телефон за дверью не унимался. Вдруг это Лена?

Нора отперла дверь и, вбежав в квартиру, сняла трубку.

Но звонивший просто ошибся номером. Женский голос. Нерешительный. Молодой. Сперва Нора сгорала от нетерпения. А потом ее словно подменили – почему-то она была не в силах повесить трубку. Хотя разговор казался совершенно абсурдным.

– Алло? Куда я попала?

– Это квартира Шёборгов.

– Та-ак. А кто у телефона?

– Нора. Нора Хед.

Небольшая пауза. Нора услышала отдаленный грохот, но вникать не стала.

– Нора? Это кто такая?

– Я, конечно.

– А-а, ну да... извини.

– Что тебе, собственно, надо? Ответа нет.

– Ты наверняка не туда попала...

– Быть не может...

– Куда ты звонила?

– Я... погоди. Сейчас посмотрю.

– Вообще-то я тороплюсь.

– Секунду!

– Мне пора идти.

– Нет-нет. погоди. – В голосе вдруг послышалась тревога, и вот тут-то Нора почувствовала, что не в силах повесить трубку.

– Ты можешь сказать, куда звонила?

– Это не имеет значения... Извини.

Трубку вроде бы положили. Нора стояла у телефона, со странным ощущением нереальности происходящего. До ее слуха опять донесся глухой грохот, будто что-то тяжелое рухнуло на землю, но она не придавала этому значения. Медленно, неуверенно опустила трубку и уже хотела положить ее на рычаг, как вдруг на том конце снова раздался голос:

– Алло?

– Я слушаю. В чем дело?

– Извини... Теперь все в порядке. Можешь повесить трубку.

– Да в чем дело-то? Что в порядке?

– Пока! И еще раз извини.

Гудки. Нора тоже повесила трубку, чувствуя себя как в трансе.

Куда это она собиралась?

Ведь только что ужасно спешила? Почему?

Ну да, Лена и шофер-дальнобойщик?! Но сейчас все это уже казалось неважным. Она-то здесь при чем?

Хотя все равно надо пойти и разобраться. Иначе они обидятся.

Она закрыла квартиру и медленно спустилась по лестнице.

Но ощущение нереальности исчезло, только когда она открыла входную дверь. Прямо у подъезда стояла кучка людей. Все смотрели вверх, на крышу. Кто-то окликнул ее, показывая на тротуар.

Прямо перед дверью виднелась куча льда и снега. И огромная, даже исполинская сосулька. Буквально только что произошло несколько жутких обвалов. Выйди она чуть-чуть раньше, вполне бы могла получить этой сосулькой по голове и, чего доброго, умереть. В два счета.

Народ испуганно глядел на нее.

Кто-то даже про ангела-хранителя вспомнил.

Она хотя бы понимает, что была на волосок от гибели?

Нора совершенно растерялась.

– Гм... ну, мне здорово повезло, – промямлила она и поспешила прочь.

Повезло? Ведь едва на тот свет не отправилась! Народ только головой качал, провожая ее взглядом.

Нора прибавила шагу, почти побежала. Телефонный разговор не шел у нее из головы.

Если б та девчонка не ошиблась номером...

А кстати, однажды с нею уже случилось такое, вспомнила она. Вскоре после переезда, когда Андерс делал ремонт.

На шатком помосте над одной из дверей стояло тогда большое тяжелое малярное ведро.

А она собиралась в эту дверь пройти...

Тут-то и зазвонил телефон!

Нора хорошо помнила, что стояла с трубкой в руке и смотрела, как помост обваливается и ведро летит на пол.

Карин вскрикнула. Из-за этого помоста, ведра и пролитой краски поднялся жуткий переполох. О ней все и думать забыли. Впрочем, никто, кроме нее самой, не знал, что она как раз направлялась к этой двери и, если б не телефон, всё наверняка бы рухнуло ей на голову.

В тот раз кто-то опять-таки ошибся номером.

Уж не эта ли самая девочка?

Может, ей померещилось, но голос был вроде как знакомый.

Над тем давним происшествием она особо не ломала себе голову. Почти сразу же забыла о нем.

Но на сей раз забыть труднее.

Такое впечатление, что это происшествие не случайность,

а скорее часть большого целого. Звено неведомой цепи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Между прочим, речь в моем сне шла о тебе, Нора!

Даг пристально смотрел на нее. Все-таки временами он слишком уж странный. Не в меру серьезный. Не в меру восторженный.

– Ты даже не слушаешь меня!

В его голосе сквозит разочарование. Нора села в кровати.

Конечно же она слушала. Но ведь сейчас только начало седьмого. Рановато, пожалуй...

Даг ворвался в комнату всего лишь минуту-другую назад, заспанный, но возбужденный, растолкал ее и захлебнулся что-то рассказывать. Уловить смысл было очень непросто.

Ему приснилось, будто на утреннем собрании в школе директор внезапно взмахнул рукой, указал на Нору и крикнул:

«Элеонора Хед! – (Ее крестили Элеонорой, но обычно называли Норой.) – Элеонора Хед! Встань!»

Нора встала, и директор велел ей немедленно отправляться на поиски.

«Иди и ищи!» – провозгласил он, да так громко, что весь зал загудел эхом. А когда Нора спросила, куда ей идти и что искать, то в ответ услышала:

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Объяснил, нечего сказать! На этом сон Дага кончился. От-

кровенно говоря, трудноато принять все это по-настоящему всерьез. Конечно, обижать Дага не хочется, но если сон означает, что она сию же минуту побежит не знаю куда искать не знаю что, так это уж чересчур, спору нет, особенно сейчас.

– Ты ведь не станешь отрицать, что задание довольно-таки туманное? Мягко говоря!

Разумеется, Даг этого не отрицал. Но сны часто бывают загадочны и требуют истолкования, и его сон может оказаться важным. Когда проснулся, он сразу это почувствовал и решил немедля рассказать обо всем Норе. Вот и рассказал. Пусть она теперь толкует этот сон по своему усмотрению.

– Спасибо тебе. Я непременно его обдумаю.

– Обдумай! Во всяком случае, я тебе рассказал... Даг ушел, а Нора опять нырнула под одеяло.

Можно еще часок вздремнуть. Странный сон. Она не стала говорить об этом Дагу, но ведь обычно в снах дело идет о том, кто их видит. Значит, скорее всего, Дагов сон касался его самого, а не ее.

И вопреки обещанию все обдумать, она про этот сон забыла.

После школы они с Дагом встретились на кухне, но ненадолго, потому что ему надо было спешить в балетную студию. Перед уходом он с важным видом вопросительно посмотрел на нее, однако ничего не сказал. А она думала о другом.

Необходимо наконец-то написать бабушке. Много времени это не займет. Но до чего же трудно собраться!

Бедная бабушка! Ходит, наверно, заглядывает в почтовый ящик, а письма нет как нет.

Время от времени бабушка присылала маленькие подарки, а Нора письмом благодарила ее. Собственно, все контакты между ними теперь этим и ограничивались. Конечно, жили они в разных городах, но не так уж и далеко друг от друга. Хотя казалось, что далеко. Расстояние было скорее психологического свойства, чем географического. После смерти мамы они все больше отдалялись друг от друга.

Маминим родителям приходилось нелегко, Нора понимала. Мама была их единственным ребенком. И они не смогли примириться с тем, что она ушла навсегда. А Нора как раз и напоминала им, что свою дочку они потеряли. И она их жалела.

Дедушка вообще почти не давал о себе знать. Стеснялся. Бабушкины письма, приложенные к подаркам, обычно заканчивались коротенькой строчкой: «Дедушка шлет привет». Эти слова он писал сам, красивым почерком. Всего три слова, и только. Но хоть что-то. Иначе она бы встревожилась.

Нора села за письменный стол. Ну, сейчас напишем! Она достала почтовую бумагу. И продолжала сидеть, глядя на нее.

На улице явно холоднее, чем кажется. Дым валил из труб и сплывал вниз, к земле. Ветер гнал белые клубы мимо окна.

Нора никак не могла сосредоточиться. Сквозь тучи проглядывало солнце, золотило дымные полосы. До чего же красиво. Нет, надо собраться!

Она попробовала представить себе лицо бабушки. И дедушки. И вдруг ей вспомнился один давний случай, произошедший, когда они с Карин ездили к бабушке и дедушке в гости. Было это всего через год-другой после несчастья. Они сидели за круглым столом, обедали.

Внезапно раздался звонок в дверь, дедушка встал. Но бабушка остановила его, она не хотела, чтобы он открывал. Звонок повторился, и тогда она, вздохнув, позволила ему выйти из-за стола. А сама напряженно прислушивалась к тому, что творится в холле.

Оттуда доносился голос, оживленный и веселый, но бабушка держалась как-то странно. Она громко окликнула деда: «Биргер, мы заняты!»

Резко так окликнула и выглядела очень недружелюбно. Нора прямо испугалась: бабушку как подменили.

«У нас нет времени!» – опять крикнула бабушка.

И тут кто-то впорхнул в комнату. Не то взрослая женщина, похожая на девочку, не то девочка, похожая на взрослую. Нора глаз от нее не могла отвести. Густые черные волосы, большие темные глаза. Красавица.

«Я должна познакомиться с Норой!»

Она засмеялась, потом улыбнулась всем, но подбежала напрямиком к Норе и заключила ее в объятия. Посмотрела Но-

ре в глаза, взяла за руки, осторожно обвила ими свою шею, ласково погладила и прошептала:

«Мама у тебя была замечательная. Я ее знала».

На глазах у нее выступили слезы, она крепко прижала Нору к себе. Нора тоже крепко ее обняла, сердце колотилось, от радости ее бросило в жар.

Тут она глянула на бабушку – и похолодела. Взгляд у бабушки был недобрый.

Нора испугалась. Что она сделала не так?

Она и не представляла себе, что у бабушки может быть такой взгляд! Не узнавала ее. Огляделась по сторонам в поисках помощи. Но дедушка стоял спиной, смотрел в окно. А Карин помешивала ложечкой свой кофе. Атмосфера в комнате была ужасная. Недобрая.

Нора не посмела обниматься дальше. Медленно разжала руки, и девочка-тетя, все поняв, тотчас ее отпустила.

«Мне пора идти».

«Вот спасибо. Нам хочется побыть в своем кругу. Малышка Нора навещает нас не слишком часто».

Голос бабушки, жесткий, неприветливый.

«Да, конечно, простите меня...» – Девочка-тетя помахала Норе рукой, улыбнулась и выпорхнула из комнаты. Дедушка вышел следом, закрыв за собою дверь. Вернулся он расстроенный.

Потом все заговорили о другом. Будто ничего не произошло. Для них явно было очень важно ни словом не упомя-

нуть о только что ушедшей. Они делали вид, будто ее не существовало. Нора недоумевала. И боялась.

На обратном пути она спросила у Карин, кто это заходил к бабушке. Карин долго смотрела на дорогу, потом наконец ответила, что сама толком не знает, наверно, какая-нибудь бабушкина родственница. Очень-очень дальняя.

«Она знала маму!» – Нора схватила Карин за плечо.

Карин не слышала, она как раз обгоняла какой-то автомобиль и думала о другом. Нора упрямо повторила: «Она знала маму!»

Но, по-видимому, у Карин не было на это ответа. Она опять следила за дорогой. А немного погодя сказала, что некоторых людей нужно остерегаться.

«Почему?»

Ну, некоторые люди очень прилипчивы, никак от них не отвяжешься.

«Это как же?»

Трудно объяснить; Карин вздохнула. Нора еще слишком мала, но когда-нибудь она поймет, что Карин имеет в виду. Эта вот особа как раз из таких – если не остерегаться, мигом прилипнет. Потому бабушка и не хочет ее привечать.

Теперь Норе понятно?

Она тогда поняла только, что продолжать расспросы бессмысленно. А потому показала на зайца у обочины. С тех пор речь о девочке-тете больше ни разу не заходила.

Почему же Нора вспомнила о ней сейчас?

Порой мысли впрямь возникают из ничего.

Окно опять заволочло дымом, и по комнате словно поплыли волны света.

Тут-то она вдруг и услышала этот звук!

Часы, что ли, тикают где-то поблизости? Негромкий, но звонкий металлический звук пел в воздухе. Нора огляделась.

Нет! Быть не может!

Маленький будильник на окне! Тот самый, который нашелся у нее в заколоченном шкафу во время ремонта. Который не желал ходить, сколько она его ни трясла. Про который часовщик сказал, что он безнадежно испорчен, надо менять механизм. А он сейчас знай себе тикает!

Просто невероятно. Но часы идут! Она видит, как ажурная, позолоченная секундная стрелочка бежит по циферблату.

Только вот... Нора глядит во все глаза! Что-то не так?

Часы идут назад!

Стрелка движется в обратном направлении!

Нора изумлена. Ошарашена.

В тот же миг за спиной раздаются знакомые шаги. Они уже в соседней комнате. Почти у ее двери. Явственные шаги легких ног. Осторожно приближаются, шаг за шагом. Нора чувствует, как по затылку бегут мурашки.

Шаги замирают. Останавливаются на пороге. Она сидит не шевелясь. Кто-то незримый стоит там, глядит на нее. Ждет. А часы все тикают. Тикают. Тикают.

– Что тебе нужно? – слышит Нора собственный голос. – Скажи, что тебе нужно!

Голос звучит ровно, это успокаивает ее, но ответа нет.

Она закрывает глаза, крепко зажмуривается и считает секунды, которые в тишине отмеряет будильник, отмеряет во времени вспять. Она сбивается со счета. Начинает снова. Сбивается. Начинает...

Наконец-то! Опять одна.

Осторожно она открыла глаза, осмотрелась. Солнце ушло за тучи. Кругом полная тишина.

А будильник? Он что же, остановился? Не слыша его, она встала, подошла к окну, встряхнула. Он был совершенно безжизнен. Секундная стрелка не двигалась – ни вперед, ни назад. По-прежнему испорчен, сломан. Нора поставила будильник на старое место.

Ой, все-таки надо написать письмо.

«Дорогая бабушка! Я очень обрадовалась, получив...»

Что это было?

Все уже дома? Вроде стукнуло где-то?

– Э-эй! Кто здесь?

Нора выбежала из комнаты. Дома никого. Она прошлась по квартире. Ни души, пусто везде. Мохнача Карин взяла с собой на работу, в библиотеку.

Стук донесся, наверно, из другой квартиры. Хотя ей казалось...

Ба, смотри-ка!

Она вправду не ослышалась. На полу в библиотечной комнате лежала открытая книга. Не иначе как свалилась с полки, сама собой. Интересно, как? Книжки-то стоят впритирку!

Нора подняла книгу, взглянула на заголовок.

«Русские народные сказки», найденные у нее в шкафу и отданные Карин, поскольку та собирала сказки. Может, Карин небрежно поставила книгу на полку? Нора поставила ее на стеллаж, удостоверилась, что она крепко зажата меж своими соседками, а потом вернулась к себе и дописала письмо бабушке.

В этот вечер, после ужина, Андерс собирался пересаживать комнатные растения, и Даг давно обещал помочь. Но теперь ему, оказывается, надо было ехать в балетную студию, на репетицию, ведь в мае у них спектакль. Даг не подумал об этом, когда уговаривался с Андерсом.

Андерс расстроился. Придется все отложить. Карин-то вечером дежурила в библиотеке.

– А я? Я могу помочь. Мне куда идти не надо. Андерс удивленно посмотрел на Нору. Она что, вправду готова помочь?

Почему бы и нет? Нора обиделась. Почему ее никогда не принимают в расчет? Вот опять тревожный знак, что она тут чужая, хоть они и старались это скрыть. Казалось бы, вполне естественно, что и она будет участвовать в домашних делах. Что все важное для них важно и для нее. Так нет же!

Стоило ей что-нибудь сделать, как происходила странная

вещь. Каждый раз они устраивали вокруг этого ажиотаж. Будто ей не положено себя утруждать. Неужели непонятно, что тем самым они ставят ее вне семьи?

Впрочем, все дело наверняка в добрых намерениях. Она ни в коем случае не должна думать, будто они ее используют. И другие глупые мысли ей ни к чему.

В конце концов Андерс согласился принять Норину помощь. Но только с маленькими горшками. Большие подождут до возвращения Дага. Для Норы они слишком тяжелые, так он считал.

Вообще-то ничего подобного, но всякая работа по дому очень утомляла Андерса. Лень тут ни при чем, да и «безруким» его не назовешь. Ведь всю квартиру своими руками отремонтировал, практически в одиночку. Но тогда он сам так решил.

А вот когда решение принимал кто-нибудь другой, в голове у Андерса происходило самое настоящее замыкание. И всё безумно усложнялось. Пересадить цветы велела Карин. У нее не было времени, и она попросила его. В свою очередь Андерс попросил Дага. А в итоге случилась такая незадача. Помочь вызвалась одна только Нора. Андерс озабоченно покачал головой.

В основном он так и стоял с трубкой в зубах и растерянным видом. Чего стоит хотя бы извлечь растение из старого горшка! А Нора-то вон как ловко управилась. Сам Андерс едва не поломал и растение, и горшок. Нет, это не для него.

А Нора радовалась, ей было приятно помогать Андерсу, она чувствовала себя вправду полезной.

Когда горшки снова стояли на своих местах, политые и довольные, Андерс отправился на вечернюю прогулку. Он пойдет за Карин в библиотеку. Нора осталась в квартире одна.

На улице стемнело. По окнам пробежали тревожные блики, когда фонари раскачивались на ветру. Пятна света металась по стенам.

Нора быстро пошла к себе – скорее в свою комнату. Она не то чтобы боялась, но...

Из всех углов выглядывали тени. В зеркалах, когда она шла мимо, что-то мелькало. По дороге она тут и там включала лампы. Как световые ориентиры во мраке.

На ковре в библиотеке Нора споткнулась. Зажгла свет и увидела, что на полу опять валяется книга.

«Русские народные сказки»!

Как же так? Ведь она аккуратно поставила их на полку! Снова подняла книгу. Рука легонько дрожала.

Книга была открыта, как в прошлый раз, и на той же странице. Но в прошлый раз она туда не заглянула. А теперь глаза сами уткнулись в текст. В такие вот строчки:

Послушай-ка, что я тебе скажу! Служил ты мне верой-правдой, и вот тебе такой указ: Поди туда – не знаю куда, Принеси то – не знаю что!

Нора ошеломленно смотрела на эти слова. Перечитыва-

ла их снова и снова. Чем-то они ей вроде как знакомы. Эти странные, бессмысленные слова. Где она могла их слышать?

Она медленно закрыла книгу, поставила ее на полку. И тут вдруг вспомнила!

Сон!

Дагов сон, который он рассказал нынче утром. А она толком не слушала. Именно эти слова произнес во сне директор.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что!» – сказал он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сперва Нора едва не помчалась к Дагу, чтобы все выложить, но вовремя вспомнила, что его дома нет, а потом у нее возникли совсем другие мысли.

Даг – большой фантазер, да и она тоже легко увлекалась и входила в раж. А делать из мухи слона совершенно незачем.

Всё, конечно же, куда менее странно, чем кажется.

Она успела обдумать ситуацию.

Упавшая книжка и сон – просто совпадение. Даг наверняка листал сказки и набрел на эти строки, запомнил их, сам того не сознавая, а потом они всплыли во сне.

И что книжка сама собой свалилась на пол, в общем, тоже вполне объяснимо, если вдуматься. По улице часто проезжают тяжелые грузовики, и тогда весь дом дрожит. Переплет у книги глянцевый, скользкий, вот она мало-помалу и вытряхнулась с полки.

Да и в истории с будильником тоже ничего удивительного нет. Комната у Норы солнечная. И как раз на подоконнике, где стоял будильник, было сущее пекло. Внезапный нагрев, разумеется, и привел механизм в действие. А как только солнце ушло, часы остановились. В этом все дело.

Но шаги? Как объяснить их?

Тут будет посложнее. Конечно, половицы в старых домах иной раз скрипели, и казалось, будто по ним кто-то ступает.

Однако в соседней комнате пол целиком был мягкий, ковровый. А не дощатый. Но шаги звучали так, словно ступали по дощатому полу.

Хотя причин для беспокойства все равно нет. Шаги ничем ей не угрожали, она чувствовала, и это самое главное.

Словом, если вдуматься и не паниковать, в большинстве случаев отыскивалось вполне естественное объяснение. Поэтому Нора ничего Дагу не сказала.

Но однажды вечером, примерно неделю спустя, когда она после прогулки с Мохначом вернулась домой, Даг встретил ее в передней, и вид у него был возбужденный и таинственный.

– Знаешь, тебя тут по телефону спрашивали.

– Да? А кто?

– Понятия не имею. Разговор был какой-то странный.

Звонила старушка, спросила Элеонору Хед. Услыхав, что Норы дома нет, она растерялась и замолчала. Похоже, очень старая.

– Голос старческий такой, ломкий.

– Она не назвала себя?

– Нет, я даже спросил, а она ответила, что это значения не имеет.

– Предложил бы ей перезвонить.

– Я и предложил, но она, как услышала, что трубку взяла не ты, поспешила закончить разговор. Оробела, что ли.

– Значит, она не сказала, зачем звонит?

Ну как же, под конец попросила передать Норе – точнее, Элеоноре, она так говорила, – чтобы та наведальась в один маленький магазинчик в стокгольмском Старом городе. Адрес Даг записал. Там ей нужно спросить некую Сесилию Агнес.

– Сесилию Агнес? – Нора вопросительно посмотрела на Дага. – А фамилию она не назвала?

– Нет. Но утверждала, что в Стокгольм ты поедешь на этой неделе. И тогда непременно стоит наведаться в Старый город, так она сказала.

Ничего себе разговорчик! Нора нетерпеливо мотнула головой. Она вовсе не собирается в Стокгольм! В школе они, конечно, обсуждали поездку всем классом, но решили отложить ее до следующего года. Сейчас ни у кого нет денег, лучше подкопить, а уж тогда и ехать. Да и Стокгольм, в общем, на повестке дня не стоял. Большинство там уже не раз бывало.

– Я ей сказал, что ты вряд ли скоро поедешь в Стокгольм. Но она и слушать не желала. Говорила так, будто это ужас как важно.

– Что важно?

– Чтобы ты зашла в тот магазинчик в Старом городе и разыскала Сесилию Агнес.

– Но ведь это невозможно! Не получится. Все-таки хорошо бы ей перезвонить.

Даг считал, что это едва ли. У него сложилось твердое впечатление, что старушка перезванивать не станет. Она сооб-

шила, что хотела, а там будь что будет. Голос у нее звучал решительно, когда она попрощалась и положила трубку.

– Да, странный был разговор. Я ничего не понял. А ведь какой-то смысл в нем наверняка есть...

Нора быстро взглянула на него. На секунду у нее мелькнула мысль, что, возможно, этот телефонный разговор – ответ на странный призыв книги и Дагова сна идти «туда – не знаю куда» и принести «то – не знаю что».

Может, ей надо в Старый город? Искать эту самую Сесилию Агнес?

Не мешало бы выяснить, что думает Даг.

– Даг!

– А?

– Нет, ничего. – Она вдруг отбросила эти мысли. Наклонилась и погладила Мохнача, который враспяжку лежал на ковре.

– Нора... – Даг сел на пол рядом с Мохначом. Задумчиво посмотрел на нее.

– Что?

– Ты что-то хотела мне сказать? Она пожала плечами, пряча глаза.

– Так, пустяки.

Но Даг не сводил с нее пристального взгляда.

– Я хочу с тобой поговорить. Сядь!

Она послушно села. По другую сторону от Мохнача. Сперва оба молчали, тормозили пса. Потом Даг вдруг ска-

зал, ни с того ни с сего, как ей показалось:

– Иногда с тобой ужасно трудно. Ты об этом знаешь?

Она не ответила, и он добавил:

– Хотя, наверно, трудно бывает со всеми. И со мной тоже.

– Об этом ты и собирался поговорить?

– Нет, просто вдруг подумал... Мне кажется, мы оба сейчас ходим по кругу, словно кошка вокруг горячей каши.

– Да? Что ты имеешь в виду?

Даг перегнулся через Мохнача и, не глядя на нее, сказал:

– По-моему, снами пренебрегать не стоит.

– Может быть, только я редко помню свои сны.

– Не виляй! Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Вовсе нет...

– Еще как знаешь! Но если хочешь закрыть глаза, тогда закрывай! Я мешать не стану.

Даг шевельнулся, собираясь встать, однако Нора остановила его.

– Сиди! Давай-ка выкладывай, что ты имеешь в виду!

Он сел и в упор посмотрел на нее.

– Я имею в виду, что этот телефонный звонок вполне может быть продолжением моего сна. Ты же и сама наверняка так подумала, а?

– Ну, в общем, подумала, только...

– Я так и знал. Вот видишь. В таком случае ты поняла, что тебе нужно обязательно поехать в Стокгольм. И пойти в тот магазинчик, что в Старом городе. И спросить насчет

этой девчонки, Сесилии Агнес.

– Девчонки? Почему ты решил, что это девчонка? Она так сказала?

– Не-а, но, по-моему, уж точно не мальчишка. Нора нетерпеливо вздохнула. Она имела в виду совсем другое. Ведь это может быть и пожилая дама, верно?

Тут Даг явно ничего возразить не мог. Пожал плечами и с рассеянным видом сменил тему. Заговорил о том, что жизнь намного содержательнее, чем считают люди. Ведь глупо же – верить, будто хилый человеческий умишко способен постичь все.

Как подумаешь об этой наглости, прямо зло берет. Так оскорблять мироздание!

– Нам бы следовало хоть чуточку уважать и принимать в расчет тайные знаки, которые вправду нам даются. А мы только и делаем, что затыкаем уши, закрываем глаза да рубим сплеча, воображая, будто сами все знаем. – Даг встал и, продолжая рассуждать, взволнованно прошелся по комнате. Потом вдруг остановился и строго посмотрел на Нору. – Ты меня слушаешь?

– Конечно.

Это была правда, она слушала внимательно, и он продолжил:

– Нам необходимо гораздо чутче, не как сейчас, относиться к многообразным способам, какими выражает себя жизнь. Тайные знаки и сигналы мы получаем все время. Но отыски-

вать их должны сами. А это нелегко, ведь мы по уши погрязли в рекламе всякого барахла. Мы должны быть бесконечно благодарны, что жизнь вообще берет на себя труд изредка подать нам сигнал! – Он сверлил Нору взглядом. – Понимаешь?!

– Да, учитель! – Она сидела прямая, как кочерга. Даг прыснул.

– Ладно, Нора, хватит на сегодня. Теперь ты, во всяком случае, понимаешь, что мои сны надо принимать всерьез.

– Даг! – Что?

– Идем, я тебе кое-что покажу!

Она вскочила и, опережая его, побежала в библиотеку. Хотела показать ему «Русские сказки». То место, на котором открылась книга, когда сама собой упала на пол. В смысле, из-за транспорта на улице. Так она рассказала Дагу.

– Ты же знаешь, какие тяжеленные грузовики тут иной раз ездят.

Даг посмотрел на нее с сомнением.

– Книжки-то из-за этого на пол не падают, а? Где она стоит?

Нора подошла к стеллажу. Она точно помнила, куда поставила книгу. Но там ее не было. И на полу тоже не видно. «Русские народные сказки» исчезли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующий день Андерс, вернувшись из школы, сообщил, что в эту субботу вместе со своим классом едет в Стокгольм. Вот так, в пожарном порядке. Намечена экскурсия в Технический музей, и Андерс спросил, нет ли у Дага и Норы желания поехать с ними. По коллективному билету.

Нора почувствовала, что Даг смотрит на нее. Они все четвером мыли на кухне посуду. Карин тоже была здесь.

– Вот здорово! Заодно Нора сможет навестить дедушку и бабушку, – сказала Карин.

Нора лихорадочно вытирала половник и молчала. Хотя и видела, что Даг делает ей знаки.

– Ты понимаешь? – шепнул он.

Конечно. Она понимала. Но пока не говорила ни слова. Даг сказал, что с удовольствием поедет, и Андерс вопросительно взглянул на нее.

– А ты?

Чтобы выиграть время, Нора уронила вилку.

– Тебе совершенно необязательно идти с нами в музей, если ты не хочешь. Можешь делать что угодно, по своему усмотрению. Только к поезду не опоздай, чтобы нам уехать домой всем вместе. Ну как, согласна?

В общем, да. Сперва она позвонит бабушке и спросит, можно ли к ним заехать. А уж потом решит окончательно.

Даг недоуменно посмотрел на нее, а когда они остались вдвоем, спросил, как это понимать. Ведь ей представляется возможность навестить магазинчик в Старом городе. Опять-таки знак, неужели не ясно?

Верно. В том-то и дело. Она не желала признавать, что ее поступки предопределены. Неведомыми силами, о которых ей ничего не известно. Со вчерашнего дня она успела все обдумать.

– Я так не хочу! Я хочу сама собой распоряжаться! Но диктат неведомых сил тут ни при чем. Она ошибается. Речь идет о чуткости. О восприимчивости. К сокрытым тайнам жизни.

– Нет. Речь обо мне! Плевать я хотела на знаки и сокрытые тайны. Я – человек свободный!

Голос у Норы звучал решительно, чуть ли не сердито.

– У нас об этом, как видно, совершенно разные представления, – сказал Даг, с обидой и глубоким разочарованием. А Нора расхохоталась.

– Зря ты так разволновался. Может быть, я и поеду в Стокгольм. Надо же проведать дедушку с бабушкой.

Но когда Нора позвонила в Стокгольм, там никто не ответил, а на другой день пришла открытка из Даларна¹. Дедушка с бабушкой были в отъезде, домой они вернутся только в следующий понедельник. Стало быть, с визитом придется повременить.

¹ Даларна – историческая область Швеции. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Значит, ты не поедешь? – мрачно заключил Даг. Нора промолчала. Она еще не решила. А дело было в пятницу, накануне поездки.

Вечером Даг неожиданно спросил у Карин, не видела ли она «Русские народные сказки». Тут-то и выяснилось, что Карин просто их переставила, они стояли не на месте. Им положено находиться в комнате у Карин, среди остальных сказочных сборников, а вовсе не в библиотеке. Ей вообще непонятно, как они там очутились. Даг сходил за книгой и протянул ее Норе.

– Что ты хотела мне показать?

Однако Нору обуял дух противоречия. Как раз сейчас ей ни капельки не хотелось показывать Дагу тот отрывок и лить воду на его мельницу. С этим можно подождать. Смеясь она взяла книгу, открыла наугад и нарочито высокопарным тоном прочла первые попавшиеся строчки:

Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, спроси у нее совета.

Даг посмотрел на нее с удивлением. Что она хочет этим сказать? Нора смеясь пожала плечами. Ничего, просто так выпало.

– Но показать ты собиралась не это?

– Честно говоря, нет. Но сейчас я не сумею найти то место. В другой раз покажу.

Она отложила книгу, и Даг разочарованно ушел, буркнув: – С тобой вправду трудно. Не пойму я тебя. Нора рассмеялась. Она не сказала, но, услышав, что сказки благополучно нашлись, а никуда не исчезли, она почувствовала облегчение.

– Можешь думать что угодно! – крикнула она вдогонку Дагу. – Завтра я все равно поеду с вами в Стокгольм. Я так решила!

Отъезд был назначен на раннее утро. На семь часов. Но поезд опаздывал. Мальчишки из Андерсова класса теснились на вокзальных диванах, и от недосыпу вид у них был осунувшийся. Один только Андерс выглядел вполне бодрым. Он любил экскурсии и предвкушал чудесный денек.

Нора в этот ранний час тоже не совсем еще проснулась, а Даг бродил с рассеянной улыбкой на лице, иначе говоря, дремал на ходу.

Словом, когда после почти часового ожидания наконец-то сели в поезд, настроение было весьма унылое. Вот и хорошо, подумала Нора; она устроилась в уголке возле окна и спряталась под своим пальто. Можно поспать. Поезд тихонько ее укачает.

Но нет. Как только поезд отошел от платформы, все вокруг почему-то оживились. Настроение с прямо-таки пугающей быстротой взмыло вверх и в итоге достигло таких высот, что о сне и думать было нечего. Она выглянула из-под пальто – посмотреть, как там Даг. Вдвоем можно бы, пожа-

луй,лизнуть в другое купе, отделаться от этой малышни. Всего-то на два года моложе, а как заметно. Им бы только покричать для полного кайфа.

Нора огляделась, искала Дага. И, к собственному разочарованию, увидела, что он самозабвенно играет с каким-то мальчишкой в крестики-нолики. Она встала и в одиночку смылась в другой вагон. Там было почти пусто, она села в уголок и заснула. Сквозь сон слышала временами, как мимо проходят люди, но не обращала внимания.

Несколько раз по вагону протарахтела кофейная тележка. До Норы долетали голоса, громкий шум, а во сне эти звуки еще усиливались. Она открыла глаза и увидела женщину в белом халате, с пышными темными волосами, которая разливала по чашкам кофе.

Шум и белый халат навеяли Норе сон про больницу. Правда, очень бессвязный. Как часто бывало, речь в нем шла об автомобильной аварии, в которой погибли мама и папа.

Женщина в белом халате стояла склонившись над мамой. Во сне она преобразилась не то в доктора, не то в медсестру. Положила руку маме на лоб и спросила, не узнаёт ли мама ее. «Я – Карита, – сказала она. – Ты забыла меня?»

Но мама умерла и не отвечала.

Больше ничего из этого сна Нора не запомнила.

Проснулась она оттого, что за спиной кто-то позвал: «Карита!» – и вдалеке послышалось гроыханье кофейной тележки, катившей по вагонам обратно.

Голос, что позвал Кариту, был приглушенный, даже застенчивый. Чистый девчоночий голос. Женщина с кофейной тележкой улыбнулась и издали помахала рукой.

Немного погодя она появилась в проходе, с чашкой горячего шоколада в руке. На лице у нее играла легкая усмешка, да такая прелестная, что Нора глаз не могла отвести. Мимходом женщина посмотрела на Нору, и взгляды их на миг встретились.

Девочка с чистым голосом сидела прямо за Норой. И Нора слышала, как они шептались между собой и хихикали. Девочка явно доводилась буфетчице дочкой. Нора уловила слово «мама».

Спустя несколько минут женщина опять пошла к своей тележке. Нора подняла глаза, и их взгляды опять на секунду встретились.

Нора встала. Ей тоже хотелось горячего шоколада. Она сама не понимала, что на нее иной раз накатывало. Ни с того ни с сего ее вдруг охватывала неопишуемая тоска – неведомо по чему. Но это неведомое что-то сквозило в той самой улыбке.

Она было шагнула к тележке.

Но тут в купе вошел Даг.

– Вот ты где! Почему ничего не сказала? Я весь поезд обегал, пока тебя разыскал!

Значит, шоколада не будет. И улыбки тоже.

Нора поплелась за ним. Может, удастся хоть краешком глаза увидеть девочку с чистым голосом, дочку той женщи-

ны. Но, увы, не удалось. Даг потащил ее в другую сторону.

Сказал, что они уже подъезжают к Стокгольму.

Технический музей оказался для Норы не менее интересным, чем для остальных. Старинные велосипеды и автомобили просто потрясающие. А чего стоят хитроумные механические модели Польхема², ведь они целиком из дерева. В эпоху пластика смотреть на них особенно приятно.

После экскурсии Андерс со своим классом собрался пообедать в одном из баров на площади Хёторг. А они пока не решили, чем заняться дальше. Даг уговорил Нору махнуть на Юргорден³, и они попрощались с остальными, условившись о встрече на вокзале, у поезда.

В ларьке они купили по горячей колбаске, потом зашли на Юргордене в маленькую закусочную, выпили кофе. Погуляли в парке и неожиданно очутились на пароме, направлявшемся в Старый город.

– Ну, ты и хитрюга! – Нора взглянула на Дата. – Я же сказала, что не собираюсь идти в тот магазинчик.

Но говорила она без злости. Настроение у обоих было чудесное.

Дат считал, что можно хотя бы проверить адресок, полученный от старушки. Поглядеть, что это за магазинчик. А

² Польхем Кристофер (1661—1751) – шведский ученый, техник и изобретатель.

³ Юргорден – остров в Стокгольме, где находится, в частности, этнографический парк Скансен.

внутри заходить необязательно, если она не хочет.

Может, и сама Сесилия Агнес там, в магазинчике! Вдруг они увидят ее в окошко, хотя бы мельком? Что в этом плохого?

Таким вот манером Даг умасливал Нору, чтобы поставить на своем. Но она только смеялась.

– Что, если это милая молоденькая девушка? Как ты тогда поступишь? Все равно под окном останешься?

Ну, может, он тогда и зайдет, почему бы нет? Даг призадумался.

– Впрочем, это может оказаться и старуха. Тогда заходить не буду.

Даг слегка нахмурился, его обуяли мрачные мысли. С ним всегда так. Когда мечтания, достигнув предельных высот, шли на спад, его охватывали опасения. А после он опять начинал подъем к головокружительным высям. Будто маятник – вверх-вниз, вверх-вниз. По дороге в Старый город Даг успел пройти все стадии, в подробностях обрисовал наилучшие и наихудшие ситуации, в которых они могли очутиться.

– Ты буквально все расписал заранее. И будешь только разочарован.

– Да никогда в жизни! – объявил Даг. Это ему не грозит. Реальность намного интереснее самых буйных его фантазий.

В известном смысле он прав.

Реальность просто другая, это уж точно.

Когда они добрались до места, магазинчик оказался на

замке.

Крохотный-то какой – сущий закуток. Даг прижался носом к стеклу витрины.

– Вот черт!

Из темной витрины им навстречу со всех сторон жутковато поблескивали круглые глаза. По-детски широко распахнутые, любопытные и немножко печальные. Потом в уличном свете проступили фигуры, лица, мордочки. Поблекшие куклы, забавные зверушки.

Даг спросил в соседней лавочке и выяснил, что за темной витриной обретался так называемый «кукольный доктор». Ну, то есть там работало несколько человек, все – большие мастера по части ремонта сломанных игрушек. Многим покалеченным куклам и зверькам помогли. А главное, утешили несчастных ребятишек.

Но никакой Сесилии Агнес среди кукольников не было. Наверно, это одна из помощниц. Они иногда нанимают временных сотрудников, когда работы много, однако человек, с которым разговаривал Даг, не знал, как дело обстоит сейчас.

По субботам магазинчик всегда закрыт. Ничего не поделаешь. Нора не расстроилась, а Даг призадумался. Они побродили немного по окрестным переулкам. Там кишмя кишел народ. Люди бегали по магазинам, посещали художественные галереи. Суббота – везде вернисажи.

Притомившись, они зашли в Большую церковь⁴ – и столк-

⁴ Большая церковь – собор Св. Николая в Стокгольме; построена в середине

нулись с Андерсом и его малышкой.

Вот уж некстати. Даг заспешил прочь. А Нора решила побыть тут. И он ушел один, сказав, что скоро вернется; она обещала подождать.

Андерс со своими ребятами тоже быстро ушел. Нора осталась одна. Заиграл орган. Она зажгла несколько свечей в шаровидном подсвечнике и села на скамью послушать музыку.

Немного погодя вернулся Даг.

Глаза у него сверкали. Кое-что произошло! Он потащил Нору на площадь Стурторг.

– Представляешь?! В магазине кто-то есть! Я сходил туда еще разок. Чувствовал, что сдаваться не стоит. Сон. Телефонный звонок. Поездка в Стокгольм. Магазины. Пока что все сходилось.

Почему же магазинчик должен быть закрыт, когда они подойдут?

Увы. Именно это и не сошлось. Потому-то Даг и наведалься туда еще раз. И действительно, в магазинчике кто-то был. Внутри горел свет. И он заметил какую-то фигуру.

– Идем скорей! Нельзя упускать такую возможность!

Даг был счастлив. За углом ожидало чудо. Хочешь не хочешь – придется идти.

Когда они подошли, свет горел по-прежнему. Только не в самом магазинчике, а в задней комнате. Но входная дверь на замке, магазинчик закрыт.

Даг прижался носом к стеклу. Возле самой двери.

– Сама постучишь? Или я?

– Да ну, идем отсюда. Заперто ведь. – Нора попыталась увести Дага, но безуспешно. Он громко замолотил в дверь.

Нора поспешно метнулась в сторону. Стала поодаль, наблюдая за происходящим. Дверь отворилась, и Даг исчез внутри. Подождем. Вышел он далеко не сразу. И со свертком в руках. Как это понимать? Он что-то купил? Ведь денег-то у него кот наплакал.

– Это тебе! – Даг протянул ей сверток.

– Даг, ты чего? Напрасно ты...

– Вовсе не напрасно. Меня попросили передать это тебе!

– Кто?

Даг не ответил. Взглянул на часы и сказал, что пора ехать домой. Не опоздать бы на поезд! Он прибавил шагу. Чтобы не отстать, Нора почти бежала. Сверток был легкий, но неудобный. Заметив это, Даг предложил помочь.

– Спасибо. Слушай, а что все-таки произошло?

– Потом расскажу.

– Ты видел Сесилию Агнес?

– Нет. Дай-ка сюда сверток! Надо спешить. Нора отдала сверток, и они зашагали дальше.

Но по дороге Даг так ничего толком и не сказал. Лишь на Центральном вокзале она узнала, что случилось. Пришли-то они заблаговременно. Остальные еще не явились. Даг спешил совершенно зря. Почему-то он нервничал и был вроде

как не в духе. В магазинчике он застал одного из кукольников. Очень симпатичный дядечка. Всю мастерскую ему показал.

– Ты спросил насчет Сесилии Агнес?

– Само собой.

– И что он сказал?

Ничего. Принес этот сверток и вручил Дагу. Хотя сперва, похоже, колебался. Ведь зайти за свертком должна была девочка. Но, услышав, что девочка ждет на улице, он успокоился.

– А откуда он знал, что девочка та самая? Он знал, как меня зовут?

Нет, но ведь Даг спросил про Сесилию Агнес, стало быть, все ясно. Никаких проблем.

Но кто такая Сесилия Агнес, Дагу выяснить не удалось. Тот дядечка тоже ничего не знал. Он получил сверток и обещал передать его тому, кто спросит о Сесилии Агнес. Думал, это имя – просто пароль.

– Сам я, понятно, так не считаю, – сказал Даг. – Оно безусловно что-то означает.

– Ты не спросил, кто оставил сверток?

А как же. Только мало что сумел узнать. Дама преклонного возраста. Заходила очень ненадолго. На улице ее ожидало такси. Тот дядечка сам принял от нее сверток. Еще минувшей осенью. Почему-то он решил, что сверток должны забрать до Рождества, и встревожился, когда никто не пришел.

Чувствовал себя в ответе, как-никак сверток доверен ему. И очень обрадовался, что наконец-то может сбыть его с рук.

Вот и все. Ничего не попишешь.

– Наверняка это сама старушка! – с жаром воскликнула Нора.

– Старушка? О чем ты?

– Ну, Сесилия Агнес – это сама старушка и есть.

Нет, Даг с нею не согласился. Откуда она это взяла? Чем докажет? Ткнула пальцем в небо. Но по телефону звонила и сверток оставила одна и та же особа. Кто же она такая? Даг тряхнул головой.

– Не понимаю я, почему она не назвалась!

– Выходит, ни малейшей зацепки?

К сожалению. Старушка замела все следы. Если, конечно, разгадка не спрятана внутри свертка.

– А ведь ты прав! Ясное дело...

Нора быстро огляделась по сторонам. Ни Андерса, ни его ребят пока не видно. И диван свободный есть, вон там. Можно сесть и быстренько развернуть сверток. Времени хватит.

Но Даг остановил ее и серьезно произнес:

– Ты должна развернуть сверток без свидетелей. Это очень важно. В полном одиночестве.

– Почему? Кто так сказал?

– Дядечка из кукольной мастерской. Ему сказали, чтобы, отдавая сверток, он не забыл об этом предупредить. Условие очень важное, он даже записку себе написал. – Даг порылся

в кармане, вытащил помятый листок, протянул Норе. – Вот!
Смотри сама!

Она расправила листок и прочла кукольникову записку:

Внимание! Не забудь! Девочка должна развернуть сверток **В ОДИНОЧЕСТВЕ, БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ!** Обязательно скажи ей об этом! И содержимое никому показывать нельзя!
ВАЖНО!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сверток лежал на багажной полке. Нора нет-нет да и поглядывала туда. Он был продолговатый, довольно легкий, внутри ничего не гремело. Невозможно догадаться, что в нем.

Как же медленно тянется время! Поезд был переполнен, и Нора сидела отдельно от своих. Даг вместе с Андерсом и его ребятами ехал в другом вагоне. И выглядел слегка разочарованно. Интересно, чего же он ожидал?

Все-таки Даг большой фантазер и романтик. Она бы не удивилась, если б он втайне верил, что встретит сегодня свою «судьбу». Что ни говори, имя Сесилия Агнес навевало романтические мечты. Звучало весьма поэтично.

Девочки в школе считали, что Даг слишком застенчивый. Или «необщительный», как говорили некоторые. Внешне он симпатичный, хотя, понятно, не писанный красавец. Надо проявить интерес, присмотреться, тогда и разглядишь, какое тонкое у него лицо. Будь он менее замкнут, от девчонок отбою бы не было. К тому же он их побаивается. Но не ее. К счастью.

Большинство считали их братом и сестрой.

В общем, правильно. Хоть и не совсем. В некотором смысле они даже больше чем брат и сестра. Отношения между братом и сестрой легко оборачиваются банальной прозой.

Скукой. Но Даг всегда обращался с Норой очень уважительно. Как и она с ним. И несмотря на то, что они прекрасно друг друга знали, вместе им никогда не бывало скучно.

«Мы больше друзья, чем брат и сестра, – однажды заметил Даг. – К тому же в сестру нельзя влюбляться».

Что он имел в виду?

Об этом она спрашивала себя много раз. Может ли Даг влюбиться в нее? Вряд ли. А она в него? Тоже вряд ли.

Но почему эти мысли лезут в голову именно сейчас?

Не иначе как потому, что он сидит с другими, а не с нею. Она, конечно, опасалась наскучить ему своим нежеланием поверить в его тайные знаки. Но именно странные происшествия, случавшиеся с нею, вынуждали ее к особенной осторожности. Хотя Даг об этом знать не знал.

Больше всего на свете она боялась потерять Дага. Боялась потерять его дружбу – что угодно, только не это!

Как-то раз Даг сказал, что никогда не женится, если Нора не одобрит его избранницу, вдобавок она непременно должна походить на Нору.

Ох и жарница тут, в купе! Надо открыть окно, впустить свежего воздуха. Нора встала.

Нет, к окну не подойдешь, муторное дело – слишком много народу. Она опять села.

А эта вот Сесилия Агнес...

Наверняка Даг разочарован оттого, что не встретился с нею. Он ведь так мечтал...

Господи!

Неужто она ревнует? К имени? К девочке, которая, может, вовсе и не существует?

Бедняга Даг...

Конечно, так оно и есть. Его Сесилия Агнес не существует...

Наверно, легче забыть того, кто существует не в жизни, а только в воображении?

Или...

Быть может, терять образы мечты и фантазии так же больно, как и живых людей?

За примером далеко ходить не нужно. Мама и папа – ведь теперь они стали для нее в первую очередь грезой, фантазией. Их словно бы никогда не существовало. Чтобы устоять, ей поневоле пришлось вычеркнуть их из реальности, стереть, уничтожить память о них.

Впрочем, вероятно, тут дело другое?!

Она все ж таки их видела. Прикасалась к ним, а они к ней.

Интересно, что же находится в свертке? И от кого он?

Вдруг от кого-нибудь, кто знал маму и папу? И сохранил что-то принадлежавшее им? Может, потому ей и велено развернуть свертки в одиночестве и никому не показывать, что в нем? Может, там что-то очень личное? Настолько личное, что не выносит чужих взглядов? Оттого-то и отдано ей.

Чем больше она размышляла, тем больше в этом уверялась. Поначалу у нее мелькала мысль все-таки позвать Дага.

Но если сверток имеет отношение к маме и папе, лучше развернуть его без свидетелей.

Как она раньше-то не подумала, что все это может быть связано с мамой и папой? От радости ее прямо в жар бросило.

Дома Нора сразу прошла к себе и закрыла дверь. Уже стемнело, она чиркнула спичкой и зажгла свечу – живой огонек вместо электрической лампочки.

Сверток лежал на кровати. Нора взяла его в руки, на миг прижала к себе. Потом медленно, будто священнодействуя, развязала шпагат, узелок за узелком. Пальцы двигались неторопливо, но сердце замирало от ожидания.

Аккуратно смотав веревочку, она сняла верхнюю обертку. Под нею обнаружилось несколько слоев гофрированного картона, а потом у нее на коленях очутился какой-то предмет, тщательно упакованный в папиросную бумагу.

Она прижала его к груди. Папиросная бумага зашуршала. Огонек свечи на столе затрепетал, из углов выглянули мягкие тени. Ей чудилось, будто тени тоже полны ожидания, как и она сама.

Что же прячется в папиросной бумаге?

Оттуда веет легким запахом мыла, хотя нет, скорее уж духов.

Листы папиросной бумаги один за другим шурша падали на пол.

Кукла!

Удивительная! Нора таких никогда не видела. Больше похожа на статуэтку, сделанную с натуры. Словами описать невозможно.

Маленькая девочка, лет десяти, не старше, с бледным и серьезным личиком, вылепленным так тонко, так изящно, что оно казалось совершенно живым.

Лицо не куклы, но человека.

Печальные глаза, которые многое знали о жизни, недоверчивый маленький рот. Таково было первое впечатление.

Когда же Нора положила куклу на колени и наклонилась к ней, когда осторожно обхватила ладонью головку, приподняла ее и с нежностью посмотрела на маленькую фигурку, ей показалось, что личико выглядит по-другому. Оно как бы просветлело, глаза улыбались, рот стал по-детски простодушным. На миг все личико озарилось доверием.

У Норы чуть слезы из глаз не брызнули.

– Бедняжка... – Она крепко обняла куклу. – Откуда же ты взялась?

Кукла была очень старая, сделанная давным-давно, возможно еще в начале века. По крайней мере, судя по одежде. Высокие черные ботинки на пуговках, изящные, отличной работы. Черные шелковые чулочки. Нижняя юбочка и панталоны с вышитой оторочкой. Платье из черной материи в мелкий розовый цветочек – пышная юбка по щиколотку, рукава с буфами. Манжеты и ворот обшиты белыми кружевами. Шапочка из той же материи и тоже с кружевами.

Высотой кукла была около тридцати пяти сантиметров и отличалась замечательной соразмерностью.

Каштановые, но не слишком темные волосы заплетены в две косы. Причем волосы настоящие, человеческие, а не искусственные. Глаза – с зеленоватым отливом. Сняв шапочку, Нора увидела прелестный круглый затылочек и очаровательные ушки.

Загляденье, а не кукла. Нора готова была влюбиться в нее.

Но откуда же взялась эта малышка?

Кто ее сделал?

И кто служил натурой?

Ведь это явно портрет живого человека. Такую необычную внешность придумать невозможно.

Да, Нора уже полюбила малышку. Что-то в ее облике казалось до боли знакомым, хотя это наверняка обман чувств. Она точно знала, что в жизни не видела никого похожего на эту куклу. Но ей очень хотелось, чтобы такая девочка вправду существовала и чтобы они когда-нибудь встретились.

– Я о тебе позабочусь, – прошептала Нора. – И никогда тебя не брошу.

Кстати, надо найти ей имя. Просто куклой ее звать невозможно. Слишком она живая. Выражение личика все время меняется вместе с освещением. Вот сейчас она смотрит умоляюще.

В поезде Нора была твердо уверена, что сверток каким-то образом связан с родителями. Теперь она думать об этом за-

была. В голове мельтешили совсем другие мысли.

Свеча на столе горела спокойно и ровно. И тени в углах не двигались. В воздухе веяло волшебством.

– Дорогая... кто ты?

Она легонько провела ладонью по куклиному платью, по круглым пуговичкам на лифе. У ворота что-то блеснуло. Тонкая серебряная цепочка. Нора вытащила ее из-под платья – на цепочке обнаружился маленький серебряный медальон, овальной формы, не больше десятиэревой монетки. На серебряной крышечке выгравирован замысловатый вензель, две буквы: «СБ».

Что же они означают?

Осмотрев медальон, Нора ухитрилась ногтем открыть его. Внутри был портрет, миниатюра, малюсенькая, но на удивление отчетливая. Сверху прикрытая тонким стеклышком.

Нет никакого сомнения, лицо на портрете то же самое, куклино! Сердце у Норы учащенно забилося. Она достала лупу, чтобы как следует рассмотреть миниатюру. Точно, тот же взгляд, тот же овал лица, лоб, нос, рот.

На портрете она была старше. Значительно старше. А выражение лица все такое же – чуть печальное, недоверчивое. Бедняжка, видно, жилось ей не очень весело.

В другой половинке медальона находилось кое-что странное. Волосьяная косичка – сантиметров пятнадцати длиной и всего миллиметр-другой в толщину. Свернутая колечком и тоже под стеклом.

Стекло было съёмное. Нора вооружилась пинцетом и скоро держала косичку в руках. Волосы точь-в-точь как у куклы – и цветом, и качеством. И на портрете волосы опять-таки того же цвета. Теперь хотя бы ясно, откуда они у куклы.

И кукла, и портрет изображали одного человека, только в разные годы. Но кого?

Сесилию Агнес?

Тогда почему на крышке выгравировано «СБ»?

Нора отколупнула стеклышко, прикрывавшее портрет. Надо проверить, нет ли на обороте какой-нибудь надписи. Она не ошиблась.

Выведенная бисерным почерком надпись гласила: «Сесилия в 17 лет».

Значит, куклу зовут Сесилией. Нора сделала первый шаг вперед. Когда же она затем внимательно изучила в лупу портрет, то обнаружила в самом низу вроде как микроскопические букочки. Невооруженным глазом нипочем не разобрать, однако с помощью лупы она в конце концов прочитала: «Х. Б., 1923 г.».

Вернув портрет и косичку на место, Нора защелкнула медальон и задумалась.

Та Сесилия, которую изображала кукла, была не старше десяти лет. А на портрете ей уже семнадцать. Значит, кукла сделана приблизительно семью годами раньше, этак в 1916-м, а родилась Сесилия, стало быть, в 1906-м. Очень-очень давно. Если она еще жива, то сейчас ей семьдесят пять. А вот

ведь сидит на коленях у Норы и выглядит живой и бодрой. Как шестьдесят пять лет назад. Странное ощущение.

Огонек свечи не шевелился. Время остановилось.

Нора посмотрела на Сесилию.

— Где бы нам тебя спрятать? Ведь тебя никому показывать нельзя.

Она сидела, прижав прохладную куклину щечку к своей и тихонько ее баюкая. Сесилия Б. Надо обязательно выяснить, что означает это «Б». Кстати, миниатюра подписана инициалами Х. Б. Вполне возможно, что фамилия одна и та же.

Но кто такая Сесилия Агнес? По-прежнему неизвестно, хотя какая-то связь между нею и куклой, вероятно, существует.

Да, вопросов уйма. Тут бы очень пригодился помощник вроде Дага. Обсудить бы все это с ним. Они бы провели самое настоящее «расследование», как говорил Даг, когда они вместе бились над той или иной проблемой.

А показать ему куклу, как нарочно, нельзя!

Но что, собственно, может случиться? Он ведь уже замешан. Если все так секретно, разве старушка, которая звонила по телефону, сказала бы ему про магазинчик? Нет, наверняка бы перезвонила, чтобы поговорить с Норой. И адрес в Старом городе ему бы не оставила, и имя Сесилии Агнес не назвала бы. Ведь тем самым она бы впутала его в эту историю. Откуда ей было знать, кто он.

Или, может, она все-таки знала?

На всякий случай, пожалуй, лучше послушаться старушки. Попробовать разобраться своими силами.

– Теперь у меня есть ты. – Нора опять побаюкала Сесилию. Кукла словно бы дарила ей защищенность, покой.

Гм, чем это от нее пахнет?

Запах вроде бы знакомый. Но откуда? Кто пользовался такими духами?

В дверь постучали. Нора вздрогнула.

– Кто там?

Это был Даг, хотел кое-что ей показать.

– Погоди минутку!

Она открыла тумбочку письменного стола и спрятала там куклу, временно, после надо будет найти тайник получше.

Даг вошел в комнату. Он был полон ожидания.

– Ты зажгла свечку? Как уютно!

Она заметила, что он осмотрелся вокруг, задержал взгляд на разбросанных по полу листах папиросной бумаги.

– Извини, Даг, но я не могу...

– Да-да, знаю! Я не поэтому пришел. Куклу показывать незачем. Ты довольна, а?

Нора посмотрела на него с удивлением. Откуда он знает про куклу? Кто ему сказал?

Никто. Теперь удивился он. Ясно же, что в свертке была кукла! Иначе при чем бы тут «кукольная больница»? Вдобавок старушка сказала тому дядечке, что обращаться со свертком надо крайне осторожно, там очень хрупкая вещи-

ца, – вот Даг сразу и догадался насчет куклы.

– Хочешь – покажу, – сказала Нора.

Но Даг протестующе поднял руку. Нет-нет, они должны уважать старушкину волю. Наверняка она не зря настаивала, чтобы с куклой общалась только Нора. Осторожность в таких случаях никогда не мешает. Насколько он понял, куклу никому показывать нельзя, и это важно.

Он заговорщицки взглянул на Нору.

– Сейчас я кое-что тебе покажу. – Даг вытащил из-за пазухи книгу, полистал. Все те же «Русские народные сказки». – Вот. Узнаёшь? – Он нашел нужное место и прочитал вслух:

Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, спроси у нее совета.

Потом он серьезно посмотрел на нее и опять спросил:

– Узнаёшь эти строчки, а?

Нора кивнула. Она совершенно забыла, но именно эти строчки вчера вечером в шутку прочла Дагу, наугад открыв книгу, непосредственно перед тем, как решила ехать со всеми в Стокгольм.

А она-то думала, что строчки случайные и не имеют к ней ни малейшего отношения!

– Ты прав. Куклу никому показывать нельзя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Проснулась Нора мгновенно.

Было воскресное утро, сквозь шторы в комнату заглядывало солнце. Новый день! Замечательно! Давно она не чувствовала себя такой бодрой и отдохнувшей. Обычно-то просыпалась чуть ли не еще более усталой, чем вечером, когда ложилась спать. Потому что видела слишком много снов. Что ни ночь – в голове форменный кинотеатр. Но вспомнить свои сны она большей частью не могла.

Сегодня ночью сны были наверняка хорошие, оттого и настроение такое веселое. Что же вчера произошло, собственно говоря?

Сесилия! Нора открыла глаза и посмотрела на изразцовую печку. Там, в маленькой нише с желтыми латунными дверками, она вчера вечером спрятала куклу. Усадила на шелковую подушечку. Но сейчас дверки были распахнуты. Нора похолодела от страха. Красная подушечка на своем месте. А вот Сесилия исчезла.

Нора рывком села. И увидела, что Сесилия лежит рядом, на подушке.

Чудеса! Вечером она посадила куклу в нишу и закрыла дверки, это точно! Каким же образом Сесилия перекочевала сюда?

Ночью Нора, помнится, не вставала. Неужто начала хо-

дить во сне, как лунатик? Ведь Сесилия не могла сама перебраться на кровать?

Она испытующе посмотрела на куклу. Личико вроде бы довольно улыбалось. Одна рука удобно вытянута на подушке, головка склонилась чуть набок.

Нора подхватила куклу и затанцевала по комнате. Весело напевая. Никогда в жизни она не играла в куклы. Считала их жеманными, спесивыми, глупыми. Но эта малышка! Тут дело совсем другое!

Я глупею, подумала она. Хорошо хоть, никто не видит. Из глубины квартиры доносились какие-то звуки, и Нора поняла, что все уже встали. Она посадила куклу в нишу и закрыла дверки. Приняла душ, оделась и пошла к остальным; выглядела она вполне обыкновенно, только все время думала о своей тайне и о том, как бы разузнать побольше.

После завтрака позвонила Лена, предложила покататься на велосипеде. Норе вообще-то не хотелось, но она все же сказала «да». Совесть не позволила увильнуть. У Лены были проблемы с весом – четыре лишних килограмма, по ее расчетам. Без мочиона нельзя, хоть она и терпеть его не могла.

Нора таких проблем не знала, но Лена твердила, что как раз поэтому мочион ей тоже не повредит – чтобы в будущем не возникло неприятностей. Проще предупредить лишний вес, чем избавиться от него, когда он уже есть.

Лена принадлежала к числу людей, которые если уж имеют свое «мнение», то держатся за него мертвой хваткой.

«Мое мнение таково!» – провозглашала она и с невероятным упорством добивалась своего.

Во время велопробега Лена болтала не закрывая рта.

Послушать ее, так просто страшно становится: именно сейчас у бедняжки «колоссальные проблемы» буквально со всем и вся. С мальчишками, с одеждой, с волосами, с косметикой, с братьями-сестрами, с учителями и школой. Сплошь «колоссальная невезуха», считала она. Но, сказать по правде, искренней жалости к ней как-то не возникало. Ведь она всегда пребывала в прекраснейшем настроении. И с виду казалась на редкость крепкой и жизнерадостной. Вот и сейчас знай себе жмет на педали да работает языком. А в довершение всего муки свои описывает чуть ли не с восторгом. Где уж тут принимать ее всерьез.

Одно хорошо – никаких ответов Лена не ждала. Да и не требовала. Они только нарушат ход ее рассуждений. Поэтому Нора спокойно могла уйти в собственные мысли. Ленина болтовня великолепно отсекала остальные раздражающие звуки. Например, шум уличного движения.

Несмотря на яркое солнце, весна по-настоящему пока не настала. Нора тщетно высматривала по обочинам мать-и-мачеху – ни цветочка. Местами еще лежал снег, но из-под него журчали ручейки талой воды. Кругом щебетали птицы.

Катались девочки долго и в конце концов завершили велопробег в закусочной, владельцем которой был дядя Лены. Тут она могла полакомиться вволю! Вон сколько всяких

вкусностей: и шоколад со сбитыми сливками, и бутерброды с креветками, и булочки, и пирожные – ешь не хочу.

– Опять я не устояла! – признала Лена после третьего бутерброда, весело глядя на Нору. – А ты как? Давай тоже! Один разок не считается! Я угощаю.

Не очень-то полезно для фигуры, но ведь в конце-то концов сегодня воскресенье – можно и полакомиться. К тому же обе вправду выбились из сил. И угощение даровое. А всерьез Лена сядет на диету со среды, то бишь после вторничных булочек с кремом, от которых нипочем не откажется.

Норе тоже незачем начинать раньше среды, объявила Лена. Но тогда уж на полном серьезе.

– Мое мнение таково: прерывать диету никак нельзя. А нам бы пришлось, ведь во вторник, как нарочно, последний день Масленицы. – Круглые глаза смотрели на Нору.

– Но я вовсе не собиралась садиться на диету, – сказала Нора.

Глаза Лены еще больше округлились.

– Что? На попятный идешь?

– Я же никаких обещаний не давала, верно?

– Выходит, мы не друзья?

Лена чуть не заплакала. И обиженно вонзила зубы в бутерброд с креветками. Разве можно так относиться к дружбе? Настоящий друг просто обязан худеть за компанию. Сбросить вес – задача, может, и безнадежная, но заниматься этим необходимо, и, по крайней мере, вдвоем, чтобы поддержи-

вать друг друга и ободрять.

– Это нечестно. Я всегда тебя подбадриваю. А ты мне помочь не хочешь.

Лена была глубоко разочарована. У нее даже аппетит почти пропал. Конечно, Нора никак не доест один-единственный жалкий бутерброд, а она-то, Лена, хотела разок устроить пирушку! И вот пожалуйста – ест все эти разносолы в одиночку.

Выходит, у Норы душа не дрогнет? Пускай вся пирушка идет прахом? Мало того, Нора еще и отказывается поддерживать ее в среду, когда можно всерьез сесть на диету. Хороша подруга! Такого она в самом деле не ожидала, честное слово.

Нора с трудом сдерживала смех. Вот это логика!

– Помочь? Ты что имеешь в виду? Я должна не давать тебе лопать все подряд?

Лена не ответила. Она старалась напустить на себя оскорбленный вид.

– В таком разе я могу забрать у тебя вот этот бутерброд?

– Попробуй, если наглости хватит!

Лена оттолкнула бутерброд, Нора взяла его и откусила кусочек. Лена смотрела мученицей. Нора прыснула – крошки так и полетели через стол. Полная безнадега, больше она сдерживать смех не в состоянии. Лена сверлила ее взглядом. Укоризненно. Но секунду спустя тоже безудержно расхохоталась.

Злопамятностью Лена не отличалась. Наоборот. Она и са-

ма прекрасно понимала, что диета для нее в первую очередь лишний повод поболтать. К примеру, на велосипедной прогулке, не иначе как затем, чтобы с еще большим аппетитом наброситься на еду. Такая уж она уродилась. Обожала действовать вопреки здравому смыслу. Опять-таки от природы. Ведь если что-нибудь себе запретить, оно сразу делается намного желаннее.

Да, Лена была вот такая. И Норе она нравилась.

Даг придерживался другого мнения. Считал Лену «совершенно безнадежной» и понять не мог, что Нора в ней нашла.

Только не его это дело. Нора злилась на Дага нечасто, но всегда из-за его замечаний насчет Лены или упорного нежелания знакомиться с нею. Дескать, жаль время тратить, люди «такого типа» для него яснее ясного. Нора прямо кипела от злости. Ну можно ли быть таким дураком и упрямым!

Нора знала Лену, знала, сколько в ней чувства юмора и самоиронии. Во многом она попросту человек незаурядный. А ее болтливость, которая так действовала Дагу на нервы, объяснялась, увы, дурным влиянием окружающих. У нее дома все тараторили без умолку. О прическах, о нарядах, о чем угодно, что ни взбредет в голову. Жалобы на себя и на вечное невезение, в общем, были из той же оперы – этакий жаргон, безумно утомительный, если принимать его всерьез. И сами они, как поняла Нора, ничего серьезного в этом не находили. А что до Лены, так ее трескотню можно пропускать мимо ушей, недостаток-то пустяковый, если учесть массу других,

замечательных особенностей ее характера.

Она была верным другом и всегда старалась прийти на помощь. В случае чего полагись на нее – не подведет. И точно, ни разу не подводила. О себе забывала. И болтливость как рукой снимало. Причем она вправду умела отличить существенное от несущественного. А сколько в ней тепла и преданности, искренней, бескорыстной. Потому Лена и была лучшей Нориной подругой. Что бы там себе ни думал Даг.

И Андерс с Карин тоже. Нора подозревала, что и эти двое от Лены не в восторге. Конечно, оба не говорили ни слова, но ведь это чувствуется, вдобавок они ни разу не предложили пригласить Лену в гости. Все остальные пускай приходят сколько угодно, только не она. Вот почему чаще Нора бывала у Лены, а не наоборот.

И в это воскресенье тоже.

– Ну что, двинем ко мне, да?

Лене очень хотелось, чтобы Нора непременно послушала одну кассету. Этого певца они раньше не слышали. И Нора поехала к ней.

Дома они застали только Ленину бабушку. Остальные разбежались по своим делам, поэтому, увидев девочек, бабушка Инга просияла. У Норы бабушка Лены вызывала живейшую симпатию, им уже доводилось встречаться, хотя довольно давно. Так что поговорить было о чем. Веселым нравом бабушка Инга походила на Лену, тоже обожала поболтать и отличалась неумным любопытством.

Первым делом она обрушивала на собеседника лавину вопросов. Но когда он пытался ответить, слушала рассеянно, пока, улучив момент, вновь не перехватывала инициативу. А уж если входила в раж, слушать ее было ужасно интересно. Тем более что она во многом хорошо разбиралась. Особенно в том, что происходило здесь, в ее родном городе, где она жила всю жизнь.

– Мы ведь точно не виделись с тех пор, как ты переехала? – сказала она Норе. – Где ты живешь теперь?

Услыхав ответ, бабушка Инга сразу оживилась. Она хорошо знала этот дом. Ее отец служил там консьержем, и родилась она в дворовом флигеле, на нижнем этаже. У них была хорошенькая квартирка из двух комнат, кухни и просторной передней. До сих пор она помнит красивые цветастые обои, от которых перед отъездом оторвала на память клочок, и после, в школе, он служил книжной закладкой.

Ее отец умер рано. Он был много старше матери, и она толком его не помнит. Вообще-то съехать они должны были сразу после смерти отца, но им разрешили остаться, потому что все очень дорожили мамой. Таких прилежных работниц днем с огнем не сыщешь! Она убирала и стирала во многих домах, чтобы обеспечить себя и дочку. Повсюду ее привечали, чуть ли не дрались между собой, лишь бы залучить ее к себе. Ведь мало того что работающая, она еще и характером была на редкость веселая.

Понятно, помогала она и обитателям переднего дома, то-

го самого, где сейчас живет Нора. И когда убирала там, брала маленькую Ингу с собой, так что ей довелось видеть большинство тамошних квартир.

Наверняка и их квартиру тоже. Хотя в ту пору она была вправду очень мала и, конечно, может кое-что перепутать. В Нориной квартире, кажется, жила молодая женщина с дочкой. И дочка занималась балетом.

Однажды бабушка Инга видела, как она танцует. Это был целый импровизированный спектакль. В непритязательной обстановке, приватно, в комнатах. Девочка в красивой тюлевой юбочке с голубой лентой порхала как мотылек. У бабушки Инги прямо дух захватило от восторга. После их угостили соком и пирожными. Такое вот по-настоящему живое воспоминание детства.

А Нора подумала о старых балетных туфельках, найденных у нее в шкафу. Возможно, они принадлежали той девочке-балерине.

– Как ее звали?

Но бабушка Инга покачала головой. Она всегда плохо запоминала имена. Да и было ей всего-то пять лет, когда они переехали оттуда. Без малого шестьдесят лет миновало. Людей она помнила, а имена нет.

– Ты маму мою спроси! Она каждую семью из этого дома помнит.

– Неужто она жива?

– А то! По-твоему, так непременно умерла? – вставила

Лена, которая до сих пор молчала, но тут ее вдруг обуял приступ иронии. И она конечно же права, вопрос дурацкий, хотя гнать волну из-за этого все же незачем.

Бабушка Инга рассмеялась.

– Разумеется, моя мама жива, если хочешь знать. Ей без малого сто лет, но она еще как огурчик, дай Бог каждому. И знает все про дома в том квартале, не сомневайся. Память у нее уникальная.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На дворе расцветала весна, и настроение у Норы было до странности тревожное. Ее одолевали чувства, каких она раньше никогда не испытывала.

Она находилась как бы в постоянной готовности. В состоянии предельного внимания. К примеру, если она разворачивала газету или журнал, взгляд тотчас упирался в какую-нибудь фотографию или в какие-нибудь слова, казалось таившие в себе некое секретное послание, адресованное именно ей.

Это могло быть что угодно – объявления, простенькие заметки и прочее, – других людей эти слова и фотографии наверняка оставляли совершенно равнодушными, но для нее были преисполнены огромной важности. Если в километрах колонок имелось хотя бы одно слово, будоражившее мир ее мыслей, оно обнаруживалось сразу, едва Нора разворачивала газету. Это слово так и выпирало из буквенных массивов, пылающее, неотступное. Будто написанное огнем.

Ощущения в корне новые, утомительные и одновременно побуждающие к действию. Все словно говорило об одном и том же: неведомо где кто-то ждал. И она должна искать. Искать.

По этой причине Нора пребывала в легкой рассеянности. Андерс и Карин считали, что виновата весна. Как считал Даг,

неизвестно, он не говорил. Но с расспросами не приставал, понял, что Норе нужно подумать и самой во всем разобраться.

Особенно сильно действовало на Нору общение с Сесилией. Выразительное личико куклы непрестанно менялось. Все дело конечно же было в освещении. Малейший световой нюанс – и тонкие черты преображались. Но самое главное – кукла помогала Норе думать, а почему – значения не имеет.

Сидя наедине с Сесилией, всматриваясь в ее личико, она словно бы получала ответ на свои вопросы, мысли прояснялись, становилось понятно, что нужно делать.

В «Русских народных сказках» написано, что ей следует спрашивать у куклы совета. Именно это она сейчас и делала, и ведь кукла действительно помогала. Во всяком случае, посидев немножко с Сесилией, она успокаивалась и чувствовала себя защищеннее.

Но вот однажды, когда Нора собралась потолковать с куклой, неожиданно вернулись шаги. Давненько она их не слышала – с тех пор как появилась Сесилия.

Едва Нора открыла нишу, намереваясь достать Сесилию, как из круглой комнаты донесся звук шагов.

Она оглянулась и обнаружила, что забыла закрыть дверь, хотя привыкла теперь держать ее закрытой, чтобы кто-нибудь ненароком не увидел куклу. Поспешно захлопнув нишу, Нора бросилась к двери: надо успеть закрыть ее.

Увы, она опоздала!

Шаги уже здесь. Нора и неведомый гость встретились. Стоят лицом к лицу, по обе стороны порога. Но она никого перед собой не видит, только чувствует присутствие.

Вот здесь, в каком-то полуметре от нее, так близко, что она ощущает колебания воздуха, так близко, что они могли бы дотронуться друг до друга рукой, – здесь стоит кто-то, кого она не видит, кто-то незримый. Раньше Нора всегда находилась к нему спиной. А сейчас они впервые стоят лицом к лицу, она и незримый гость. И она знать не знает, кто это.

Оба стоят и ждут.

Солнце заглядывает в комнату. Спокойный красивый закат. Тишина. Как вдруг из этой тишины слышится металлический звук – на окне тикает будильник. Безнадёжно сломанный. Насквозь ржавый.

Всё – будто сон. Реально на какой-то нереальный манер. Солнце в комнате замерло. Все полно ожидания. Только будильник идет себе и идет. Вспять. Она это понимает, хотя и не видит его отсюда.

Время от времени слышно хлопанье крыльев, птицы пролетают мимо окна, а по стенам скользят огромные птицы-те-ни.

Ой! Внезапно латунные дверки наверху изразцовой печи начинают тихонько отворяться. Нора скорее угадывает, чем видит, волшебство отпускает, она бросается к печи и в последнюю секунду успевает поймать Сесилию, которая вниз головой падает из ниши. Уфф, цела!

Сердце колотится так, что даже больно.

Как вышло, что она так плохо закрыла дверки?

Или...

Нет, сейчас некогда об этом раздумывать, но сперва ей почудилось, будто дверки легонько толкнули изнутри. А потом – будто их осторожно открыли снаружи. Хотя в конце концов она сообразила, что наверняка сама плохо их закрыла, вот они и распахнулись. Она же очень заспешила, услышав шаги.

Нора прижала к себе Сесилию и замерла. Но в комнате царил тишина. Часы остановились. В дверном проеме никого нет. Незримый гость исчез. Шагов не слышно. С перепугу она и не заметила, когда они пропали.

Только птицы-тени все скользили и скользили по стенам. Интересно, что это за птицы отбрасывают такие большущие тени? – подумала Нора, но не могла их разглядеть. Солнце слепило глаза. Птицы без усталости металась за окном, а тени пробегали то здесь, то там, по стенам, по полу, по печным изразцам, даже по ее белой блузке, скользили по рукам, по бледному личику Сесилии.

Не каждый день выпадает стать участником такого диковинного спектакля. Лишь мало-помалу птицы утомонились, солнце зашло.

Не выпуская Сесилии из рук, Нора села за письменный стол. Обняла ладонью куклин затылочек и испытующе всмотрелась в лицо. Посидела немного, подумала, изредка чуточку поворачивая головку Сесилии, чтобы свет падал по-

другому. Так они обменивались мыслями. Вели безмолвный разговор.

– Что же, по-твоему, теперь делать?

Она приподняла головку куклы. Рука Сесилии сделала взмах, куда-то показывая. Сперва Нора не придавала этому значения. Только слегка улыbnулась – очень уж решительный вид был у Сесилии. Чуть ли не повелевающий.

Нора повернула куклу, но рука показывала все туда же. И тут до нее дошло. – Сесилия показывала на выдвинутый верхний ящик стола. Нора забыла его закрыть. И хотела сделать это сейчас, но Сесилия качнула головой, будто говоря: не надо.

– Не закрывать?

Сесилия кивнула. Нора вопросительно посмотрела на нее. Лицо у куклы по-прежнему решительное. Неожиданно у Норы мелькнула мысль, а не вытащить ли ящик совсем – глянуть, нет ли там чего-нибудь такого, что могла иметь в виду Сесилия. Но ящик заклинило – ни туда, ни сюда. Вытащив второй ящик, она обнаружила, что между крышкой стола и задней стенкой верхнего ящика что-то застряло. Попыталась линейкой пропихнуть эту штуковину, но безуспешно – слишком уж ящик был набит всяким барахлом.

Продолжая тыкать линейкой в этом хламе, Нора ненароком выкопала маленький флакон. Тот самый, из-под духов, который лежал в бисерной сумочке, найденной во время ремонта у нее в шкафу.

Она вынула пробку, понюхала.

И тут только сообразила, почему духи Сесилии показались ей такими знакомыми. Она-то голову себе сломала, а всё так просто! Флакончик! Он пах теми же духами.

– Та-ак! Ты это имела в виду?

Она посмотрела на Сесилию, но на сей раз та выглядела совершенно безучастной, почти как обыкновенная кукла.

В духах Нора не разбиралась, хотя, конечно, понимала, что многие пользуются одинаковыми запахами и, в общем, не стоит придавать этому особого значения. Случайность, пусть даже и удивительная.

Ящик она в конце концов высвободила. Застрял там, как выяснилось, старый блокнот. Нора перелистала страницы – так, мазня, которую и хранить-то незачем. Она уже хотела отправить блокнот в корзину, как вдруг оттуда выпала фотография.

Забавно, что она объявилась именно сейчас! Этот снимок тоже был в бисерной сумочке, вместе с флаконом. И Нора начисто о нем забыла. Ведь он ей совсем не нужен, пожелтевший, блеклый, и люди на нем незнакомые, но почему-то у нее рука не поднималась выбрасывать фотографии. Особенно фотографии живых людей.

На этой были изображены две молодые женщины и маленький ребенок.

А на обороте надпись: «Агнес и Хедвиг, 1907 г.».

Агнес?..

Нора взяла Сесилию в руки, внимательно посмотрела ей в лицо.

Как же все это взаимосвязано?

Могут ли женщины с фотографии иметь какое-либо отношение к Сесилии? Одну из них, оказывается, зовут Агнес.

Но стоит ли сгущать краски? Ведь вполне возможно, что в те годы имя Агнес пользовалось популярностью.

Снимок нечеткий, и текст на обороте не сообщал, которая из женщин – Агнес.

Однако личико куклы озарилось надеждой, словно говоря: «Это лишь начало. Продолжай!»

А Нора и не думала отступать.

– Нет-нет, ты не сомневайся...

Она прижала куклу к себе и погрузилась в размышления. Позднее в этот день произошла большая неприятность.

Началось с того, что Нора вышла из своей комнаты – посмотреть, дома ли кто из остальных и не пора ли готовить ужин. Но никто еще не вернулся.

Она решила пойти на кухню, почистить картошку, накрыть на стол. И в гостиной мимоходом задержалась у старинного комода. На него Карин поставила вазочку, тоже найденную в Норином шкафу, ту, с трещинкой.

Раньше Нора не очень-то о ней задумывалась. Но теперь вазочка неожиданно привлекла ее внимание – до чего же красивая! Синяя, удивительного синего цвета, с яркой скалочной птицей на одной стороне и стилизованным орнамен-

том из листьев и птиц на другой. Андерс считал, что она персидская.

Жаль, треснутая немного, хотя трещинка пустяковая, вазочка могла прожить еще очень долго.

Нора до вазочки не дотрагивалась, рассматривала ее, тихонько поворачивая вязаную салфетку, на которой та стояла. Вот и все, потом она пошла на кухню, накрыла на стол, начистила картошки.

После ужина Андерс и Карин куда-то ушли, Даг тоже. И посуду Нора мыла в одиночестве. Хотя ее это ничуть не огорчало и управилась она быстро.

По дороге в свою комнату она вдруг ощутила запах чада, который Карин на дух не выносила. Стоило ей унюхать малейший намек на этот запах, как она тотчас настезь распахивала двери и окна и ужасно сердилась, что остальным хоть бы хны. Конечно, чад штука неприятная, но зачем поднимать из-за него такой несусветный шум?

Короче говоря, Нора открыла в гостиной балкон, а сама пошла к себе и только-только устроилась почитать книжку, как из глубины квартиры донесся грохот. Она бросилась туда. Балконная дверь захлопнулась, ни с того ни с сего. Поскольку чад выветриться не успел, Нора опять открыла балкон и вернулась к чтению.

Но не тут-то было – снова грохот. На сей раз балконная дверь оказалась ни при чем. А в гостиной Норе предстало печальное зрелище.

На полу кучкой осколков лежала синяя вазочка. Безнадёжно разбитая.

Что же это такое? Как вазочка могла упасть на пол?

Должно быть, когда балконная дверь с грохотом захлопнулась, вазочка на своей салфетке заскользила по комоду и упала.

А может, Нора сама еще до ужина сдвинула ее с места, когда вертела на салфетке? Или под окнами, сотрясая весь дом, проехал тяжеленный грузовик, который и стал виновником несчастья?

Но так или иначе, ничего бы не случилось, если бы она не трогала вазочку. Вот ведь нескладеха! Карин так дорожила этой вещицей!

Нора нагнулась подобрать осколки. Хорошо бы, удалось склеить!

А это еще откуда? По полу разбросаны какие-то странные бумажные ленточки, белыми змейками порхают на балконном сквозняке. Их же тут раньше не было!

Она закрыла балкон и стала собирать бумажки. Их было очень много, штук сто, не меньше. И сквозняк разнес их по всей комнате, пришлось елозить на карачках, извлекать их из-под мебели.

Странно! Может, они лежали в вазочке? Да, наверняка.

И между прочим, на них что-то написано, бисерным почерком, однако ж сейчас разбираться недосуг. Надо быстренько все прибрать, пока никого нет. Нора сбегала принес-

ла пластиковый пакет и высыпала туда бумажные ленточки. А потом занялась вазой. Пожалуй, можно склеить. Она пересчитала осколки – всего двенадцать. Узкое горлышко цело.

Вооружившись тубиком клея, Нора унесла осколки в свою комнату. Села за письменный стол и попробовала заново сложить вазочку. Получалось плохо. Осколки липли к пальцам, она вся перемазалась, извела уйму клея, но без толку.

Ну вот, кто-то пришел.

Еще не легче! Она занервничала, и дело пошло совсем худо.

Но это был всего-навсего Даг. Он подошел к столу, взглянул на черепки, и Нора рассказала, что стряслось. Хотя про бумажки умолчала. Они лежали в пластиковом пакете, в углу.

Даг изучил осколки.

– Давай помогу.

Нора сходила в ванную, отмыла руки от клея. Вдвоем дело пошло лучше. В результате вазочка выглядела целехонькой. Новые трещины бросались в глаза даже меньше, чем старая.

У Норы гора с плеч свалилась.

– Я думала, это моя вина.

Но Даг только рассмеялся: если б чад выветривала Карин, виновата была бы она сама. И Карин, узнав о случившемся, повторила те же слова. Только у нее вазочка, возможно, раз-

летелась бы на тысячу осколков, так что и не склеишь, ведь она, пожалуй, еще нескладнее Норы.

– Зря ты так все воспринимаешь, Нора, – серьезно заметил Андерс. – Ведь мы чувствуем себя виноватыми: мол, со всем тебя запугали, сущие изверги.

– Не надо так говорить! – смеясь запротестовала Нора. – А то я буду считать себя извергом, который вконец запугал вас.

– Заколдованный круг, – сказал Даг.

Нора смотрела на них и чувствовала себя совершенно своей. Несмотря ни на что. Сегодня она не чужая, а они трое не «семья, которая взяла ее под опеку».

Сегодня все четверо – одна семья, все четверо заботятся друг о друге.

Чудесный вечер.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кажется, она что-то забыла?

Нора лежала в постели и никак не могла заснуть.

Она же точно собиралась сделать что-то еще.

Закончив сперва другое, безотлагательное дело.

Но ничегошеньки не вспоминалось.

Что бы это могло быть?

Она пыталась привести мысли в порядок, но вместо этого захотела спать. Зевнула. Закрыла глаза. И вдруг резко села в постели – сон как рукой сняло.

Пакет с бумажными ленточками! Вспомнила наконец. Сперва нужно было склеить вазочку. А потом заняться этими бумажками.

На них ведь что-то написано! Да, верно.

Она вскочила с кровати, вытряхнула бумажки на пол и уселась рядом, вместе с Сесилией.

Все-таки странно. Как эти листочки попали в вазу? И почему? Кто-то должен был скатать их в тугие рулончики и протолкнуть в узкое горлышко.

Надо же, придумать такое! Обратного-то не вытащишь – разве только разбив вазочку?

Впрочем, возможно, никто и не рассчитывал, что их найдут?

Ленточки, по всей видимости, от старинного арифмомет-

ра. Она видела такой дома у Лены, раньше он стоял в магазине у ее дедушки. Там использовались узенькие бумажные рулончики, и эти ленточки были оторваны от них.

Надписи на бумажках сделаны карандашом. На первый взгляд, писали два человека. Почерки разные. Один – круглый, детский; другой – куда взрослее. Потом она сообразила, что писал один человек, только в разные годы. Вероятно – хоть и не на сто процентов, – девочка. Судя по почерку. Мальчишки пишут иначе.

Но кому эти заметки адресованы? И с какой целью написаны? Поначалу она ничего не понимала. Брала ленточки с полу, одну за другой, и недоуменно рассматривала.

Все записки похожи друг на друга. Вверху дата, затем несколько слов. Например:

26 марта 1914 г. Со мной была Хульда.

3 июля 1916 г. Сперва со мной сидела Рут, потом Хульда.

12 октября 1915 г. Сижу в одиночестве. Никто прийти не смог.

21 сентября 1916 г. Со мной сидел Бэда. Хульда болеет.

7 февраля 1917 г. Никто не смог побыть со мной. Сижу в одиночестве.

8 февраля 1917 г. Так одиноко. Никто прийти не смог.

9 февраля 1917 г. Ужасно одиноко. Опять никого.

Нора лихорадочно перебирала бумажные ленточки. Ее все больше одолевало нетерпение. Ничего не поймешь. Каждый листочек чуть ли не с маниакальным упорством повто-

рял одну и ту же фразу. Только даты разные. Зачем все это было нужно? Набивать вазочку кучей бессодержательных сообщений. Никому не адресованных.

Она уже хотела отправить все в мусорную корзину, но, случайно глянув на Сесилию, увидела, что малышка протягивает руки, будто старается защитить эти бумажки. Как трогательно. На личике куклы застыло выражение бесконечного одиночества.

В порыве нежности Нора подхватила куклу на руки. Бедная малышка. Некоторое время она усиленно размышляла. А потом принялась раскладывать листочки по датам.

Немного погодя ей пришло в голову, что удобства ради стоит наклеивать записки во временной последовательности и складывать в папку. Тогда можно получить обозримую картину. Отличная идея – руки прилежно трудились, мысли текли потоком. На это ушла вся ночь, но она не пожалела.

В сумме эти обрывочные фразы обретали смысл. При всей своей односложности сообщали кое-что доступное пониманию. Ей нужно только задать себе правильные вопросы. И когда она смотрела на Сесилию, такие вопросы приходили, один за другим.

Все записки говорили примерно об одном и том же, она сразу это отметила. Но что может быть настолько важно, чтобы писать об этом снова и снова?

Ну хорошо. Кого-то опекали, сидели при нем. Или, реже, оставляли одного.

Значит, это происходило очень часто?

Пожалуй, да. Как минимум, раз в неделю. А иногда по нескольку дней кряду.

Кто же именно сидел с неведомым автором записок?

Большей частью женщина по имени Хульда. И еще несколько человек, преимущественно женщины. Кстати, дважды – некая Агнес. Оба раза в 1917 году – 12 июля и 5 декабря.

Как долго все это продолжалось?

Самая ранняя записка датирована 16 ноября 1913 года. Почерк совершенно детский, будто автор только-только выучился писать. 1913-м была помечена лишь еще одна ленточка. А вот записок от 1914-го, 15-го, 16-го и 17-го оказалось множество, особенно от 1917-го. К 1918-му относилось куда меньше листочков, датированных в основном началом года, потом их стало совсем мало. От 1919-го и 1920-го вообще раз, два и обчелся. А дальше – конец. Однако целых семь лет, то бишь с 1913-го по 1920-й, записи велись регулярно.

А почему их отправили в вазочку?

Спору нет, там они находились в полной сохранности, но вряд ли это единственная причина. Наверняка ведь были еще какие-то соображения? И очень серьезные – иначе до такого не додумаешься.

Нора баюкала Сесилию, и мало-помалу у нее забрезжила догадка о том, что тогда происходило. В общем, понять мож-

но.

Эти бумажки, или ленточки, вроде бы давали выход чему-то хорошо ей знакомому?

И написаны кем-то, кому хотелось рассказать, как часто за ним – или за нею – присматривали чужие, поскольку самых близких людей, мамы и папы, по какой-то причине рядом не было?

Да, ей, Норе, совершенно ясно, что дело обстояло именно так.

Но для кого же тогда написаны эти строчки?

Нора взглянула на Сесилию. И опять задумалась.

В общем, пожалуй, ни для кого. Главное было не в том, чтобы кто-нибудь их увидел. Главное – просто написать, для себя. Как безмолвное свидетельство чего-то, с чем тяжело остаться наедине. И это что-то – заброшенность.

Записки предназначались для вазочки. Должны были исчезнуть. И все же непременно находиться в одном месте, известном лишь их автору. Если вдуматься, все это легко понять.

В записках сквозило разочарование. Печаль. Огромное одиночество.

Писавший нередко чувствовал себя помехой. Обузой. Трудной проблемой, которая требовала решения. Его нужно было постоянно куда-то пристраивать, постоянно держать под присмотром. И везде он оказывался не на месте, незванным гостем.

Нора хорошо это понимала. Может статься, она усматривала в коротеньких фразах больше смысла, чем они содержали, но вряд ли интуиция обманывает ее. Уже одно то, что записки существуют и спрятаны в таком странном тайнике, подтверждает ее правоту, думала она.

На двух ленточках встретилось слово, от которого ее бросило в дрожь: «сжалиться». И оба раза в связи с одним и тем же лицом. Первая запись гласила: «12 июля 1917 г. Агнес сжалилась надо мной». Вторая: «5 декабря 1917 г. Агнес сжалилась снова».

Нора наверняка ошибалась, но «сжалиться» означало для нее «пожертвовать собою из сострадания». И когда она это прочла, у нее мороз по коже пробежал. Тут ведь все сказано. И оба раза речь шла об Агнес. Слово «сжалиться» употреблялось только в связи с нею. И явно неспроста!

Агнес? Так звали одну из женщин с фотографии?

Нора достала снимок, рассмотрела еще раз. Нет, он ничего не говорил ни о характерах женщин, ни о том, которая из них – Агнес. Одна – хорошенькая, хотя в общем ничем не примечательная, другая как будто поинтереснее, но снимок нечеткий, ничего толком не разглядишь. Нора отложила его в сторону.

Кто же написал записки?

Кто был объектом – или жертвой – всех этих забот и прищмотров?

Неизвестно.

Нет ни малейшей зацепки.

На фотографии, понятно, изображен и ребенок. Девочка? А может, мальчик? Трудно сказать. Скорей всего, ей просто очень хотелось, чтобы это была девочка, оттого она так и подумала. Чисто подсознательно первым делом отождествила себя с девочкой.

Интересно, сколько же лет этой девочке – или мальчику?

Можно бы вычислить. Но она уже устала. Сил нет. Так что с этим пока придется повременить. И хочешь не хочешь – разбирайся сама. А что будет дальше? Ведь это, видимо, только начало.

Не было бы счастья, да несчастье помогло – разбитая ва-зочка.

А вдруг она разбилась не случайно? Вдруг, как сказал бы Даг, за этим стояло «скрытое намерение»?

Как он еще говорил-то? «Единственный способ понять непонятное – верить и радоваться».

Но она не знала, чему верить.

Ужасно клонит в сон. Нора сняла с куклы шапочку, потерлась носом об ее уютный затылочек и мягкие волосы.

Настоящей куклы у нее в детстве не было. Ее куклы выглядели как дурочки, а не как люди. И она в них не играла. Никто не понимал почему. Карин всерьез тревожилась.

Однажды Нора слышала, как она озабоченно сказала по телефону: «Этот ребенок не умеет играть».

Нора тогда поняла, что ребенок, который не умеет иг-

рать, – явление неслыханное. Кошмар – вроде певца, который не умеет петь.

Раньше она знать не знала, что страдает такими жуткими изъятиями. Но озабоченный голос Карин открыл ей ужасную правду. И в результате, заметив поблизости взрослых, она лихорадочно принималась играть. Чем попало.

И сама замечала, что получалось не слишком удачно. Все только глазели на нее. А самое скверное – она никогда не страдала оттого, что не умеет играть, как другие дети. Ей всегда было чем заняться, сложа руки она не сидела. И у нее в голове не укладывалось, что это неправильно. Что вместо этого надо играть.

Лишь после той реплики Карин она поняла. Но что тут поделаешь? Слишком поздно.

Андерс и Карин до сих пор обожали игры. Посмеивались над собой и говорили: «Видать, мы с тобой в детстве недоиграли».

Когда Даг был маленький, они тщательно следили, чтобы он играл сколько хочет. Даже в школу отдали неохотно, опасаясь помешать его играм. Ясное дело, они и к ней подходили с той же меркой, только вот она была другая. Хлебнули они с нею.

Она ведь не походила ни на кого из них. Уродилась в совсем других людей. Маленький чужак, нежданно-негаданно попавший в их семью.

Караул, на помощь! Записки-то вполне могла бы написать

она сама!

Это несправедливо и к Карин, и к Андерсу, и к Дагу, но сущая правда! – вдруг осознала Нора.

Она опять потерлась носом о круглый затылочек Сесилии.

Потом взяла папку с вклеенными записками и спрятала ее в ящик стола.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мохнач снова начал ударяться в бега. Только отвернешься, а его уже след простыл. Может, все дело в весне? Или в чем-то другом? Раньше за ним такого не замечалось.

Конечно, во время сборов и переезда он тоже частенько удирал, но это было вполне объяснимо. Теперь же они терялись в догадках, какая муха его вдруг укусила.

Началось все в тот день, когда Карин поехала на велосипеде за город и взяла Мохнача с собой. За городской чертой она слезла с велосипеда, решив немного прогуляться пешком. На ходу она весело играла с Мохначом и обратила внимание, что пес слишком уж возбужден, – как вдруг он отчаянно дернул поводок, вырвался на свободу и был таков.

Сбежал он на пустыре, совсем недалеко от города, хотя вокруг стоял густой лес. Карин долго ездил по лесным дорожкам, звала, искала, но Мохнач будто сквозь землю провалился – ни слуху ни духу. Пришлось вернуться домой без него.

Андерс незамедлительно заявил о пропаже в полицию, и через несколько часов из участка позвонили: Мохнач у них.

К телефону подошла Нора. Ошейник и поводок Мохнач где-то посеял. Куда его носило – поди догадайся.

Но ведь без поводка не обойтись – как иначе вести его домой? А где прикажете взять поводок в воскресенье, когда

все магазины на замке?

И тут она вспомнила про старый ошейник с поводком, найденный у нее в шкафу, во время ремонта. Кстати, Мохначу он оказался вполне по размеру, и менять его не стали, тем более что адрес совпадал. Конечно, на ошейнике была указана кличка «Геро», но пока и так сойдет. Мохнач читать не умеет, а бирку можно заменить и попозже.

Однако ж, вкусив свободы, Мохнач норовил сбежать при всяком удобном случае.

Больше всех по этому поводу нервничал Андерс. Странное поведение Мохнача не давало ему покоя. В чем они допустили ошибку? – снова и снова спрашивал он себя. Без причин животные не сбегают. Каков хозяин, таков и пес. Андерс воспринимал все это очень серьезно.

И вот опять.

На сей раз виновата была Нора. Случилось это в Страстную пятницу. Она решила прогуляться за город и взяла с собой Мохнача. По дороге ей встретилась Ленина бабушка Инга, которая тоже вышла подышать свежим воздухом. Они постояли немного, опять поговорили про дом, и бабушка Инга обещала предупредить, когда в следующий раз поедет в приют престарелых навестить свою маму. Нора может составить ей компанию и расспросит старушку сама. И когда они уже прощались, произошла эта неприятность.

Мохнач тихо-мирно стоял рядом, Нора и думать забыла, что он с нею. Как вдруг пес выдернул у нее из рук поводок и

сломя голову помчался прочь. Нора прямо остолбенела.

Она конечно же побежала домой, позвала Дага, и на великах они немедля отправились на поиски Мохнача.

В ту сторону вела только одна дорожка, та самая, по которой ехала Карин, когда Мохнач исчез в первый раз. Нора с Дагом тоже покатали по ней. На пустыре слезли с велосипедов, стали ходить по лесу, звать.

Смеркалось, из-за деревьев всходила луна.

Они шли по извилистой дорожке. Минут через десять чуть в стороне завиднелся белый дом, окруженный каким-то странным садом – сплошь хвойные деревья, сосны, елки, пихты. Зрелище мрачное, жутковатое, особенно потому, что окрестный лес почти целиком состоял из лиственных пород.

Хвойные деревья черными силуэтами рисовались на фоне светлого весеннего неба. Окна в белом доме тоже зияли чернотой. Нигде ни огонька. Дом выглядел необитаемым.

Крутая лесенка вела на крытую террасу. Ступеньки усыпаны горками мелких еловых веточек. Будто могилы зимой на кладбище. Зловещая картина.

Нора с Дагом тихонько прошмыгнули на участок. Калитка была приоткрыта. Ветхая, замшелая деревянная калитка меж двух старых каменных столбиков. Трава здесь и летом вряд ли растет. Вся земля устлана хвоей. И участок на вид сырой, темный, негостеприимный. Но вместе с тем ужасно заманчивый.

Дом казался безлюдным и пустым, хотя у Норы почему-то

возникло неприятное ощущение, что за ними наблюдают. Что кто-то стоит в доме у черного окна и наблюдает.

– Слышь, Даг, идем отсюда, а?!

Собственный голос показался ей слабым и дрожащим. Ответа она не получила. Где же Даг? Нора прошла несколько шагов в глубь участка. Приблизилась к дому. И увидела, что на одном из окон стоят за черным стеклом два горшка с необычайно пышной геранью, усыпанной крупными белыми цветами.

Их же надо поливать? Значит, дом вряд ли совсем уж заброшенный. Тюлевые занавески, словно паутина, обрамляли окно с геранью, это она тоже разглядела. И цветы были живые. Несколько белых лепестков лежали на сочных зеленых листьях. Искусственные цветы лепестков не роняют. Но других признаков жизни не видно.

– Нора, иди сюда, я кое-что тебе покажу! – окликнул Даг.

Она бросилась в садовые заросли, туда, откуда донесся его голос. Что это он делает? Зачем по земле-то елозит? Вид разгоряченный, волосы взъерошены.

– Гляди! Вот! – Он показал на клумбу, возле которой стоял на четвереньках. – Видишь? Следы! Здесь и здесь!

– Вижу, ну и что?

– Это следы Мохнача!

С чего он взял? Ведь все собачьи следы выглядят одинаково, верно?

Но Даг был совершенно уверен. Велел ей повнимательнее

присмотреться к одному из отпечатков. Левая передняя лапа, уточнил он; Нора взглянула на след, не понимая, куда он клонит. В чем дело-то?

– Да ты приглядишься! Разве не видишь, что этот след отличается от других?

Нет, сколько ни приглядывалась, Нора ничего такого не видела – след как след. Но Даг твердил, что поверх него как бы отпечатался маленький прямоугольник, которого на других следах нету. Когда он сказал об этом и дал ей лупу, она тоже увидела. Что же это означает?

А вот что. Мохнач поранил лапу, и Даг заклеил это место крепким пластырем. Как раз на левой передней лапе. И теперь пластырь отпечатался в мягкой глине. Потому Даг и понял, что след оставил Мохнач. Бесспорно, Мохнач был здесь, и совсем недавно. Следы-то свежие.

– Он определенно где-то поблизости, – сказал Даг.

Нора вздохнула с облегчением. Она очень беспокоилась. Ведь на сей раз Мохнач удрал от нее. И она конечно же немедля вообразила, что его либо машина задавит, либо воры уведут. Если какое-нибудь происшествие имело касательство к ней самой, ей вечно мерещились всякие ужасы.

Они с Дагом опять сели на велики и долго кружили по лесу, выкликая Мохнача. Но пес исчез.

Встречные подростки из местных только качали головой: никаких бесхозных собак они не видели.

Еще им попалась по дороге чета стариков, которые до

смерти перепугались, заметив, что к ним направляются велосипедисты, и Даг с Норой раздумали останавливаться, чтобы вконец их не запугать. Старушка крепко прижимала к себе сумку, а старичок, будто защищая, обнимал ее за плечи. Больно смотреть. Ведь оба явно решили, что их сейчас ограбят. Даг покачал головой. Вот до чего дошло.

– Представляю, какие истории про грабителей они будут рассказывать дома!

Было уже начало одиннадцатого. Всю ночь на улице торчать не станешь. Придется ехать домой.

– Без Мохнача? – Нору опять обуяла тревога. Но Даг ее успокоил:

– Не бойся. Он вернется.

Не спеша они поехали обратно. Вечер выдался тихий, ясный, хотя и холодноватый. Проселок вывел их на широкую магистраль. Машин было мало. Луна все время маячила впереди, словно сияющий воздушный шар. Шоссе серебряной лентой убегало под колеса.

А Нора никак не могла отделаться от мыслей о Мохначе.

– Слушай, а вдруг он был в том доме?

Но тогда бы он наверняка залаял, услышав их? Конечно, если не заперт с кляпом в пасти.

Даг покачал головой. Глупости. Мохнач слишком хитрый и слишком сильный. Его на мякине не проведешь.

Оба молча крутили педали. До дома совсем недалеко. Они уже на мосту, у въезда в город.

Неожиданно Даг затормозил и остановился возле парапета. На середине моста. В потоках лунного света. Нора тоже остановилась. Пожалуй, домой пока рановато, сказал Даг. Вон какая красота вокруг. Можно еще немного побыть на воздухе.

Он предложил спуститься вниз по откосу и посмотреть, как там, под мостом. Оставив велосипеды, они так и сделали и скоро стояли у реки: черная вода поблескивала под сводом.

Под ногами хрустели камни, тянуло сыростью и холодом. Даг включил карманный фонарик. Нора поежилась.

– Жутковато, да?

– Ты так думаешь? – Даг приставил фонарик себе к подбородку, осветив лицо мрачным, призрачным светом, поднял плечи, взмахнул руками, будто злобное чудовище. Из горла у него вырвался гнусавый рык.

Иногда он вот так, нарочно, пугал ее, причем с неизменным успехом. Нора сама себе удивлялась, но все равно дрожала от страха. На сей раз она просто окаменела от ужаса. Хотя и знала, что это всего-навсего Даг.

А он, растопырив руки, болтая кистями, шел прямо на нее, издавал какие-то утробные звуки, гулко отдававшиеся под сводом, да еще и совершал устрашающие телодвижения.

У Норы кровь застыла в жилах. Будто в кошмарном сне. Она не могла пошевелиться, но тут вдруг нога соскользнула с мокрого камня, и она едва не полетела в черную воду.

Перепуганный Даг едва успел ее подхватить. Баловство он

тотчас прекратил. А Нора расплакалась, безутешно, отчаянно.

– Миленькая, дорогая, прости! Я не хотел...

Но она никак не могла успокоиться. Даг усадил ее на камень под мостом, сел рядом, висок к виску, и принялся тихонько ее покачивать. Достал носовой платок, утер ей слезы. Осторожно поцеловал в лоб.

– Я думал развеселить тебя... Мало-помалу она успокоилась и даже засмеялась сквозь слезы. И тут Даг поцеловал ее в губы.

Раньше он никогда такого не делал. Нора всхлипнула и на миг крепко прижалась к нему. Потом встала. Ой, шея и та мокрая от слез. Она взяла у Дага платок, промокнула шею.

Даг снова включил фонарик, осветил свод и черную воду. Подобрал кусок известки. Они должны написать на своде свои имена, за вон тем камнем, на котором сидели. Он протянул Норе известку. Имена и дату.

– Пиши первая!

Лучом фонарика Даг показал, где нужно писать, и Нора изобразила свое имя. Потом он в свою очередь взял известку, написал под ее именем свое, а сверху поставил дату.

17 апреля 1981 г.

НОРА

ДАГ

С минуту оба любовались надписью. Она сохранится здесь надолго. Если никто не сотрет.

– Ну что, пошли домой?

Не отвечая, Даг снова скользнул лучом фонарика по своду. Пятно света бежало по камням. А через несколько метров вдруг остановилось. Там тоже виднеется чье-то имя. Только написанное не известкой, а черной краской. Единственное под мостом чужое имя, правда, отсюда не прочтешь.

– Давай посмотрим!

Даг взял ее за руку. Идти, вернее балансировать, нужно по узкой полоске земли, скользкой, каменистой, неудобной. С величайшей осторожностью они ступали по камням. Даг тоже разок поскользнулся, но устоял – Нора удержала его. Ну вот, наконец-то добрались!

Даг осветил фонариком, и Нора прочла:

СЕСИЛИЯ АГНЕС

Она зажмурила глаза. Посмотрела снова. Да. Так и написано. Взглянула на Дага, но он опустил фонарик, свет падал на воду, и лица его было не различить.

Потом он повернулся и, не говоря ни слова, зашагал обратно. Нора пошла следом. Все казалось нереальным, как сон.

Даг остановился, протянул ей руку, но его лица она по-прежнему не видела. Поднимаясь на мост, оба не проронили ни звука. Что тут скажешь? Имя под сводом существовало. Это факт. Кто-то побывал внизу и написал там это имя. Когда? Зачем? Только имя, без даты.

Наверху все купалось в лунном свете. Река искрилась и сверкала. А под мостом вода была непроглядно черна.

Они молча сели на велосипеды и продолжили путь.

Дорога серебристой лентой плыла под колеса.

Как вдруг позади послышалось пыхтение. Нора нажала на педали, догнала Дага, который вырвался немного вперед и, похоже, ничего не слышал. Пыхтение приотстало, не поспевает за ними. Нора еще прибавила скорости, Даг держал тот же темп.

Некоторое время оба молчали. Пыхтение опять приблизилось. Громкое, явственное. Но Даг будто и не слышал.

Нора попробовала поднажать еще.

И тут Даг неожиданно резко затормозил. Нора вильнула, едва не наехав на него.

Сбоку из темноты вынырнула длинная, темная тень и бросилась к ним.

Громкий, залиvistый лай – тень напрыгнула на Дага. Мохнач вернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Даг прочитал Норе вслух цитату из Честертона⁵:

– «Мысль, не пытающаяся стать словом, никчемна. Как никчемно и слово, не пытающееся стать делом».

Стоило ему наткнуться на какую-нибудь меткую фразу, как он сразу шел к ней и читал вслух. Она поступала так же, но у него находок было больше. Ведь и читал он гораздо больше, чем она.

С этой цитатой он уже приходил, поэтому Нора сообразила, что цитата наверняка только предлог. Да и на лице у него написано, что думает он совсем о другом.

– Ты чего хочешь-то, а? – спросила она. Даг провел рукой по глазам.

– Не знаю.

Финтит. С того вечера, когда искали за городом Мохнача, они еще ни разу толком не разговаривали. Да и тогда разговор не состоялся, потому что домой они вернулись очень поздно и сразу разошлись по своим комнатам. Было это позавчера. С тех пор Нора держалась вроде как особняком. Она не то чтобы не хотела разговаривать с Дагом, наоборот, хотела, даже чересчур, и боялась сболтнуть лишнего.

Но сейчас Даг стоял прямо перед нею, а она не знала, что

⁵ Честертон Гилберт Кит (1874—1936) – английский писатель, автор детективных рассказов о патере Брауне.

сказать. Села за письменный стол и жестом показала ему на стул.

– Чего стоишь-то. Садись.

Однако он будто и не слышал ее, стоял с вопросительным и слегка задумчивым видом.

– Не понимаю я этого, Нора.

– Ты о чем?

– О Сесилии Агнес. – Ну?

– Судя по тому телефонному разговору, тебе нужно было спросить про нее в Старом городе, так? То бишь в Стокгольме?

Даг пристально смотрел на Нору, будто ожидая от нее объяснений, а она хотела услышать его версию случившегося и потому не стала перебивать, только кивнула. Даг вздохнул.

– Я чуть не свихнулся, просто голову себе сломал и все равно не понимаю, как это самое имя оказалось написано под мостом у нас в городе?

Вдобавок оно там единственное, кроме наших! Ты понимаешь, какая тут связь?

Нора помотала головой. Нет, она тоже не понимает.

– Жутковато, верно?

– Не в том дело, что жутковато. – Даг пожал плечами. – У меня, по крайней мере, сложилось впечатление, что эта загадочная особа живет в Стокгольме. Ты тоже так решила?

– Да я не очень-то и вникала. А что?

– Но ты ведь не думала, что она живет в нашем городе?

Или думала?

Нет. Нора сказала правду, она вообще не строила догадок о том, где живет Сесилия Агнес. Проблем и так хватает. С куклой, например.

– С куклой? Что ты имеешь в виду? При чем здесь кукла?

Очень даже при чем. Когда Даг зашел в тот магазинчик в Старом городе и спросил про Сесилию Агнес, ему передали сверток, предназначенный для Норы. И там действительно была кукла.

Эта кукла на самом деле единственная зацепка. Реальная, осязаемая. Разве нет? Если разобраться? Нора посмотрела на Дага.

Он вздохнул. Нельзя не признать, рассуждает она вполне «логично». Но от этого не легче. Тем более что куклу он вообще ни разу не видел.

Верно. Нора и сама огорчалась, но тут ничего не поделаешь. Куклу никому, кроме нее, видеть не разрешается. Поначалу, пока не сообразила, о чем речь, она еще колебалась, но теперь все сомнения отпали. Теперь она точно знает, что иначе это будет предательство, обман.

Даг понял. И вовсе не собирался ее разубеждать. Пусть сама решает. Просто ему все это казалось ужасно странным. Имя под мостом вправду его напугало, прямо мороз по коже прошел.

– Ведь фактически это должно означать, что человек находится здесь! В нашем городе! А главное, что он действи-

тельно существует. И не только в виде куклы, как, похоже, думаешь ты.

Нора серьезно посмотрела на него.

– Ничего я не думаю, Даг. Просто знаю об этом, пожалуй, чуть больше, чем ты. Не знаю только, много ли мне позволено сказать.

В голосе у нее сквозили тревога и огорчение. Она хотела довериться Дагу, испытывала в этом огромную потребность, но не смела.

Оба вздохнули, помолчали немного. Потом Даг сказал:

– Нора, ты вот только что говорила, что колебалась, пока не сообразила, о чем речь. Что ты имела в виду?

Нора теребила кожуцу возле ногтя и на вопрос не ответила.

– У меня тут заусенец, – сказала она, но Даг не отступал.

– То есть выходит, ты знаешь, в чем тут дело? Нора! Отвечай! Что именно тебе известно?

Ничего ей не известно. Нора покачала головой, изучая ноготь. Она правда ничего не знает.

У него слишком буйная фантазия! С чего это он взял?

– По лицу вижу. Я же не дурак. Вдобавок ты только что проговорила.

Нора подняла глаза и тотчас встретила вопросительный взгляд Дага. Сколько же позволено ему сообщить? Очень ведь хочется.

– Если ты думаешь, будто мне что-то известно о Сесилии

Агнес, то ошибаешься, – сказала она. – Я имела в виду совсем другое.

– Что же?

Нора глубоко вздохнула. Как объяснить, чтобы он понял? В общем, ничего сложного тут нет. Сплошь вещи, хорошо ей знакомые и оттого понятные. Пережитые на собственном опыте.

К примеру, когда была маленькая, очень маленькая, еще при жизни родителей, она часто сидела одна в своей комнатке и прислушивалась к их шагам. Слышала, как они ходят по квартире, иногда останавливаются у ее двери: мол, как она там, все ли в порядке. Они постоянно были рядом, хоть и не всегда находили время поиграть с нею. А если их дома не было, она прислушивалась до тех пор, пока с улицы не доносились их шаги. Как днем, так и ночью она безошибочно узнавала звук родительских шагов, и напряженное ожидание всегда дарило ей счастье.

Потом мама и папа вдруг исчезли. Никто не говорил почему, не рассказывал, что случилось. Но они же вернуться. Все так твердили. Скоро, очень скоро мама с папой приедут. И она продолжала прислушиваться к шагам, днем и ночью. Она бы узнала их шаги среди тысяч других и могла ждать сколько угодно.

А мама и папа так и не вернулись, любимые шаги исчезли навсегда. Холод, тоска. Она слышала другие шаги, а на улице меж тем моросил дождь и все было пусто и уныло.

Нора посмотрела на Дага. Непонятно, почему ей вдруг вспомнилось давным-давно забытое. Она же хотела поговорить с ним о другом. Этого ему никогда не понять!

– Тут речь о заброшенности, – сказала она. – Кого-то оставили в одиночестве, когда-то давно. Вот что я поняла. Обманули. Предали.

– Ты-то что можешь поделать? Такое случилось со многими, верно?

До сих пор Даг стоял, а теперь сел на стул возле двери. Выглядел он серьезным и задумчивым. Нора бы с радостью сказала больше, но нельзя, поэтому она молча изучала злополучный заусенец. Оба думали о своем. Дагу по-прежнему не давало покоя имя, написанное под мостом.

– Ну конечно! Как я раньше-то не додумался! – вдруг сказал он.

– Ты о чем?

– Вовсе не обязательно, что имя под мостом написала она сама. Там мог побывать и кто-то другой.

Нора молчала, и Даг продолжал:

– И кто бы это мог быть в таком случае? – Он вопросительно посмотрел на Нору, а она только плечами пожала, не поднимая глаз. Даг опять уставился в пространство. – И зачем ему понадобилось писать? Не понимаю.

– Я тоже, – рассеянно обронила Нора, упорно занимаясь ногтями.

Но Даг знал, так только кажется, она просто не хочет, что-

бы ее отвлекали сейчас от размышлений. Он искоса взглянул на нее и глубоко вздохнул.

– В самом деле жаль, что ты не можешь сказать, что знаешь.

Да. Нора кивнула. Очень жаль.

– И насколько я понимаю, тут ничего особо и не поделаешь?

Верно, ничего. К сожалению.

– Понять бы, чего ты боишься!

А она и не боится. И молчит не ради себя. Просто не должна выдавать другого человека. В этом все дело.

– Кого же? Кого ты могла бы выдать? Она крутанулась на своем стуле.

– Кончай, а? Не задавай так много вопросов!

– Прости...

Нора по-прежнему сидела у письменного стола, а Даг – на стуле возле двери. Яркое весеннее солнце светило в окно, заливая всю комнату своими лучами. Нора опять повернулась к Дагу, посмотрела на него и слегка улыбнулась. Она не хотела его обижать. Просто вдруг вконец пала духом. Как парализованная была. И боялась, что Даг уйдет, потому что сказать она ничего больше не может.

Внезапно в соседней комнате послышались шаги. Те самые, необъяснимые шаги направлялись к ее двери. И буквально тотчас она явственно ощутила, что они с Дагом уже не одни. Кто-то стоял на пороге, прямо за спиной у Дага. Но-

ра посмотрела на него: интересно, слышал ли он что-нибудь. Если и слышал, то виду не подавал. Сидел совершенно спокойно, хотя незримый пришелец был от него меньше чем в полуметре. Нора, сидя в нескольких шагах от двери, остро чувствовала это присутствие.

Но тут лицо у Дага напряглось, он огляделся по сторонам. Будильник на подоконнике неожиданно начал тикать. Даг вскочил, быстро прошел к окну и остановился, с изумлением глядя на часы. Трогать их он не стал, только наклонился и долго изучал циферблат. Так и стоял там, пока тиканье не умолкло.

И тогда он сразу же перевел взгляд на Нору. Она жестом показала: молчи! Ее охватило странное возбуждение. Все это время она тоже не шевелилась, целиком сосредоточив внимание на незримом пришельце у двери. Новое дело! Раньше не случалось, чтобы шаги приходили, когда она в комнате не одна.

Сердце у нее готово было выскочить из груди. Даг что-то слышал? Заметил, что они не одни? Но так или иначе, гость исчез, едва лишь будильник остановился. Нора перевела дух, хотя говорить ей по-прежнему не хотелось.

– Нора! – Даг взял будильник в руки. Поднес к уху, встряхнул. – Он же вроде был сломан?

С недоумением он смотрел на часы, вертел их так и этак, крутил «заводилки», но не услышал ни звука.

Нора сказала, что два раза ходила к часовщику, и тот объ-

явил, что механизм безнадежно испорчен. Чтобы часы по-шли, его надо заменить.

– Но они же тикали! Ты ведь слышала!

Да. Потому она и наведалась к часовщику второй раз: хо-тела узнать, как это могло произойти. Объяснила, что будильник вдруг пошел, сам собой. Хотя механизм испорчен. Но он ей не поверил. Не могут эти часы ходить, и точка. Ни секунды. Он абсолютно уверен.

– И все ж таки они шли! – Даг улыбнулся. – Мало того, назад! Об этом ты тоже ему сказала?

Нора облегченно вздохнула. Он тоже заметил? А она уж едва не поверила, что у нее глюки. Ясное дело, она спроси-ла, могут ли часы идти назад, но часовщик посмотрел на нее как-то странно и засмеялся. Видно, решил, что она то ли разыгрывает его, то ли малость не в себе, поскольку сразу заторопился и сказал, что у него нет больше времени ни на нее, ни на ее допотопный искореженный будильник.

Даг возмутился.

– Тоже мне, специалист! Дурак он, а не часовщик.

– Нет, он свое дело знает.

Пусть так, только все равно он ни черта не понял. Огра-ниченный – вот он какой. Даг ясно видел, что стрелки дви-гались вспять. Это бесспорно. Когда будильник затикал, они показывали семь минут первого. А когда остановился – пять минут первого. Иначе говоря, часы шли назад целых две ми-нуты.

Даг поставил будильник обратно на подоконник и подошел к Норе. Он диву давался, что люди, которые имеют дело с техникой и, казалось бы, должны обладать большей восприимчивостью к фантастическим возможностям бытия, зачастую их отвергают. Причем наотрез!

Разбираясь в удивительно сложном мире часовых механизмов, часовщик, по идее, не должен бы оставлять без внимания и вопрос о том, могут ли стрелки начать движение вспять. Скорее, ему следовало бы изучить этот любопытный феномен. Вызов. Новую перспективу. Время-то, безусловно, движется не в одном направлении. Время похоже на океан с тысячами подводных течений. И наверняка может двигаться и вперед, и назад, и вбок.

Человеку, который занимается временем, то есть головокружительной задачей исчислить некое измерение, не к лицу смеяться, когда ему говорят о часах, по сути, возможно, напрямую связанных с тайными токами времени! О живых часах, которые не просто механически тикают в одну сторону! Все-таки этот часовщик пороку не выдумает! Тут нужен взгляд пошире. Вот как считал Даг.

Однако же сейчас часовщик и его взгляды интересовали Нору меньше всего. Ей хотелось поговорить о другом. Она заметила, что Даг оседлал любимого конька и его по обыкновению заносит. А ей надо выяснить, в какой мере он сопережил только что случившееся, почуял ли незримого гостя. Поэтому она посмотрела ему прямо в глаза и спросила:

– Даг, скажи, ты и шаги слышал?

– Какие шаги?

– Ну, за дверью, вот только что.

Нет. Шагов Даг не слышал. На лице у него отразилось недоумение, и на секунду Нора пожалела о своих словах. В особенности о том, что рассказала ему о шагах родителей, к которым прислушивалась, когда была маленькая. Ведь он мог подумать, что ей опять померещились их шаги. Что у нее завихрение в мозгах.

Эти шаги были совершенно другие. Принадлежали незнакомцу.

Незнакомцу, который никогда не показывался. Давал о себе знать только звуком шагов. И почему ей одной? Почему Даг их не слышал? Загадка.

Раз никто, кроме нее, не должен был воспринимать это присутствие, тот, кто ходил по квартире, мог бы и не заявляться, пока Даг был в комнате.

Ведь даже если Даг ничего не слышал, стоило ли вполне рассчитывать на Норину самообладание? Особенно когда будильник затикал и пошел назад, причем Даг тоже это заметил. Вот она и решила, что он и шаги слышал. Ничего удивительного тут нет!

Нет, виновнику странностей придется стерпеть, что сладить со всем этим в одиночку она больше не в силах. И должна сейчас же поговорить с Дагом.

Только не здесь. Здесь не получится. Не отделаешься от

ощущения, что кто-то все время наблюдает и подслушивает.

И она позвала Дага погулять.

Он охотно согласился. Но прежде, отвечая на ее недавний вопрос, сказал, что хоть и не слышал шагов, однако же почувствовал в воздухе что-то не поддающееся описанию, буквально за секунду до того, как начал тикать будильник.

У него возникло странное чувство, что за ними кто-то наблюдает, сказал он. Что они не одни.

Нора быстро встала. Все правильно. Все в точку. И ей надо с ним поделиться.

– Идем! Лучше прямо сейчас все и расскажу, пока не передумала.

Они взяли с собой Мохнача и поспешили из дома. Пошли, как всегда, через мост. Мохнач, натягивая поводок, бежал впереди, и оба шагали бодро, размашисто, меж тем как Нора захлеб рассказывала про странные шаги, которые время от времени слышались в комнатах по соседству с ее собственной. Как они вдруг замирали у ее порога и кто-то незримый, стоя там, наблюдал за нею и вроде бы чего-то ждал. И как ее тоже охватывало ожидание.

– Да? И чего же ты ждешь?

Она и сама толком не понимала. Вообще-то большей частью она ждала, чтобы все это кончилось и «гость» исчез. Но чего ждал незримый пришелец, чего хотел от нее, она понятия не имела.

– Тебе не страшно?

Нет, бояться тут нечего. Зла ей никто не желал, она чувствовала. Тревожило ее только одно: невозможность понять, что все это означает. Пока она не поймет, покоя не будет. Незримый гость вернется. И еще не раз.

Даг испытующе посмотрел на нее.

– Ты сильная, Нора. И это здорово. На твоём месте кто угодно запросто чиканулся бы. Но почему ты ничего мне не говорила?

– Я подумала, что болтать не стоит. Приходили-то как-никак ко мне. Рано или поздно все разъяснится само собой, так я считала.

– Все-таки со мной надо было поделиться. Нора упрямо мотнула головой. А вдруг речь шла об особом, тайном доверии. Если б незримый гость хотел наладить связь с Дагом, тот бы наверняка это заметил. Но до сих пор он оставался в стороне, потому она и молчала.

– А как же часы? Они ведь пошли при мне? Нора кивнула. Вот именно.

– А я что говорю! Оттого и рискнула теперь поговорить с тобой. Думаю, часы – это знак.

Ну слава Богу. Даг наконец-то сообразил. Поскольку часы и шаги явно связаны между собой, значит, ей намекнули, что теперь можно и ему рассказать. Ведь не будь шагов, будильник никогда бы не затикал, верно?

– Верно. Они связаны друг с другом.

– И давно это началось?

– Фактически с тех пор, как мы затеяли тут ремонт.

Так давно? Вправду круто – за столько времени словом не обмолвиться! Но теперь явно настала пора действовать. Минуту-другую Даг шагал молча, о чем-то размышляя. Может, стоит разузнать, кто раньше жил в этой квартире? Вряд ли тут возникнут сложности.

Нора вспомнила о бумажных ленточках в вазе, которая разбилась в таких странных обстоятельствах. Сказать по правде, ее не оставляло ощущение, что вазочка разбилась не случайно, а затем, чтобы она обнаружила записки.

Наверняка. Даг ни секунды в этом не сомневался. Она рассказала ему о записках, как собрала их в папку и систематизировала. Едва ли тут выжмешь очень уж много, но кой-какие зацепки, может, и найдутся. К примеру, в записках есть несколько имен.

Даг оживился.

– Отлично! Непременно просмотрю их, как только придем домой.

Ну уж нет, записки Нора показывать не собиралась. Это же будет предательство. Вдобавок только она и способна понять, о чем они говорят. Автор записок, так хорошо их спрятавший, определенно бы очень расстроился, начни она показывать их всем и каждому. Нет, так нельзя.

– Но имена я для тебя выпишу. К примеру, там упомянута некая Агнес.

Даг широко раскрыл глаза. Может, речь идет о Сесилии

Агнес?

– Вряд ли... Хотя...

– Что «хотя»?

– Куклу-то зовут Сесилия.

– Откуда ты знаешь?

Нора рассказала о медальоне, о миниатюрном портрете и волосяной косичке, которые свидетельствовали, что кукла изображает реальную девочку по имени Сесилия.

«Сесилия в 17 лет» стояло на обороте миниатюры, написанной в 1923 году. Значит, родилась Сесилия в 1906-м.

– Давно.

Да, очень давно. Даг блестящими глазами смотрел на Нору. Пожалуй, он догадался, кто это! Правда-правда догадался! Если хорошенько подумать...

– Кто же?

– Старушка, которая звонила по телефону! Которая хотела, чтобы ты зашла за куклой! Очень может быть, что она родилась в девятьсот шестом. Голос был старый, я говорил.

Нора только головой тряхнула. Она тоже об этом думала, но не так-то все просто. Если бы дело обстояло так, значит, все затеяно исключительно ради мистификации. Но речь идет о вещах куда более серьезных, она чувствует. Не о детских играх в прятки.

– И куклу, между прочим, зовут Сесилия. А не Сесилия Агнес.

Нет, старушка и кукла вряд ли одно и то же лицо. Зачем

бы ей делать из этого секрет?

Даг промолчал, но в конце концов волей-неволей признал, что речь и впрямь едва ли идет о мистификации. У него даже мысли о розыгрыше не мелькало.

– Наоборот. Я уверен, что не случайно кукла досталась именно тебе. И что именно ты разбила вазочку и нашла листочки с записками. И что именно у тебя в комнате происходят феномены с будильником и звуками шагов. – Он обиженно посмотрел на нее. – Ты ведь прекрасно понимаешь, кто угодно может поверить, что все это розыгрыш, только не я. Если кто и принимает такие вещи всерьез, так именно я, верно? Уж тебе-то, кажется, следовало бы это знать.

– Я вовсе не хотела тебя обидеть... Просто я понятия не имею, что мне делать!

Она остановилась и с мольбой посмотрела на Дага. Он взял ее за руку.

– Пошли домой. Первым делом надо выяснить, кто раньше жил в нашем доме, – сказал он.

Но Мохнач поворачивать домой не желал. Он отчаянно рвался вперед. Рычал, прижимал уши. Лишь с превеликим трудом им удалось его обуздать.

Возле самого подъезда Нора немного отстала. Даг этого не заметил. Вошел в дом и на лестнице спустил Мохнача с поводка. В результате Нора, открыв входную дверь, увидела, что прямо на нее мчится Мохнач. Она сразу смекнула, что к чему, и попыталась быстро захлопнуть дверь. Увы, дверь бы-

ла из тех, что закрываются сами. Мохнач успел протиснуться наружу. Нора не смогла его перехватить. Пес проскочил мимо, стремительный и гибкий, словно куница. Где уж ей с ним тягаться.

На улице он, как одержимый, стремглав ринулся прочь от дома, туда, откуда они пришли. Нипочем не догнать. Велосипеды заперты в подвале.

Даг не встревожился. Но приуныл, ведь Андерс очень огорчился, когда Мохнач сбегал. Андерс принимал это на свой счет и погружался в тягостные раздумья. Почему Мохнач перестал ему доверять? Что он сделал не так? И если он потерпел полный провал с собакой, то какой же из него учитель? И так бывало каждый раз. Жалко его, конечно. Но и для окружающих тоже радости мало.

Вдобавок история и правда очень странная. Что случилось с Мохначом? Какая муха его укусила? Раньше этот пес никогда себя так не вел. Что он затеял?

– Надо, пожалуй, сходить с ним к зоопсихологу, – сказала Карин. – Мне кажется, с тех пор как мы сюда переехали, он не в себе. Видимо, что-то здесь ему не нравится.

Может, квартира чересчур велика? Или окрестности какие-то не такие? Зоопсихолог, вероятно, сумеет установить причину, считала Карин.

Андерс в это не верил. Знай твердил как заведенный: собаки – животные от природы верные и надежные. Без причин не своевольничают. А причина – человек. В данном слу-

чае – он сам. Мохнач перестал доверять ему, Андерсу. Карин вздохнула.

– Все дело в том, что ты сам себе не доверяешь. Эти рассуждения завели тебя в тупик.

Ничего подобного. Благодаря этим рассуждениям он все понял. Хотя человек, не доверяющий себе, не может требовать, чтобы животное ему доверяло. Тут все правильно. Карин права, он перестал себе доверять. И Мохнач, ударяясь в бега, постоянно ему об этом напоминает.

Карин зевнула, вид у нее был усталый.

– Он же всегда возвращается. Может, кончишь жевать жвачку, Андерс? Пора спать.

Среди ночи позвонили из полиции: Мохнач у них. Было только два часа, но пес устроил в участке такой тарарам, что стражам порядка не терпелось поскорее от него отвязаться. Делать нечего, Андерс пошел забрать Мохнача.

Карин опять легла, а Даг с Норой решили ждать и пошли на кухню готовить шоколад. Им хотелось посмотреть, как выглядит Мохнач, когда, по выражению полицейских, устраивает тарарам.

– Не могу себе представить, – сказала Нора. – Он ведь смирный пес.

Даг засмеялся. А вдруг после переезда сюда у Мохнача произошло изменение личности. Почему бы и нет?

– Раз такое бывает с людьми, может, и с собаками тоже?

– Тогда и в самом деле надо сделать, как говорит Карин!

Пойти к зоопсихологу!

Нора считала, что ничего смешного тут нет. Но Даг не унимался.

– А еще лучше, по-моему, отправить папашу к человечесьему психологу.

– Даг, прекрати!

В эту самую минуту вернулся Андерс. Мохнач был тише воды ниже травы. Нипочем не скажешь, что он умудрился перевернуть вверх дном целый полицейский участок. Вид совершенно невинный, будто у однодневного щенка. Даг восторженно ухмыльнулся.

– Во дает! Даже не смутился. Что я говорил? Психологу тут делать нечего. Где они его нашли?

Но никто Мохнача не находил. Его привели в участок около полуночи. И он был совершенно спокоен. Полицейские хотели до утра подержать его у себя, чтобы не беспокоить хозяев, но как только остались с ним наедине, он будто с цепи сорвался. Дальше – больше, никакого удержу нет, в конце концов полицейские выбились из сил и все-таки позвонили.

Мохнач просто осатанел, даже приблизиться к нему было невозможно. Но, едва увидев Андерса, он утих. И никаких осложнений больше не было.

– А ты говоришь, он тебе не доверяет!

Нора укоризненно посмотрела на Андерса – тот выглядел очень довольным. Ну как же, ведь, несмотря ни на что, Мохнач его слушается.

– Кто же привел его в участок? – спросил Даг. Андерс не знал.

– Ты не спросил?

Почему? Спросил, но ничего толком не выяснил.

– Это была какая-то девочка, – неуверенно сказал он.

– Зря ты не расспросил подробнее. – Даг покачал головой.

Где та девочка отыскала Мохнача, Андерс и вовсе не знал. Безнадежный случай. А ведь выяснить это очень важно. Как иначе узнаешь, что заставляет Мохнача ни с того ни с сего ударяться в бега?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Итак, прежде всего надо установить, кто раньше жил в этой квартире. Ленточки с записками мало чем помогли. Дом старый. Наверняка за долгие годы здесь перебивало много разных жильцов.

– Нам нужно проверить период до сентября тридцать второго года. Этого достаточно, – сказал Даг.

Ведь именно тогда шкафы и были заколочены. Судя по тому, что последний из найденных там выпусков «Семейного журнала» датирован как раз сентябрем 32-го.

– Другие находки, вероятно, относятся к тому же времени. Хотя бы это нам известно. Немного, но все-таки кое-что.

Даг был полон оптимизма и с жаром сыпал идеями насчет того, как надо действовать. У Норы, однако, был свой план. И она попросила Дага пока что предоставить ей свободу действий. Не слишком охотно, даже с легкой обидой он сдался. Что ни говори, «гость», как она его называла, приходил к ней. Поэтому ей необходимо прислушаться к своему внутреннему голосу. Хоть Даг и не хочет этого понять.

– Но ведь у меня масса идей, – заикнулся было он.

– С чего ты взял, что у тебя одного? У меня тоже есть зацепка, которую я собираюсь проверить.

– Где ты ее нашла?

– Это что, допрос с пристрастием?

– Нет, просто любопытство.

– Тогда держи себя в руках. Сам ведь говоришь, что надо использовать фантастические возможности бытия. Так что изволь успокоиться.

– Ладно! Но ты обещаешь рассказывать?

Нет, обещаний она давать не намерена. Дело-то не в ней одной. Здесь и другие замешаны. Причем сами они не могут позаботиться о своих интересах. И нужно все время об этом помнить. Нора не знала, кто эти люди, но чувствовала себя за них в ответе.

– Нельзя забывать, что речь, собственно, не обо мне. Я лишь нечто вроде... как бы это сказать... вроде посредника? Или инструмента? Пока что я не очень понимаю, в чем моя задача, но чужие секреты выдавать не собираюсь, так и знай.

Даг тотчас посерьезнел. Он больше не станет на нее наседать. Не будет любопытничать. Но в случае чего – он всегда рядом, пусть Нора так и знает.

– Спокойно занимайся своей зацепкой. И удачи тебе!

Он ушел. Причем без обиды. Уяснил себе Норины мотивы и даже проникся к ней уважением, потому что разделял ее подход. Конечно же, и к секретам умерших, и к секретам живых нужно относиться одинаково почтительно. В особенности потому, что умерший уже не способен влиять на свою судьбу. А живой влиять способен – вернее, думает, что способен, пока жив.

Вот почему Даг оставил Нору в покое: пускай действует

по своему усмотрению.

Но она была далеко не так уверена, как казалось с виду. Ведь до сих пор не знала, вправду ли у нее в руках зацепка, прочная нить, или просто хрупкая соломинка. К тому же ее план зависит от помощи других людей. Лена должна устроить ей встречу со своей старенькой прабабушкой, и как можно скорее.

Увы, ничего не получилось.

– Господи, если б я знала! Мы навещали ее в прошлое воскресенье!

– А когда снова поедете?

– Через месяц, наверно. Я тебе скажу.

Но месяц – срок слишком долгий. И Нора попросила у Лены телефон бабушки Инги. Любопытная Лена, понятно, заинтересовалась и тотчас спросила, по какому такому неотложному делу Норе понадобилась ее прабабушка. Нора отговорила, что они, мол, нашли в квартире старинные вещицы, которые не очень-то удобно оставлять у себя. Вот и хотят попробовать отыскать владельцев.

Телефон она получила.

– Конечно, позвони бабушке Инге. Вдруг она соберется туда раньше. И вообще, спросить-то не грех.

Нора позвонила бабушке Инге и повторила ей ту же историю, про найденные вещи.

– Моя мама наверняка скажет тебе, чьи они. Память у нее уникальная.

К сожалению, самой бабушке Инге нужно отлучиться из города, причем довольно надолго. И сейчас она никак не сумеет составить Норе компанию.

– Но ты можешь и одна съездить, верно? Старушка будет в восторге. И автобусы туда ходят. Добраться несложно.

Нора записала адрес и на другой же день отправилась в Скугадаль. Красивая дорога, чудесный день.

Две приземистые тетki пронзительными голосами пере-кликались между собой на весь автобус. Им было что обсу-дить, только обе почему-то не догадывались сесть рядом и не надирать глотку. А может, не хотели. Может, у каждой было в автобусе свое привычное место, как раньше в церкви.

Скугадаль располагался в трех с половиной милях⁶ от го-рода, однако Нора вышла остановкой раньше, чтобы немно-го пройтись пешком и собраться с мыслями. В автобусе это было невозможно из-за горластых теток.

Первым делом ее взгляд упал на пригорок, сплошь усы-панный подснежниками, словно осеннее небо звездами. Раз-ве тут устоишь – рука сама тянется сорвать! Она вовсе не принадлежала к числу тех, кто свято верит, будто всё в при-роде существует исключительно для них, но небольшой бу-кетик для Лениной старенькой прабабушки собрать можно.

Букет вышел довольно солидный. Подснежники быстро вянут, и Нора бодро зашагала к Скугадальскому приюту. Спросить ей надо г-жу Перссон.

⁶ Имеется в виду шведская миля, равная 10 км.

Как выяснилось, Нору ждали. Бабушка Инга предупредила их по телефону. И приехала она очень удачно – пора пить кофе. Начальница, встретившая Нору, искренне радовалась за «душечку Хульду».

Душечка Хульда, то бишь г-жа Перссон, в приюте самая веселая и жизнерадостная, сообщила начальница. Сказать по правде, слишком бодрая и прыткая для такого заведения. Они даже колебались, стоит ли ее принимать. Но, с другой стороны, человек вроде душечки Хульды в приюте необходим, чтобы растормошить других стариков. Поэтому они очень старались отыскать у Хульды хоть какие-нибудь недомогания. И в конце концов выяснили, что у нее плоховато со зрением и руки совершенно ослабели, а стало быть, можно ее принять. Об этом они ни разу не пожалели. Хульда была неиссякаемым источником веселья и радости. Хоть и старше всех в приюте – ей уже сравнялось девяносто шесть, – она, не в пример остальным, всегда пребывала в великолепном расположении духа.

Хульда Перссон...

У Норы ёкнуло сердце. А вдруг это та самая Хульда, не раз упомянутая в записках из вазы? Нет. Вряд ли...

Сейчас душечка Хульда на застекленной веранде. Вышивает. Начальница проводит к ней Нору. Это рядом со столовой, где с минуты на минуту подадут кофе. По дороге Нора получила и вазочку для цветов. Красота – букет выглядел как шар из подснежников.

Хульда Перссон сидела у окна, на солнышке. Крохотное, хрупкое создание, этакая птичка-невеличка, седые волосики собраны на макушке в маленький пучок, на плечах изящная белая шаль. Глаза живые, любознательные, на щеках – легкий румянец. Все ее существо лучилось энергией и жизнерадостностью. Не верится, что ей без малого сто лет. Она и сама в это не верила. По крайней мере, никогда на свои годы не ссылалась и поправок себе не вымогала, заметила начальница. Наоборот, Хульда частенько забывала о своем возрасте.

Увидев Нору, она сразу сообразила, кто это.

– Ты подружка Лены. Рада познакомиться.

Нора вручила ей цветы; старушка долго смотрела на них блестящими глазами, потом поставила вазочку на стол.

– Спасибо, детка, очень мило с твоей стороны. – Она устремила взгляд на Нору, долго, как и на подснежники, смотрела на нее, потом слегка улыбнулась и сказала: – Значит, ты живешь в моем старом доме!

Вот так они сразу же заговорили о главном.

Норе вовсе не понадобилось ломать голову над тем, как начать. Хульда времени зря не теряла, тотчас брала быка за рога. И отлично знала, чего хочет.

Во-первых, она не собиралась пить кофе в столовой, вместе с остальными.

– Нам с тобой надо потолковать спокойно, без помех. Дела у нас серьезные. А там житья не будет от этих старых переносилок. У некоторых совсем плохо с головой, слова разум-

ного не добьешься.

Нора улыбнулась. Кое-кто из «старых перечниц» наверняка лет на двадцать моложе Хульды.

– Мы с тобой побудем тут, на веранде. Они сюда носа не кажут, вечно им сквозняки мерещатся. Потому я тут и сижу. Единственное место, где можно побыть в одиночестве. Иной раз это необходимо.

Нора помогла Хульде принести кофейные чашки и накрыть столик на веранде. Старики с любопытством глазели на нее, а Хульда явно гордилась, что у нее гости, наложила на тарелку целую гору печенья и унесла с собой на веранду.

– Вот так! Теперь можно и кофейку выпить. В свое удовольствие. Все будет замечательно!

Так оно и вышло. День оказался на редкость насыщенным. После кофе они погуляли под весенним солнышком, а потом Нору пригласили пообедать. И все время Хульда рассказывала о доме и его обитателях. Норе даже спрашивать не пришлось. Она и так постепенно узнала все, что нужно.

Хульда была не из тех, кто знай себе рассуждает, не обращая внимания на собеседника. Она рассказывала, если можно так выразиться, на удивление чутко. Будто угадывала, о чем Нора думает и что хочет узнать. В результате у них получилась настоящая беседа, а не куча вопросов и ответов, – беседа, которая обеим доставила удовольствие.

Время от времени Нора вдруг вспоминала Лену. Хотя разница в возрасте между Леной и ее прабабушкой составляла

более восьмидесяти лет, кое в чем они были очень похожи.

Удивительно. На миг в лице Хульды неожиданно проступали черты Лены, ее взгляд, и Нора могла угадать, какой Хульда была в молодости. И какой в старости будет Лена. Странное ощущение, прямо голова кругом идет.

Глядя на Хульду, Нора поняла, почему Лена вызывает у нее такую симпатию. Все лучшие Ленины качества были у Хульды как бы дочиста промыты и сияли словно золото. Лена еще не отшлифовалась и не умела пока вести разговор деликатно и чутко, но и Хульда, наверно, не всегда это умела. Теперь, когда познакомилась с Хульдой, Нора убедилась, какие замечательные возможности кроются в Лене. Эти две одной породы, одной крови. И обоим свойственна невероятная радость жизни.

Хорошо все-таки, что у нее есть Лена. Надо ее беречь, подумалось Норе.

– О чем ты думаешь? – спросила Хульда.

– О Лене.

– Я рада, что у Лены есть ты.

Да, Хульда Перссон – необыкновенный человек.

Она действительно оказалась той самой Хульдой, чье имя упоминалось в записках. И бабушка Инга не преувеличивала: память у Хульды была совершенно уникальная. И сохранила много чего. Начала Хульда с рассказа о себе.

Она не только жила вместе с мужем в дворовом флигеле и родила там свою дочку, но и сама родилась в том же дво-

ре. В маленькой красной сторожке, на месте которой позднее выстроили флигель. Сперва-то и главного дома, выходящего прямо на улицу, не было в помине. Была усадьба, вроде как за городом, с картофельными и овощными грядками, с ягодными кустами и яблонями. Она как-то и не задумывалась, что все это расположено в черте города.

Потом сторожка сгорела.

Однажды Хульда с мамой пошли на реку стирать лоскутные половики, а когда вернулись, дом стоял в огне. Отчего возник пожар, выяснить так и не удалось. Хульде было тогда одиннадцать лет.

На время, пока строились новые дома – и тот, что выходил на улицу (в нем сейчас жила Нора), и дворовый флигель, – они поселились за городом, у родственников.

А когда дома отстроили, Хульда с родителями вернулась в город. Теперь они въехали в каменный дом. Все изменилось. Ничего не узнать. Впрочем, стало заметно, что живут они в городе. Особенно благодаря большому дому с башенками, каменными лестницами и высокими окнами, который отгораживал флигель от улицы.

Они считали свой новый дом большим и замечательным. По сравнению с маленькой красной сторожкой он и вправду выглядел шикарно. Но с главным домом соперничать никак не мог. Тот в глазах Хульды был сущим дворцом. И ребенком она прямо-таки благоговела перед его обитателями. А когда выросла и стала убирать тамошние квартиры, решила, что

работа у нее весьма престижная.

В дворовом флигеле Хульда поселилась в 1898 году. Ее отец служил в этих двух домах дворником – до самой своей кончины двенадцать лет спустя. Потом наняли нового дворника и название ему придумали поблагороднее – консьерж.

Консьерж стал ухаживать за Хульдой, он был намного старше ее, но выглядел молодцом. В общем, все шло как полагается в таких случаях. Через несколько лет они поженились, и консьерж переехал к ним во флигель. Раньше он жил где-то в городе. А Хульда с мамой так и оставались во флигеле, хотя отец умер.

Замуж Хульда вышла в 1916-м. Ее мама поначалу жила с ними, но отношения складывались неважно, с консьержем она не ладила и через некоторое время решила уехать. Переехала за город, к родне. Наверно, и к лучшему.

– С ней случались приступы старческой злости, и тогда нам всем было не до смеху. Боже упаси попасться ей под горячую руку. А он, бедняга, нет-нет да и попадался, скрыться-то невозможно.

Хульда слегка улыбнулась воспоминанию. Потом вздохнула.

К сожалению, молодцеватый консьерж состариться не успел. В браке они прожили всего четыре года. Хульда только-только родила дочку – и осталась одна. Было это в 1920-м. Даты Хульда помнила прекрасно.

Смерть мужа нанесла Хульде тяжелый удар. Но она высто-

яла. Квартира осталась за ней, а на жизнь она зарабатывала, помогая по хозяйству в окрестных домах. Все шло хорошо, люди относились к ней по-доброму.

– Н-да, эти годы, когда я жила вдвоем с маленькой Ингой и была сама себе хозяйка, во многом самое для меня счастливое время.

А потом она взяла и снова вышла замуж.

Решила, что маленькой Инге, которая как раз собиралась в школу, лучше иметь нормальную семью – отца и мать. Новый муж был вдовец с двумя детьми – девочкой и мальчиком, в Ингиных же годах. Казалось бы, все будет хорошо.

– В некотором смысле все правда шло хорошо...

Дети были воспитанные, послушные, да и у мужа особых недостатков не имелось, кроме жуткой приземленности. Он чинил велосипеды, круглые сутки в них копался, и ничто другое его не интересовало. Хотя ездить на велосипеде он совершенно не умел! Хульда слегка улыбнулась.

– Я не виновата, но это ужасно действовало мне на нервы. Ведь такова была, что называется, суть его натуры. Сама я, понятно, на велосипеде ездить умела, хотя вообще-то велосипеды меня не интересовали. Вот в чем заключалось различие между нами. Понимаешь, о чем я?

Нора прекрасно понимала. Она легко следила за ходом Хульдиных размышлений, голова у старушки работала бодрее и резвее, чем у многих молодых. На лице Хульды вдруг отразилось огорчение. Она покачала головой. Вздохнула.

Самая большая ее ошибка в том, что поддалась на уговоры и согласилась съехать из флигеля. Оставить двор с яблоней и стаями галок. Дело в том, что мужу – его звали Эдвин – предложили задешево купить дом, где находилась его велосипедная мастерская. Кто же тут устоит – жилье и мастерская в одном доме.

– Разве остановишь мужика? Ничего я поделывать не смогла.

Словом, из квартиры с обоями в голубой цветочек и с латунными дверками на изразцовой печи в большой комнате они переехали в дурацкий новый прямоугольный домишко и разместились на втором этаже, в четырех дурацких прямоугольных комнатах. Окнами на улицу.

– Комнаты всегда прямоугольные. И дома тоже, – засмеялась Нора.

Хульда посмотрела на нее, в глазах искрились смешинки.

– Конечно, только этого вроде как не замечаешь. А там все углы бросались в глаза. Ненормальная какая-то прямоугольность, неотвязная. Понимаешь, о чем я?

В общем, Хульда тосковала по флигелю, пусть даже там у них было всего две комнаты. И по крайней мере, хотела, как раньше, помогать хозяйкам в старом квартале, но тут муж вдруг стал на дыбы. Незачем ей этим заниматься. У них же свой дом есть. Она теперь сама хозяйка и будет помогать ему в мастерской. Хульда вздохнула.

– Сортировать гайки, мыть велосипеды. И пачкаться смазкой. За компанию с мужиком, который даже ездить на вело-

сипеде не умеет! Это я-то с моей престижной работой!

Однако хочешь не хочешь она подчинилась, в те годы иначе было нельзя, и жизнь пошла дальше. Скучная, унылая. Хульда замолчала. А потом улыбнулась, вернее просияла, глядя на Нору.

– Ну, вот и всё про меня. Я подумала, будет лучше, если ты немножко узнаешь обо мне, прежде чем я начну рассказывать обо всех других, а именно к этому мы сейчас и перейдем. Ты ведь должна иметь представление о рассказчике. Иначе не сможешь оценить мои слова. Понимаешь, о чем я?

– Конечно, понимаю, – улыбнулась Нора. Хульда быстро взглянула на нее.

– Я часто так говорю?

– Да, часто.

– Ну и хорошо. А знаешь почему?

– Не-ет.

Нора помотала головой, а Хульда с заговорщицким видом объявила, что говорит так, только когда чувствует, что ее вправду понимают. Иначе и задавать этот вопрос бессмысленно. Но, увы, так бывает нечасто, пониманием ее не избаловали. Она посмотрела на Нору.

– Ты тоже считаешь, что понимания добиться трудно?

– Иногда, пожалуй... даже очень часто.

– Верно, для большинства так оно и есть. Но пытаться все равно надо. И ведь получается! Хотя бы в расчете на то, что сам себя поймешь. А если и этого нет, дело плохо. Вовсе ни-

куда не годится.

Хульда весело рассмеялась над собственными словами. Она-то себя понимала, вне всякого сомнения.

– Ладно, хватит об этом, давай-ка перейдем к тому, что, собственно, тебя сюда привело. К обитателям твоего дома.

Нора чуть не забыла про свою задачу. Так интересно было слушать, как Хульда рассказывает о себе и о своей жизни.

Хульда удивленно взглянула на нее, покачала головой.

– Знаешь, дружок, начни я всерьез рассказывать о себе, мы бы никогда не закончили. Пора тебе услышать то, зачем ты приехала!

Хульда встала. Самое время прогуляться.

На улице задувал свежий ветерок. Нора опасалась, не холодно ли для Хульды, и направилась было туда, где по тише. Но Хульда воспротивилась. Она хотела гулять на ветру. Где с воздухом что-то происходит. Просторное ее пальто обвивалось вокруг ног, платок, того и гляди, сорвет с головы. Маленькая, хрупкая – кажется, дунь ветер посильнее, и унесет ее, но она упрямо, решительно шагала вперед. Даже не позволила Норе взять ее под руку. Но немного погода сама ухватила Нору за локоть.

– Не из-за ветра, просто так уютнее...

Они прошли несколько шагов, и Хульда продолжила рассказ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Хульда вышла за своего велосипедного мастера и съехала из флигеля в 1925 году. К тому времени она прожила там четыре десятка лет, ведь и родилась на том же месте в 1885-м.

В 1898-м были построены новые дома. Историю Норина дома с 1898-го по 1925-й Хульда знала как свои пять пальцев. Точно помнила, кто жил в доме, какие квартиры и как долго занимал и что за это время произошло. Имела она и кой-какие сведения о судьбах разных семей – до их переезда в этот дом, а отчасти и после отъезда. Старалась не потерять их из виду, чтобы послать цветы и поздравить с праздниками.

Но кто же тогда жил в Нориной квартире?

Первым там поселился старый полковник. И прожил семь лет, с женой, маленьким сыном и дочками-подростками. Потом они выстроили себе особняк и съехали. А в квартире обосновался врач, холостяк, но через год-другой он женился на учительнице музыки, и у них родились двое сыновей. Учительница давала частные уроки игры на фортепиано, а один из мальчиков играл на скрипке, так что при них из квартиры всегда слышалась музыка.

– И долго они там прожили?

Хульда задумалась, посчитала на пальцах.

– Позднее они переехали в Кальмар, врач получил там должность заведующего отделением. Но это случилось уже не при мне. При мне они никуда не съезжали.

Странно. Норе вспомнились ленточки с записками. Последняя была датирована 1920 годом. То бишь когда квартиру занимал врач. Стало быть, вазочка принадлежала его семье. Как, наверное, и большинство прочих вещей. У них было два сына.

Выходит, автор записок – мальчик?

А она думала, девочка.

Хотя, возможно, это было предвзятое мнение, подкрепленное рассказом бабушки Инги о девочке, которая танцевала в квартире. Значит, девочка просто случайная гостья? Нора спросила Хульду о девочке.

Да нет, вовсе не гостья. Эта девочка жила в соседней квартире. Врач с семьей занимал большую квартиру, ту самую, где прежде жил полковник. Но рядом была еще одна, трехкомнатная. Там и жила девочка-танцовщица.

– Ты-то живешь в большой квартире?

Нора изумленно воззрилась на Хульду. О чем это она? Там же только одна квартира! Восемь комнат, целый этаж. Никакой трехкомнатной квартиры рядом нет.

Ах, вот в чем дело! Хульда вспомнила. Она слышала, что в начале 30-х квартиры соединили в одну. Но сама уже съехала оттуда, оттого толком и не запомнила.

Действительно, какой-то полоумный адвокат, собираясь

переехать в этот дом, решил часть этажа оборудовать под контору. Занялся модернизацией, много чего изменил, переделал по-своему – одни стены сломал, другие перенес. Все верно. Но Хульда там не бывала, только слышала от других.

– Не иначе как он и заклеил обоями все старые стеновые шкафы. – Нора рассказала про шкафы, которые Андерс отыскал в ходе ремонта.

Хульда тряхнула головой. Да, наверняка. Этот малахольный здорово там поорудовал. Дай ему волю, весь дом бы перестроил, от подвала до крыши. Никак не мог угомониться. Но когда ремонт закончили, он заскучал и переехал в другое место, где мог начать все сызнова. Такой уж уродился – жить не мог без переездов и ремонтов.

– Чудные бывают люди, знаешь ли.

– Он, видать, еще и спешил, – заметила Нора. – Шкафы заколотил, даже не проверив, пустые они или нет. Мы там столько разных вещей нашли!

Хульда рассмеялась.

– Да, этот тип здорово порол горячку!

Ясно, ему было недосуг заглядывать в шкафы – дел-то по горло, заколотить все поскорей, и баста! Вечно мотался по городу как неприкаянный.

– Ну а те люди, что жили там до адвоката, – почему они оставили так много? Вещи-то хорошие!

– Может, в ту пору считали иначе...

Хульда полагала, что люди, у которых так много всякого

добра, просто упомнить не могли, что у них есть.

– Они что же, никогда не убирались?

Хульда взглянула на Нору, с трудом сдерживая смех. Почему? Конечно же убирались. Ей ли не знать.

– Я сама там и убиралась. И должна тебе сказать, что из-за этих глубоченных шкафов никто особо не напрягался. Обычно их вообще не трогали. На верхотуру толком не доберешься. Иногда, конечно, и там чистили. Но не слишком часто.

Большей частью наверх отправляли вещи сломанные или ненужные, которыми почти не пользовались. Выбрасывать их не выбрасывали, но при переезде забывали.

Хульда считала, что вообще не стоит придавать этому значение. После людей всегда остаются всякие вещи. Забытый старый хлам. Время идет, и в один прекрасный день хлам становится антиквариатом и опять возвращается в гостиные. Хульда засмеялась. За свою долгую жизнь она много такого перевидала, и, на ее взгляд, все это довольно глупо.

Однако Нора смотрела совершенно серьезно. Тут она не может целиком согласиться. Отчасти Хульда права. Только ведь все в одну кучу валить нельзя.

Они как раз вернулись с прогулки и снова уселись на веранде. На свежем воздухе Хульда порозовела, волосы растрепались.

– Бывают и исключения, – задумчиво сказала Нора.

Хульда наклонилась вперед и с интересом взглянула на

нее.

– Твоя правда. Ты имеешь в виду что-то определенное?

– Да.

– Можешь сказать, что именно?

Нора энергично кивнула. Хотя объяснить трудновато. Она задумалась. В общем, такое впечатление, будто некоторые вещи оставлены не случайно, а «забыты» вполне сознательно. Более или менее нарочито. Наверно, это звучит странно, однако ж Норе казалось, что обстоит именно так. Пусть даже она здорово преувеличивает, по крайней мере в одном случае угадывается некое послание потомкам. Чуть ли не вполне определенному человеку.

– И кому же, если не секрет?

Нора смотрела в пол. Собственные слова вдруг показались ей дерзкими, самонадеянными. Хульда большими блестящими глазами наблюдала за нею.

– Ты хочешь сказать, что сама испытала это ощущение?

– Ну, пожалуй...

– Будто послание адресовано тебе?

– Мне так кажется.

Обе замолчали. Хульда потянулась к Норе, взяла ее за руку. Некоторое время они так и сидели. Потом Хульда прошептала:

– И кто бы это мог быть, как по-твоему?

– Я думала, мне удастся выяснить. Хульда крепко сжала ее руку.

– Потому ты и приехала сюда, верно?

– Верно.

Нора вся похолодела от напряжения, ее била дрожь, и Хульда задумчиво поглаживала ей руку, стараясь согреть. Хоть старушка и в преклонных годах, пальцы у нее сильные, крепкие. Нора потихоньку согрелась, но волнение по-прежнему не отпускало. Ведь она коснулась запретного. И так каждый раз. Словно ей нельзя говорить о том, что с нею происходит. И все же она была уверена, что именно с Хульдой об этом говорить можно. Однако Хульда погрузилась в раздумья. Сидела слегка ссутулясь, устремив широко открытые глаза на летучие облака за окном.

Неожиданно она выпрямилась и повернулась к Норе.

– Я так стара, что меня уже ничем не удивишь. Жизнь закалила.

Она опять умолкла, взгляд опять скользнул за окно. Что она хотела сказать, Нора не узнала и спрашивать не стала. Не стоит мешать Хульдиным размышлениям. На миг ей почудилось, что Хульда вообще забыла о ней, но нет. Старушка вдруг опять посмотрела на нее и заметила, что хорошо бы ей рассказать обо всем, что произошло.

– Может, это выведет меня на правильный след. Понимаешь, о чем я? А потом я продолжу рассказ про обитателей дома.

Но сперва Норе пришлось проследить, чтобы никто сюда не появился и не помешал. Она закрыла дверь в столовую.

До обеда еще есть время. Можно спокойно поговорить.

Нора придвинула свой стул поближе к Хульде. Она дрожала, чувствуя, что опять замерзает, и протянула руки к Хульде, а та мигом спрятала их под своей теплой шалью. Нора глубоко вздохнула.

– Ты услышишь, если я буду рассказывать шепотом?

Хульда наклонилась к ней.

– Конечно. С ушами у меня полный порядок.

И Нора рассказала про вазочку с записками, про шаги, бродившие вокруг ее комнаты, про будильник, который сам собой начинал тикать. Рассказ вышел сумбурный, обо всем вперемешку. Но это не беда. Рассказывать Хульде было невероятно легко, и чем больше Нора рассказывала, тем менее странным выглядело происшедшее, это она заметила. Хульда слушала так внимательно, что многое, представлявшееся непостижимым, как бы невзначай разъяснялось. Хотя Хульда за все время не издала ни звука.

А когда Нора умолкла, она совершенно спокойно подытожила:

– Да, кто-то явно пытается установить с тобой контакт. И ты безусловно должна выяснить, кто это может быть.

До чего же просто и естественно! Нора прямо рот раскрыла.

– Что тебя так удивило, Норочка?

– Не знаю. – Нора смутилась, будто ее застигли на месте преступления. – Все кажется таким простым и естествен-

ным, когда ты об этом говоришь, чуть ли не легкой забавой.

На лице у Хульды появилось решительное выражение. Нет, о легкой забаве здесь речи нет.

– Если хочешь знать, всё, что трудно для тебя, наверняка во много раз труднее для того, кто пытается наладить с тобою связь. В наши дни такие контакты почти невозможны, народ стал бесчувственный, оупелый. – В голосе Хульды вдруг зазвучало сомнение. – Слишком уж далеко зашла цивилизация. Все эти изобретения, в которых простой человек и разобратъся-то не мог. Все эти машины, которые люди себе покупали только затем, чтобы сбежать от природы.

Нора улыбнулась. Она будто слышала Дага. Конечно, теория у него была другая, и выводы он делал прямо противоположные. Тоже вечно ломал над этим голову. Хульда тотчас заинтересовалась.

– Какая такая теория?

Ну, Даг считал, что все более непонятная техника, как ни странно, скорее увеличивала, чем уменьшала потребность в знаниях о больших проблемах жизни и природы. Стало быть, техника приносила не только вред. Невзирая ни на что. Человеческому разуму гораздо легче постичь загадки жизни, чем загадки техники. И куда легче признать, что верх над тобой одержала природа, а не техника, придуманная людьми и потому волей-неволей причисляемая к чудесам меньшего и низшего порядка, которыми, строго говоря, можно владеть, но можно обойтись и без них.

Зато жизнь и природа – секреты высокого порядка, без них обойтись невозможно, да, в общем, никто этого и не желает. Ведь если человеку удастся их постичь, он чувствует себя избранным, потому-то всем и каждому хочется их беречь и почитать.

Глаза у Норы сверкали. Она и не подозревала, что так много усвоила из Даговых мудрствований. Услышь он ее сейчас, мог бы гордиться.

– Этот Даг, видать, большой умник, – сказала Хульда, покачала головой и нахмурилась. – Конечно, хотелось бы беречь и почитать также и сделанное людьми. Но как?.. Пока только и знай изобретают, изобретают, но никто даже не думает взять на себя ответственность за то, что люди уже успели натворить.

Хульда опять замолчала, ушла в свои мысли.

Из груди у нее вырвался тяжелый вздох, и она стиснула под шалью Норины руки.

– Несчастливая детка... Бедняжка...

– Кто? Я? – Нора с удивлением посмотрела на нее.

– Да нет же, нет, не ты. Я о Сесилии, об Агнесиной Сесилии.

Нора вздрогнула. От неожиданности.

– Агнесиной?.. Сесилии?

– Да, мы так ее звали. Ведь было очень важно, чтобы никто не подумал, будто она Хедвигина. Хедвиг-то замужем никогда не была. Не хотела себя связывать.

Хедвиг? Нора привезла с собой старую фотографию, найденную в бисерной сумочке и изображавшую двух женщин, Агнес и Хедвиг, и маленького ребенка. Теперь она показала карточку Хульде.

Та долго смотрела на карточку. Показала, кто там Агнес, а кто – Хедвиг. Хорошенькая, но ничем не примечательная как раз и оказалась Агнес.

– А малышка – это Агнесина Сесилия.

– Значит, она была дочкой Агнес?

– Да, но присматривала за ней Хедвиг.

– Присматривала?.. – Нора насторожилась.

– Да, и очень хорошо, могу подтвердить. Хедвиг – настоящая женщина.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

И вот какую историю рассказала Хульда.

Барышни Бьёркман, Хедвиг и Агнес, приехали в город в начале века. Хедвиг была на два года старше сестры. Родились они соответственно в 1886-м и в 1888-м.

Выросли обе в Бергслегене⁷, родители крестьянствовали и трудились на лесоразработках, жили небогато, но прилежанием все же сумели кое-что скопить. И задумали непременно дать дочерям образование.

Необычайная редкость по тем временам, когда девушкам полагалось только ждать замужества. Эти крестьяне из лесной глуши далеко опередили свою эпоху. Им хотелось, чтобы дочки добились чего-то в жизни.

Агнес собиралась стать учительницей домоводства, а Хедвиг, у которой были художественные наклонности, – учительницей рисования. Так думали родители.

К сожалению, вышло иначе.

Хульда ненадолго умолкла, задумалась.

Но как бы то ни было, барышни Бьёркман приехали в город и поселились в большом доме. В трехкомнатной квартире, рядом с полковником, занимавшим пятикомнатную.

– Произошло это в девятьсот пятом, я точно помню, по-

⁷ Бергслеген – район в Швеции, где в основном сосредоточена горнодобывающая промышленность.

тому что полковник очень скоро съехал и его квартиру занял доктор. А появился он в доме всего через месяц-другой после барышень Бьёркман. По-моему, он переехал первого апреля, а они, стало быть, в январе.

До них в трехкомнатной квартире жила старушка учительница, вспомнила Хульда. Особа невероятно спесивая и занудливая, все были до смерти рады, когда она съехала.

А вот Агнес и Хедвиг оказались очень милыми и симпатичными.

Хедвиг, кстати говоря, почти ровесница Хульды. Разница в возрасте меньше года, они сразу поладили, с первой же минуты.

– В ту пору Хедвиг была веселая, жизнерадостная.

Агнес, напротив, производила впечатление серьезной натуры. Пожалуй, трудно поверить, учитывая, что случилось дальше, но Агнес не очень-то любила веселиться. Не то что Хедвиг. У Хедвиг характер был легкий, однако в тяжкую минуту ответственность взяла на себя именно она, а не серьезная сестра, хотя по логике вещей это должна была сделать та, ведь дело касалось ее.

Агнес поступила практиканткой в «Гранд-отель» и училась стряпать. Училась упорно и старательно, только что проку? Стряслась беда – она забеременела. Назвать отца ребенка Агнес наотрез отказалась, но в городе поговаривали, что это один из гостиничных постояльцев, приезжавший по делам, в связи с осенней ярмаркой. Потом он исчез и никогда

больше не появлялся. Агнес тоже его не разыскивала. Поэтому Хульда заподозрила, что отец, вероятно, где-то поближе. Тем более что Агнес в то время не испытывала недостатка в средствах и даже смогла уехать и родить ребенка в другом месте.

– И кто же, по-твоему, был отцом ребенка? – спросила Нора.

– Как кто? Доктор из соседней квартиры! В ту пору он был холост. Думаю, Хедвиг тоже подозревала его, только ведь ничего не докажешь, стало быть, и говорить не о чем. Дело-то щекотливое. Жениться на бедняжке Агнес он явно не собирался. Видно, считал, она ему не ровня.

Впрочем, до своей женитьбы доктор исправно общался и с Агнес, и с Хедвиг. Но как только на горизонте появилась музыкантша, разом оборвал знакомство. Тоже странно, считала Хульда. Если б между ним и Агнес ничего не было, они все вполне могли бы поддерживать хорошие отношения.

– В общем, на сей счет у меня свое мнение! – решительно объявила Хульда.

Может, Нора думает, что она просто сплетничает, и всё? Нет, Хульда уверена: ребенок, маленькая Сесилия, никак не заслуживал такой участи, ведь она росла, не зная, кто ее отец, а это прямо-таки преступно. Вряд ли было столь уж необходимо скрывать! Подобное секретничанье только делает людей несчастными.

Другой разговор, если б Агнес сама не знала, кто отец ре-

бенка. Но в таком легкомыслии ее не обвинишь, так что она отлично все знала. И если б речь действительно шла о постельце гостиницы, разыскать его не составило бы труда. Он же наверняка зарегистрировался у портье, нет, это басня для отвода глаз. Плохо обошлись с ребенком, малодушно, стыд и срам, да и только.

Нора согласно кивнула. Непростительно. Так не поступают.

– Когда Сесилия родилась?

– В девятьсот шестом. Двенадцатого июля. Где-то в Дании. Не помню, где именно. Они якобы в отпуск ездили. Хедвиг, понятно, тоже. Вернулись в начале сентября, с малюткой в бельевой корзине. Никогда не забуду. Два месяца ей было, а до того хорошенькая – ну чисто розовый бутончик.

Агнес как ни в чем не бывало вернулась на работу, в «Гранд-отель». Учительницей домоводства она не стала, однако получила место экономки в детском приюте, здесь, в городе. Хульда легонько вздохнула.

– А я... я заходила посмотреть на малышку. Иногда приглядывала за нею, ходила на прогулки. Мне тогда было двадцать один, не замужем еще, но детей я всегда любила. Хотя за консьержа вышла только через десять лет.

В ту пору Хульда была «просто дворниковой дочкой», которая в случае чего приходила на помощь. Она всегда находилась рядом и заботилась о малышке Сесилии, когда никто другой не мог.

Хедвиг крутилась как белка в колесе. Посещала разные курсы по искусству, рисунку, живописи. Иногда на несколько недель уезжала в Стокгольм и там тоже ходила на курсы. Но и дома бывала подолгу, писала на кухне пейзажи. Делала за городом наброски, а дома прописывала до готовности. Виды из окон квартиры тоже не раз писала. Очень изящно и красиво. У Хульды в комнате висит подаренная ею картина.

Когда была дома, Хедвиг всегда держала малышку при себе. Она прекрасно относилась к Сесилии, никогда не нервничала, не раздражалась, хотя девчушка поминутно ее теребила, елозила под ногами и мешала работать. С Хедвиг ребенку было гораздо лучше, чем с Агнес, которая, увы, смотрела на Сесилию прежде всего как на кару за позорный поступок. Так, по крайней мере, думала Хульда.

– Другие времена... И никакого выхода. Стоило кому забеременеть, как вся округа принималась высчитывать на пальцах, шептаться да шушукаться. А если бедняжка оставалась незамужней, люди вовсе не знали пощады. Принесла в подоле, вот пусть-ка теперь и испробует, что такое стыд. Поэтому Агнес тоже можно понять. Нелегко ей приходилось. Хедвиг-то было проще, она ведь всегда могла сказать, что ребенок не ее, а Агнес.

– Сесилия Агнес, то бишь Агнесина. Теперь понятно, как все это связано.

Нора посмотрела на фотографию. Мало что разглядишь. Но, так или иначе, этот ребенок вырос в той квартире, где

сейчас живет она сама. И имя вовсе не двойное, она ошиблась.

– Да, мы говорили Сесилия Агнес, чтоб не возникало недоразумений.

Хедвиг хотела стать художницей, а в те времена любую девушку, которая занималась искусством, сразу записывали в распутницы.

Как и таких, что работали в ресторанах. Иначе говоря, и Хедвиг, и Агнес слыли любительницами приключений. И сосед, молодой врач, не без умысла их обхаживал. Но Хедвиг такие вещи насквозь видела. Она была человек необыкновенный, по всем статьям. Натура самостоятельная, своеобразная. Всякий, кто ее знал, проникался к ней уважением. Однако замуж она так и не вышла, хотя возможностей хватало, было бы желание.

Хульда умолкла и на секунду задумалась, потом сказала:

– Хедвиг была чуток ясновидящей. Возможно, в этом все дело. Видела она дальше других...

– Ясновидящей? Как это? – Нора насторожилась.

– Она словно бы обладала шестым чувством. Только вот не хотела его замечать.

– И в чем это выразалось? – Нора непременно должна разузнать побольше.

Но Хульда мало что могла сказать. Помнила только, что у Хедвиг бывали внезапные озарения, когда она заранее в точности знала, что произойдет. Зачастую речь шла о сущих

пустяках, она вдруг случайно упоминала о чем-то, а после выяснялось, что попала в яблочко. Сама Хедвиг наверняка об этом не догадывалась, иначе бы следила за собой и помалкивала. Она была не из таких, кто пускает пыль в глаза. Оттого ее слова всегда принимали всерьез, ведь, как правило, она оказывалась права.

– А ее это не пугало?

– Нет, она только смеялась. Внимания не обращала на такие вещи. И говорить о них не любила. Больше я ничего не знаю.

Пришлось Норе тем и удовольствоваться.

Сесилией Хедвиг во многом занималась, пожалуй, из чувства долга. Но в первую очередь, конечно, потому, что вправду любила девочку. Порой целыми днями с ней играла, забыв обо всем на свете. Она вообще с увлечением отдавалась всему, что делала. Дни, когда она играла с Сесилией, были счастливыми для обеих. Они вместе рисовали красками и карандашами, пели и танцевали. Душа радовалась – смотреть на этих двоих, самозабвенно погруженных в игру.

Сесилия, понятно, очень привязалась к Хедвиг. Несколько раз Хедвиг писала портреты девочки или изображала ее фигурку на фоне пейзажа.

Одно время Хедвиг занималась скульптурой и сделала тогда для Сесилии настоящую куклу. Подлинный шедевр. Правда-правда, ей удалось воплотить в этой кукле душу девочки.

– Как посмотришь, так прямо мороз по коже. Меня от этой куклы в дрожь бросало – ну чисто живая Сесилия.

– Знаю. Эта кукла у меня.

Хульда изумленно воззрилась на Нору.

– У тебя? Как же это?

Нора рассказала все без утайки: про телефонный звонок, из которого мало-помалу стало ясно, что им с Дагом надо съездить в Стокгольм и забрать куклу в одном из магазинчиков Старого города.

Хульда с улыбкой покачала головой.

– Вот видишь! Хедвиг верна себе.

– Неужели и вправду она?

– Конечно, кто же еще?

– Выходит, Хедвиг жива?

– На прошлое Рождество, по крайней мере, была жива-здорова. Я получала от нее письма.

– Но если она хотела, чтобы кукла была у меня, почему не прислала ее прямо мне?

Хедвиг – человек застенчивый, вот в чем дело. Натура у нее такая. А на старости лет она стала вовсе отшельницей. Ей бы никогда в голову не пришло привлекать внимание к своей персоне, поэтому всё, что Нора рассказала про телефонный звонок, совершенно в духе Хедвиг, какая она теперь, на склоне лет, считала Хульда. С времен своей молодости Хедвиг очень изменилась. Ведь она подолгу жила за границей и постепенно растеряла связи с людьми здесь, на родине. Ста-

ла чужой.

– По письмам заметно. Время от времени она пишет, но адреса своего не сообщает. Так что я пишу через одну знакомую в Стокгольме.

Порой Хульда даже слегка обижалась, ведь они так много в жизни пережили вместе. Но у Хедвиг, наверно, были свои причины. Отсутствие доверия тут явно ни при чем.

– Я ее уважаю, – сказала Хульда, – и всегда уважала.

Нора думала о кукле. Все-таки почему же кукла предназначалась именно ей?

– И правда, почему? – Хульда задумалась. Кукла принадлежала Сесилии, это ясно, хотя та на первых порах ее побаивалась, а когда подросла, очень полюбила и никогда с нею не расставалась. Кукла стала лучшей ее подружкой... Ну а после кукла опять вернулась к Хедвиг.

Но почему она послала ее Норе?.. Хульда покачала головой. На это у нее ответа нет.

– Тут надо хорошенько поразмыслить, пока что мне сказать нечего.

Наверняка не потому, что Нора оказалась обитательницей той же квартиры. Слишком уж это просто, даже примитивно, не похоже на Хедвиг.

– Да, примитивной, поверхностной Хедвиг уж никак не была. Но ход ее мысли так легко не ухватишь. Она ведь немножко ясновидящая, я тебе говорила... А в таком случае, кроме нее самой, ответа никто не знает.

Хульда тряхнула головой, взглянула на Нору. Тут она готова держать пари.

– Не думай об этом, Хульда. Лучше расскажи, что было дальше.

Ну, учительницей рисования Хедвиг не стала. В общем, по-настоящему она к этому и не стремилась. С самого начала хотела стать художницей, хоть и не говорила никому. И все у нее сложилось удачно.

Первые годы дела шли замечательно. Они, Агнес с Хедвиг, и малышку вдвоем опекали, да и Агнес по-своему любила ее. Да, поначалу все было тихо-спокойно. Когда Агнес работала, с Сесилией сидела Хедвиг. А когда Хедвиг училась на курсах, Агнес брала девочку с собой в приют, где служила экономкой.

И вот тут обстояло похуже. Сесилия пугалась множества незнакомых лиц. Да и особой нужды в этом не было, ведь Хульда всегда охотно присматривала за девочкой. Но Агнес упорно таскала ее с собой. Пусть, мол, привыкает.

Никто и не догадывался, что фактически Агнес рассчитывала потихоньку определить Сесилию в приют насовсем. И Хульда, как только смекнула, к чему идет дело, уже не могла относиться к Агнес по-хорошему.

Это же отвратительно. Такая хитрая расчетливость. И ведь Агнес ничем не выдавала, что у нее на уме. Разыгрывала огорчение: как, мол, досадно, что Сесилия боится других ребятшек. Это надо непременно исправить, и приют – иде-

альное место для такой цели. К тому же она там при маме. Впрочем, больше Агнес вслух ничего не говорила.

На самом-то деле она встретила мужчину с «честными намерениями», так сказать. Был он коммерсантом и строил большие планы, которыми делился с Агнес. Очень скоро он откроет дело в Стокгольме. Потом станет оптовиком и эмигрирует в Америку. Словом, фигура явно не провинциального размаха.

Звали его Нильс Эрландссон. И он хотел жениться на Агнес. Но ее дочка совершенно его не интересовала.

– А Хедвиг? Наверно, она хотела взять Сесилию к себе?

Да. Конечно. Хульда помолчала. Если Хедвиг кого и любила в жизни, так это малышку. Но тут была одна закавыка. Никакой ребенок на свете не вправе препятствовать главному – ее художественному росту.

Хульда глубоко вздохнула.

– Такая вот ситуация. И Агнес о ней знала. Потому приют и был надежнее всего.

Но как объяснить это ребенку? Трудная задача, никто не решался. И в конце концов они просто пошли ва-банк.

Хульда, сообразив, что происходит, и уговаривала их, и просила за Сесилию, но все напрасно.

В 1910 году – Сесилии аккуратно сравнялось четыре – Агнес с Нильсом спешно поженились и уехали в Стокгольм. Они давно все спланировали. И провернули без сучка и задоринки. Хедвиг тогда была в Париже. А Сесилия отправилась в

приют.

Как раз в то время Хульдин отец захворал и умер. Потому она и не смогла проявить должной настойчивости – сил не хватило. И всегда об этом сокрушалась. По сей день так и не простила себе, что тогда ей не достало сил.

Правда, она незамедлительно написала Хедвиг в Париж и сообщила о случившемся. Хедвиг сразу же приехала, растерянная и взбешенная, и забрала Сесилию домой.

Больше девочка в приют не возвращалась. Но присматривала за ней чаще всего Хульда. Нельзя же мешать Хедвиг в работе.

У Агнес теперь был Нильс. Большая коммерция, магазины, путешествия и всякие прочие чудеса. А там и новые дети появились. Она забыла Сесилию.

Впрочем, как-то она приезжала домой и некоторое время жила в старой квартире у Хедвиг. Нильс был в Америке, и она чувствовала себя одиноко.

Сесилии тогда уже исполнилось одиннадцать. Девочка и без того впечатлительная, а уж тут, ясное дело, вконец разволновалась: после стольких лет мама объявилась.

– Обе держались как-то неестественно, скованно... Горько смотреть.

Сесилия часто приходила к Хульде во флигель. О матери она ничего худого не говорила, но казалось, будто ей хочется убежать. В ту пору Хульда уже была замужем за молодцеватым консьержем, который чуть ли не в отцы ей годился –

как-никак на двадцать лет старше ее.

Потом Агнес уехала домой, и все пошло по-старому. Никто по ней не скучал.

Другое дело, когда отлучалась Хедвиг. Сесилия тогда грустила и буквально изнывала от страха, что Хедвиг больше не вернется. В таких случаях она обычно жила у Хульды. А иной раз и Хульда ночевала у нее в квартире. Что так, что этак – все хорошо.

Шли годы, Сесилия подрастала, становилась рассудительнее, смелее, самостоятельнее, уже и не скажешь про нее «беспомощный птенчик».

Нора вздрогнула. «Беспомощный птенчик»! Хульда вправду так сказала? Ее саму называли беспомощным птенчиком, когда она была маленькая. Прозвища хуже этого она не знала. Нора смотрела в пространство и вдруг задумчиво обронила:

– «Агнес сжалилась надо мной».

– Что ты сказала, Нора? – Хульда с удивлением посмотрела на нее.

Она потеряла глаза, словно просыпаясь, взглянула на Хульду.

– Извини. Я вдруг вспомнила эти записки. Ведь там упоминалась Агнес. Дважды. И оба раза было написано, что она «сжалилась». Выходит, над Сесилией. Мать сжалилась над своим ребенком. Вот как. Теперь понятно, в чем дело. Эти записочки несколько лет кряду писала Сесилия и прятала в

вазе.

Та записочка была помечена двенадцатым июля. Днем рождения Сесилии. Наверно, они его отпраздновали, и Агнес сжалилась.

– Когда знаешь, что это была ее родная мать, вообще жутко становится.

Нора поежилась, а Хульда вздохнула.

– Да, бедная девочка. По-моему, она испытывала неприязнь к своей матери.

В тот год Агнес наведлась к ним еще раз. Беременная, на седьмом месяце. Дело было зимой, Нильс опять куда-то уезжал. Но после она уже не появлялась. И почти не давала о себе знать. У нее родилась новая дочка, которую она баловала сверх всякой меры. Будто старалась искупить все то, чего лишила Сесилию. Обычная история.

– Между прочим, я ее видела, малышку Веру.

– Веру?

– Ну да, Агнесину Веру, новую дочку. Они приезжали к нам в город по каким-то делам. Девочка была уже довольно большая. Пожалуй, школьница. Тоненькая – того гляди, ветром сдует. Точь-в-точь маленькая принцесса. Но разве она виновата? Хоть я и осерчала, конечно, при мысли о Сесилии. Она-то что видела от матери? Ничего!

– Когда Вера родилась?

– Сейчас скажу... Должно, в восемнадцатом... В самом начале.

– А фамилия у нее какая?

– Эрландссон, конечно. Она же дочь Нильса.

– Ну да... понятно...

Нора вдруг вся напряглась как пружина. Разгадка где-то совсем рядом.

– Что же с Верой стало позднее?

Хульда задумалась. Ну, позднее она, как водится, вышла замуж.

– Но какая у нее была фамилия?... Нет, не помню. Вышла-то она за зубного врача. Человека обеспеченного...

Нора сглотнула. В висках громко стучала кровь.

– Его случайно не Альм зовут? Хульда всплеснула руками.

– Точно! Альм. Биргер Альм. А ты откуда знаешь? Господи, что с тобой, деточка? Ты вся дрожишь.

Нора даже ответить не могла, голос не слушался. Хульда перепугалась.

– Я что, глупость какую сморозила? Нет-нет. Просто Вера Альм приходится Норе бабушкой по матери. А Биргер Альм – дедушкой.

– Вот это да! Я понятия не имела. – Хульда крепко стиснула Норину руку. – Милая ты моя, Лена рассказывала, что твои родители погибли в автомобильной катастрофе. Знаю я и о том, что у Веры Альм дочка тоже... Господи, значит, она и была твоя мама?

– Да.

Нора уткнулась головой в белую Хульдину шаль, и обе

долго сидели молча.

В доме захлопали двери. Видно, рядом, в столовой, накрывают обед. Любопытные старушки то и дело заглядывали туда, чтобы посмотреть, чем нынче кормят.

Заметив, что Хульда с Норой по-прежнему сидят на веранде, кое-кто решил, что это уж слишком. Пора и честь знать, веранда, чай, не для них одних!

Словом, еще несколько человек, расположившись на веранде в ожидании обеда, храбро терпели сквозняк, чтоб Хульда, наконец, уразумела: на эту веранду есть права у всех. А не у нее одной! Вот они и сидели, ежились на сквозняке и с вызовом глядели на Хульду и Нору, пока их не позвали обедать. Тут все скопом, обгоняя друг друга, ринулись в столовую – надо в первых рядах поспеть к раздаче. Сам о себе не позаботишься – никакие права не помогут.

Нора с Хульдой поступили как раньше, остались на веранде и взяли еду туда. Стариков это привело в легкое замешательство. Они толком не знали, что и думать. Подходили к двери, заглядывали. Хульда веселилась от души.

– Видишь, до чего любопытные! Прямо сгорают от зависти.

Раз-другой какие-то старушки подходили поздороваться с Норой и разведать, кто она такая. Им ужасно хотелось присесть рядом, невзирая на сквозняк, однако Хульда с улыбкой, но твердо отрезала: им с Норой требуется одиночество. Надо очень многое обсудить.

Любопытства у стариков от этого, понятно, не убавилось.

– Можешь мне поверить, – восторженно усмехнулась Хульда, – они, того гляди, лопнут от любопытства!

Продолжить разговор не удалось. Старикам конечно же приспичило пить послеобеденный кофе на веранде, и они, гремя чашками, один за другим потянулись сюда, так что скоро помещение было набито битком.

Втайне торжествуя, все сидели, помешивали в чашках и озирались по сторонам.

Нора встала. Пора на автобус. Если она опоздает, то до дома сегодня вечером уже не доберется.

Хульда проводила ее до крыльца.

– Спасибо, что навестила меня, Нора, милая.

– Можно мне еще приехать?

– Обязательно. И не откладывай надолго.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Что именно из всего того, что она узнала, можно рассказать Дагу? В автобусе по дороге домой Нора только об этом и думала. Она была совершенно ошеломлена. Необходимо поразмыслить. Столько сразу навалилось. Сперва надо самой хорошенько разобраться. Но ведь Даг наверняка ждет и стограет от любопытства.

Кое-что она, безусловно, ему расскажет, но не все. Пока не все. Например, насчет бабушки. Прежде чем выкладывать, нужно поговорить с самой бабушкой. Странно все ж таки. До поры до времени, пожалуй, стоит помолчать.

Больше всего ей сейчас хотелось посидеть наедине с Сесилией. С куклой. Она так по ней стосковалась. Они связаны родственными узами, теперь она знает. Но существуют и другие узы, поважнее. Потому-то Хедвиг и желала, чтобы кукла попала именно к ней. И она, кажется, догадывается, в чем тут дело. Хедвиг и Сесилия стремились сообщить ей что-то, чего прямо сказать нельзя. Она должна сама дойти до сути. Выяснить для себя, понять.

Н-да, так что же сказать Дагу?

Но эта закавыка разрешилась сама собой. Дага не было дома. Удивительно! Он же знал, что Нора поехала к Хульде! Она не сомневалась, что он будет ее ждать. А он взял и ушел. Ушел! Не похоже на него.

Потерял интерес? Невольно она ощутила легкий укол обиды.

Нора стала ждать. И ни о чем больше не могла думать. Даг вернулся, когда она уже легла в постель и погасила свет. За дверью слышались его шаги. Видимо, он проверял, не спит ли она. Можно бы, конечно, зажечь свет и встать, но она отбросила эту мысль. Если он потерял интерес, то...

Утром, когда Нора пришла на кухню, Дага уже и след простыл. Очень куда-то торопился, сказала Карин. Кое-как чашку чая выпил и ускакал. За весь день он дома так и не появился, даже ужинать не пришел. Оно конечно, выходные есть выходные, каждый волен делать что хочет.

И все же! Почему Даг так себя ведет?

Может, решил показать, что держит обещание и не любопытничает?

Но тогда он явно хватил через край. Такого она в виду не имела. Просто считала, что чужие секреты выдавать нельзя. Например, секреты Сесилии. Поговорить-то можно и о другом.

Дурачок он, этот Даг.

А вдруг он все-таки обиделся, что она решила держать ситуацию в своих руках? Нет, вряд ли, этого он бы скрывать не стал. Наверняка бы сказал.

В общем, такое поведение совершенно на него не похоже.

Андерс и Карин ничего не знали. Когда Даг не пришел ужинать, она, конечно, спросила, где его носит, но они толь-

ко руками развели. В балетной студии, наверно? И ведь совершенно не волнуются. Ничего не разузнаешь... Может, он в балете, а может, и нет... И как назло, у нее целая куча новостей! А поговорить, по обыкновению, не с кем.

Назавтра та же история. Когда Нора вернулась из школы, Даг по-прежнему блистал своим отсутствием. И к ужину он опять не придет. По телефону предупредил, как сказал Андерс.

– Чем же это он занят? Где его носит?

Волей-неволей она начинала терять терпение. Андерс только смеялся. Даг не пожелал сказать, где находится. Предупредил, что вернется поздно, а когда именно – не сообщил. Взрослый уже, имеет полное право не отчитываться в каждом своем шаге.

Нора промолчала, но была крайне озадачена. Взрослые и те обычно не делают секрета из своего местопребывания. И вовсе не считают, что от них требуют отчета. А уж если человек целых два дня даже к ужину не является, ему, уж во всяком случае, не мешало бы сообщить, где он.

– Наверняка это из-за балета, – сказала Карин. – Скоро спектакль, а у него роль. Он всегда помалкивает о своих делах. Считает, что иначе все пойдет наперекосяк.

Отчасти Карин, пожалуй, права. В балете у Дага были огромные амбиции. Вполне возможно, он сейчас усиленно репетирует, чтобы избежать соблазна и не вмешиваться в ее дела. Если вдуматься, это очень даже на него похоже.

Поскольку Даг где-то пропадал, с Мохначом почти все время гуляла Нора. В общем, она ничего против не имела, если б не ответственность – ведь положиться на Мохнача никак нельзя, он мог ни с того ни с сего сорваться с поводка и удрать. Поэтому лучше выводить его на прогулку вдвоем. А у Андерса и Карин вечно не было времени.

Лена нет-нет да и выручала, хотя постоянно ходить с Норой не могла. На прогулках она составляла Норе компанию, но не вызывать же ее всякий раз, как Мохначу приспичит задрать лапу возле дерева.

Чему быть, того не миновать. В конце концов Мохнач удрал. Смылся. При Лене. Они как раз возвращались с прогулки и остановились поболтать возле Нориного подъезда.

Мохнач все время вел себя замечательно, послушно бежал на поводке. Глядя на него, никто бы не догадался, что он замыслил очередную каверзу. В общем, обманул он их.

Держала Мохнача Лена. А он улучил момент, когда девочки стали прощаться и Лена протянула Норе поводок, резко дернулся и вырвался на свободу. А секунду спустя уже стремглав мчался прочь. Нипочем не поймать: пока они опомнились, его и след простыл.

Лена предложила сходить за великами и двинуть на поиски прямо сейчас. Она была безутешна и во всем винила себя. Нора постаралась ее успокоить.

Увы, Мохнач поступал так не впервые. И она точно знает: искать его бессмысленно. Он взял в привычку прятаться.

Но пропадал обычно недолго, так что опасаться нечего. Надо просто подождать, когда он соизволит явиться.

Лена уехала домой, а Нора позвонила в полицию.

Однако на сей раз Мохнач возвращаться не спешил.

В бегах он провел трое суток. Даже Карин, обыкновенно не принимавшая его исчезновения близко к сердцу, забеспокоилась. Андерс поедом ел себя. А как обстояло с Дагом, Нора не знала. Когда они ненадолго встречались, она избегала его. Отношения между ними стали какими-то странными, Нора сама диву давалась.

Короче говоря, Мохнач не возвращался, и Нора вправду начала бояться, что на этот раз с ним стряслась беда.

На четвертый день после исчезновения, вечером, Нора (она успела тем временем подхватить насморк) сидела на кухне и, уныло перелистывая газету, присматривала за духовкой. Карин пекла хлеб и оставила ее следить за выпечкой, а сама пошла принять ванну.

Андерс смотрел телевизор, а Дага, как водится, дома не было.

Весь день поливал дождь, мелкий, серый, тоскливый. Уже стемнело, но он так и не прекратился. Будто на дворе осень, а не весна. Нора совсем загрузила.

Она обещала Хульде, что очень скоро опять ее навестит, но, пока простуда не пройдет, об этом и думать нечего. Не хватало только всех тамошних стариков перезаразить.

Значит, с визитом к Хульде придется повременить. И к

бабушке тоже не съездишь, как рассчитывала. Сперва надо выяснить у Хульды все до конца, а уж после подробно допросить бабушку.

И Даг, дурень несчастный, вечно где-то пропадает! Нет, Норе вправду было не до веселья.

Неожиданно в кухне раздался звонок – позвонили у черного хода. Первый сигнал был короткий, нерешительный, второй – более долгий, настойчивый.

Кто бы это мог быть в такое время? Ведь уже почти полдесятого.

Нора пошла открывать.

Лампочка на черной лестнице не горела, так что за дверью царил непроглядная темнота. И в кладовке, где стояла Нора, тоже было темно. Она нервно пошарила рукой по стене, ища выключатель, но не нашла.

Как вдруг по ногам скользнуло что-то мягкое и влажное. Она испуганно вздрогнула и чуть не закричала. Но в тот же миг нащупала выключатель и зажгла свет.

Мохнач. Насквозь мокрый от дождя. Ишь, хвостом виляет. Пыхтит, язык на плечо. Нора так обрадовалась, что мигом присела на корточки и крепко обняла пса за шею.

И тут с лестницы донеслись торопливые гулкие шаги.

Это же наверняка тот, кто привел Мохнача! Уходит, спешит вниз по ступенькам.

– Эй, послушайте! – Нора выскочила на площадку, окликнула. Она по-прежнему слышала шаги, но никого не видела,

темно ведь. – Эй! Кто там? Пойдите!

Шаги на миг замерли, и звонкий голос откликнулся:

– Я просто привела Геро!

Геро? Ну да, понятно, у Мохнача на ошейнике все та же старая бирка!

Голос принадлежал девочке. И она уже поспешила дальше. Почему она не захотела показаться? Нора опять окликнула ее:

– Ты молодец! Большущее тебе спасибо. Да погоди же!

Но девочка не остановилась. Внизу хлопнула дверь. Нора подбежала к лестничному окну поглядеть на нее, однако ничего не увидела. Девочка исчезла. Видно, пробежала у самой стены. Почему она не хотела показаться на глаза?

И этот звонкий голос... Вроде бы она его где-то слышала...

Нет, главное – Мохнач наконец-то дома.

Где же он шастал?

Наверняка там же, где и раньше. Стало быть, в тех местах, где пропал в первый раз. В окрестностях загадочного белого дома, окруженного мрачными хвойными деревьями. Даг еще нашел там на клумбе его следы.

Но дом и участок с виду казались совершенно заброшенными, так? Что Мохнач мог там делать?

Может, и девочка жила в тех краях?

Между прочим, в полиции Андерсу однажды сказали, что в участок Мохнача привела какая-то девочка.

Эта самая?

Почему же она в таком случае не пошла в полицию и на сей раз? А привела собаку прямо домой? Хотя показаться все равно не захотела?

Странно, что ни говори!

Не мешало бы обсудить все это с Дагом. Но на него явно больше рассчитывать нельзя. К сожалению.

Хлеб наконец испекся, и Нора ушла к себе.

Немного погодя она услышала, что вернулся Даг.

Может, пойти к нему? Или лучше подождать – пускай сам к ней постучит? Дверь она закрыла. Но слышала его голос и смех. Он разговаривал с Андерсом. Оказывается, им столько всего надо обсудить!

Нет, выходить она не будет. Лучше подождет.

Но Даг не зашел. Сидел с Андерсом перед теликом, пока передача не кончилась. Музыкальная программа.

Когда телик умолк, они еще некоторое время сидели там, о чем-то разговаривали. Судя по голосу, Даг пребывал в радужном настроении. Потом он, видимо, ушел к себе. В квартире настала тишина. Он даже не заглянул посмотреть, горит ли у нее свет.

Не вспомнил о ней.

Давненько она не чувствовала себя так одиноко.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нет, думать о Даге больше нет смысла. Придется махнуть на него рукой. К сожалению.

По его милости она забросила Сесилию, а этого он вправду недостоин.

Вот дурак. Как он только умудряется сделать так, что она чувствует себя заброшенной, одинокой?

Да, размечталась, напридумывала невесть чего про их взаимоотношения, слишком уж много ждала.

Пора с этим кончать.

Сегодня они столкнулись в книжном магазине, во время большой перемены на завтрак. Даг стоял у прилавка с пластинками, слушал балетную музыку. Когда Нора шла мимо, он окликнул ее:

– Послушай-ка вот это. Здорово, да? «Танец часов» из «Джоконды»⁸. Весь день звучит у меня в голове. Как по-твоему, годится для спектакля?

Нора не остановилась. Она шла в канцелярский отдел купить блокнот и поспешила дальше, но он схватил ее за плечо.

– Как вообще-то, Нора?

– Как? Ты о чем? – Она оглянулась, посмотрела на него.

Даг легонько улыбнулся.

⁸ «Джоконда» – опера итальянского композитора Амилькаре Понкьелли (1834—1886), написанная в 1876 г.

– Как ситуация?

Ситуация? Хорош вопросик! Он что же, ждет, что она прямо тут, у прилавка, все ему и выложит? Он на это рассчитывал? Ладно, сейчас кое-что услышит – сам напросился!

Но все-таки она смолчала, пожала плечами и круто отвернулась. Незачем тратить на него время. Купила блокнот, спиной чувствуя пристальный взгляд Дага и слыша эту неотвязную музыку. Расплатилась и поспешила уйти.

Сперва Нора хотела было прогулять следующий урок, чтобы спокойно подумать в одиночестве, но в итоге отказалась от этой идеи. А после уроков быстро поехала домой.

Ну вот, наконец-то можно будет посидеть с Сесилией. Подумать вместе с нею. Как же она об этом мечтала. Только бы дома никого не было. Она отперла входную дверь, прислушалась. Отлично. Никого нет. Тогда...

Нора скинула куртку, прошла по квартире. И едва войдя в круглую комнату, услышала музыку. Она что же, не выключила радио?

Она замерла и прислушалась. Из-за стены долетали приглушенные звуки фортепиано. Но стоило шагнуть ближе, все смолкло. Померещилось, наверно.

А это что за чудеса?

Все комната залита солнечным светом! А на улице-то с утра лил дождь. И небо сплошь в тучах.

Да и падает солнце не с той стороны! Не из окна над письменным столом, а от стены, где кровать и книжный шкаф и

нет никакого окна!

Что случилось? В полном замешательстве Нора замирает на пороге.

Комната не ее, а совсем чужая!

Нора прикрывает глаза рукой, зажмуривается. Смотрит еще раз. Опять зажмуривается.

И тут тихонько возвращается музыка. Та самая мелодия, которую Даг недавно слушал в книжном. Только на этот раз в фортепианном исполнении. Нора медленно открывает глаза.

Это сон? Видение? Или она не туда забрела?

Комната не ее!

Напротив двери, где под окном стоял письменный стол, сейчас нет ни стола, ни окна. Там высится массивный платяной шкаф. Зеркальная дверца приоткрыта, внутри видны платья.

Вторая половина шкафа – полки и ящики, один из которых выдвинут, и через бортик свешивается голубая шелковая лента.

Выше на полке, рядом с желтой матерчатой розой, сидит Сесилия. Норина кукла! А ведь ей положено находиться в печной нише.

Нора переводит взгляд на изразцовую печь. В топке горит огонь. Дверцы открыты, внутри пляшут языки пламени, но дрова не трещат. Огонь горит беззвучно.

Слышны только тихая музыка фортепиано да тиканье часов. Откуда же идет эта музыка? Вроде бы из комнатки у

Норы за спиной. Но ведь там никакого фортепиано нет, все выглядит как обычно. Тем не менее она явственно слышит, как совсем рядом, возле двери, где сейчас стоит комод, кто-то играет на фортепиано. Музыка-то идет оттуда.

Однако ни инструмента, ни того, кто играет, не видно.

Нора опять зажмуривает глаза, прислушивается. «Танец часов» – так, по словам Дага, называется эта вещьца, которую сейчас играют рядом с нею.

Она вновь смотрит на печку – та же самая, что и у нее. Единственный предмет в комнате, который выглядит как всегда. Только сейчас печка в тени. Солнце, против обыкновения, до нее не достигает. Латунные дверки ниши закрыты.

Взгляд Норы скользит к стене напротив печи, где у нее стоят кровать и книжный шкаф. Но там лишь большое окно с белыми гардинами.

Пышные складки легкого белого тюля.

Комната совершенно другая. И все-таки та же.

Фортепиано рядом с Норой звучит и звучит. Неожиданно она видит, как из тюлевых складок медленно появляется тоненькая фигурка, скользит по комнате.

Девочка в тюлевом наряде семенит на пуантах, грациозно вытянув руки перед собой. Она в балетных туфельках и в юбочках до щиколотки.

Сесилия. Нора осознает это сразу же. Девочка старше, чем ее кукольный портрет. Больше похожа на миниатюру из медальона. Но сходство с куклой по-прежнему бросается в гла-

за. Личико такое же серьезное.

Она запрокидывает голову, делает несколько танцевальных па, порхает в воздухе, вскинув руки, будто крылья, юбочки выются вокруг ног.

На редкость красивое зрелище.

А комната вдруг наполняется летучими тенями.

Все те же птицы, что порой пролетают мимо Норина окна. Те же пугливые, темные птичьи тени.

Норе хочется протянуть руки к Сесилии. Устремиться вперед, заключить ее в объятия. Но она не в силах пошевелиться. Будто приросла к порогу. И дальше идти нельзя.

Комната не ее.

Время не ее.

Она может видеть Сесилию и наблюдать за нею, но не приблизиться.

Стоит на пороге как вкопанная.

Сесилия в комнате замирает. Спиной к Норе, склонив голову. Прямо посреди танца.

Стоит у шкафа, перед зеркалом. Неподвижно. Вслушиваясь.

Нора видит ее в зеркале. Личико бледное.

Сама она по-прежнему на пороге. Тоже неподвижная. Настороженная. За спиной у них звучит «Танец часов». Обе слышат эту музыку, но не могут приблизиться друг к другу.

Потом Сесилия тихонько поднимает голову и смотрит в зеркало.

Нора видит ее лицо и глаза.

Видит дверной проем и порог, где стоит сама. Но себя не видит. Она незрима.

Понятно. Сейчас комната не ее, а Сесилии. И время Сесилии. Не Норино.

Нора – незримый гость на пороге у Сесилии. Обе чувствуют присутствие друг друга, но ни поговорить, ни встретиться не могут, каждая в плену собственного времени.

Долго ли так продолжается, она не знает. Может, несколько минут. Может, дольше. А может, всего-навсего мгновение.

Но на полке возле куклы, за матерчатой розой, стоит и тикает маленький будильник. Это Нора видит.

Потом картина гаснет. Музыка умолкает.

Нора наконец перешагивает через порог, входит в свою комнату. Письменный стол на месте, под окном. Кровать у стены. Все как полагается.

И свет падает правильно. Солнца нет, но небо посветлело. Печь не топится.

От той картины остались только птицы-тени. До сих пор тревожно мечутся в воздухе.

Нора тихонько сделала несколько шагов. Остановилась посреди комнаты, раз-другой глубоко вздохнула.

Потом подошла к печке, открыла нишу, достала Сесилию.

Неожиданно ей вспомнились строчки, которые она как-то записала в тетрадку с цитатами. Даг нашел их в какой-то

книге и прочитал ей.

Нора подошла к книжному шкафу, вытащила тетрадку. С куклой в руках села на кровать и прочла:

Если вдуматься, совершенно невысказано, чтобы однажды существовавшее со всей силою реальности могло когда-нибудь обратиться в ничто и затем во веки веков пребывать как ничто.

Написал это Шопенгауэр.

Глаза у Дага сверкали, когда он читал ей эту фразу. А сейчас, когда Нора взглянула на Сесилию, ей почудилось, будто кукла тоже смотрит на нее сверкающими глазами. Личико как бы говорило: «То, что ты прочла, сушая правда. Я знаю».

Нора прижала куклу к себе, закрыла глаза и попробовала оживить в памяти недавнюю картину. Задача нетрудная. Видение запечатлелось в памяти навечно. Комната с танцующей Сесилией.

Юную Сесилию она видела перед собой так же отчетливо, как себя в зеркале.

И все отчетливее понимала, чего Сесилия от нее ждала. Вернее, что роднит ее и Сесилию. Это же очевидно. Она все поняла еще из записок в вазочке.

Как и Нору, Сесилию опекали люди сторонние. И никто никогда не дал ей почувствовать, что любит ее просто так и принимает без всяких условий и оговорок. Ни родная мать, то бишь Агнес. Ни Хедвиг, по большому-то счету. Разве что Хульда, да и то не вполне.

Сесилии наверняка приходилось труднее, чем Норе.

У Норы хотя бы в первые годы была мама. И папа тоже. Они втроем жили своей семьей.

А Сесилия даже не знала, кто ее отец. И мама не признавала ее. Стыдилась дочери. Считала ее существование позором.

С Норой обстояло иначе. Ее признавали. И при жизни мамы и папы она наслаждалась безоговорочной любовью.

Сесилия же не имела прав ни на кого из живых людей. Не имела на земле места, которое могла бы назвать своим. Не имела ни родного очага, ни безоговорочных прав, какие есть у ребенка с мамой и папой. Она всегда жила в чужих семьях, из милости.

Только представить себе – каждый вечер засыпать и каждое утро просыпаться с мыслью: «Кто будет за мной присматривать?»

Отчасти Нора испытала это на себе. Сейчас стало лучше, но временами случались рецидивы. Внезапно накатывала горечь. Из глубины души всплывали тревога и неуверенность. И на самом дне всегда таилось ощущение: она здесь чужая. Просто под их опекой, до поры до времени. Пока им не надоест терпеть ее из милости. Они добрые, терпят. А она плохая, не понимает.

Хотя и Андерс, и Карин всячески показывают, как они рады, что она с ними. Без толку. Коварные мысли так и лезут на ум. От вечной ее подозрительности и несправедливости.

А самое ужасное – черная как ночь совесть, оттого что она, Нора, такая злая и неблагодарная.

Недостойна она своей хорошей жизни. Недостойна Андерса и Карин. Недостойна Дага.

Рано или поздно они это обнаружат. И прогонят ее.

Ладонью Нора обнимала круглый куклин затылочек, приподняла голову Сесилии, заглянула в серьезное личико.

Бедная малышка. Душой и телом Нора чувствовала, сколько страданий вынесла Сесилия. Ох и досталось ей...

Если уж Норе, которой, что ни говори, жилось хорошо, приходили в голову такие черные мысли, то что же думала и чувствовала Сесилия?

Что-что, а чувства ребенка, живущего под опекой, Нора понимала прекрасно. Совершенно очевидно, он ощущал себя лишним, ненужным. В самом деле, он ведь разве что служил свидетельством тому, как добры и самоотверженны его опекуны.

Пожалуйста! Вот они опять, коварные, гадкие мысли.

Она вспомнила, как впервые вошла в эту комнату. Как наконец-то почувствовала, что очутилась дома, что хочет здесь остаться. И как боялась, что кто-то другой заявит на эту комнату свои права.

Но комнату отдали ей. О других вариантах даже речи не было. Казалось бы, надо радоваться.

А ее тотчас обуяли черные подозрения. Ясно же, им хотелось загнать ее куда подальше. Спровадить. Видеть пореже.

Чтоб побыть втроем. В семейном кругу. Без нее.

Вечерами, лежа в постели, она чутко прислушивалась, и ей чудилось, будто они тихонько спуют в дальнем конце квартиры. Ясное дело, веселятся там, улучив минуту. Без нее.

Это наверняка неправда. Но ее переполняли именно такие чувства.

Нора крепко обняла куклу. Слезы катились по щекам, а она и не замечала.

Здесь, в этой комнате, когда-то жила Сесилия. Стены хранили ее тревогу, ее боль. И неважно, что за долгие годы окна и стены успели перенести на другое место, – всякий раз, входя сюда со своей болью и тревогой, Нора будила к жизни боль и тревогу Сесилии.

Сколько ни перекрашивай и ни переклеивай обои, ничего не изменишь.

Она взглянула на Сесилию и испугалась. Слезы капали на куклу, и личико у нее тоже было совершенно мокрое и очень печальное. Нора осторожно обсушила ей щечки.

И пока она, сидя на кровати, утирала слезы, свои и куклины, в круглой комнате послышались шаги, направились к ее порогу.

А на подоконнике затикал маленький будильник. Шаги, как обычно, замерли у двери. Нора была не одна.

Она посмотрела кукле в лицо. Печаль бесследно исчезла. Кукла снова была внимательна, как недавно, когда она про-

чла вслух ту цитату. И глаза блестели. Нора почувствовала, как ее самое наполняют покой и восхитительное тепло.

Сейчас там, у порога, стояла Сесилия и смотрела на Нору, сидевшую с куклой на кровати.

Не так давно она сама стояла у двери, глядя на танцующую Сесилию. Тогда Сесилия не могла видеть Нору. Точно так же, как Нора сейчас не могла видеть Сесилию. Она лишь чувствовала ее присутствие. Как Сесилия недавно наверняка чувствовала присутствие Норы.

В общем, вполне естественно.

Иногда Нора стояла на пороге комнаты Сесилии.

А иногда – Сесилия на пороге Нориной комнаты.

Но переступить порог ни та ни другая не могли.

Каждая была в своем времени, встреча невозможна, однако обе чувствовали присутствие друг друга.

Все очень даже естественно. «Однажды существовавшее со всей силою реальности...»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Так вот чем объясняется поведение Дага!

Он завел себе подружку. Лена сообщила по телефону. Она видела их вместе, и вид у Дага был совершенно влюбленный.

В голове у Норы все оцепенело. Она слова не могла вымолвить. Вот это да! У нее даже мысли такой не мелькало.

– Даг ничего тебе не говорил? – В голосе Лены сквозило удивление, она не сомневалась, что Нора все знает, и просто хотела посплетничать. – Почему он молчал? Я думала, он перво-наперво тебе и расскажет!

Нора поспешила закончить разговор. Ей хотелось выяснить, как выглядела та девочка, но она не сумела. И как ни странно, Лена ничего толком сказать не могла. Девочка не из их школы – вот все, что она знала.

Нора чувствовала себя так, будто получила пощечину. Какое вероломство! Она была оскорблена до глубины души. Выходит, Даг ни капельки ей не доверяет. Разве она это заслужила?

Вполне возможно. Она же всегда знала, что рано или поздно потеряет Дага. А со временем, безусловно, и Андерса с Карин.

Теперь место Норы займет Дагова подружка. И наверняка они полюбят ее куда больше. Ведь ее выбрал не кто-нибудь, но их сын, Даг. А Нору им просто навязали на шею – как

хому, от которого при всем желании не избавишься, сирота ведь, жалко ее.

Чем больше она размышляла, тем сильнее пугалась. Весь ее мир рушился. Надо смотреть правде в глаза, а не прятать голову в песок. То, чего она ждала и панически боялась, произошло наяву.

Она не могла заранее знать, как все произойдет, но предчувствовала, что причиной будет Даг. И боялась потерять его именно потому, что прекрасно понимала: этого не избежать. Хотя втайне надеялась, что ей хватит времени немного повзрослеть и справиться со всем в одиночку.

Самое ужасное, что никто ничего не говорит. Андерс и Карин наверняка в курсе дела. Но они люди деликатные. Никогда виду не покажут. Никогда ее не прогонят. Нет, этого бояться незачем. Она останется у них. Только вот в их сердцах для нее уже не будет места. Его займет подружка Дага. Свою любовь они отдадут этой девочке. А Нору будут опекать по необходимости, из чувства долга, и никогда даже не намекнут, как она, в сущности, всем мешает.

Наоборот.

Станут притворяться, что все по-старому.

Точь-в-точь как сейчас – они виду не подавали, хотя она понимала, что они не могут не знать. Эта их деликатность – вот что хуже всего. Она останется здесь, все будут прекрасно к ней относиться и решат, что ей невдомек, как обстоит на самом деле. Ведь и она тоже не рискнет обнаружить свои

чувства, если они будут так себя вести.

Словом, возникнет заколдованный круг, из которого никому не выбраться.

Нет. Этому не бывать. Ей нужно исчезнуть. Уехать. Сбежать. И поскорее.

Если бы не усталость. Ужасно хочется спать, и совершенно нет сил. Она ведь простужена.

Надо хотя бы выздороветь, а уж потом думать об отъезде. Пока что она хорошенько все обдумает и прикинет планы на будущее.

С собой она ничего не возьмет. Уйдет, и все. Соберет лишь самое необходимое. Возьмет Сесилию и уйдет. Сесилию, куклу, ведь это единственное на свете, что по праву принадлежит ей одной.

Но куда им идти?

Может, к бабушке и дедушке?

Но если б они хотели, чтобы она была с ними, то, наверно, сразу и взяли бы к себе? Правда, дедушка находился в Америке, когда мама и папа погибли. А бабушка только плакала и ничего не могла делать. Вот и все, что знала Нора. Но ведь дедушка вернулся. Почему же они не захотели ее взять?

Они потеряли свою дочку. А Нора потеряла маму и папу. Казалось бы, такая утрата должна сблизить людей, способствовать взаимопониманию.

Но они никогда по-настоящему не разговаривали. Бабушка предпочитала обниматься и сюсюкать, а не говорить все-

рьез. Ну а дедушка? Почему он всегда держался в стороне? Он же любил Нору, она чувствовала. Хоть и не показывал этого так, как бабушка.

Нет, сейчас туда ехать нельзя. Да и что она им скажет? Что Даг завел себе подружку и поэтому она не может остаться у Андерса и Карин? Так не годится.

До чего же она устала, даже думать не в состоянии. Все время знобит, простуда упорно не отступает. И хочется спать – лет сто, не меньше.

Вместе с Сесилией она забралась поглубже под одеяло и то размышляла, то спала.

Несколько раз в дверь стучал Даг, но она не впустила его, сослалась на простуду и скверное самочувствие.

Это была правда, ей становилось все хуже. Поднялась температура, начался кашель – в школу не пойдешь. Как хорошо просто полежать в постели, больше ей ничего не нужно.

К завтраку, обеду и ужину она не выходила, Карин приносила еду к ней в комнату. И каждый раз Нора замирала от страха: вдруг Карин пришлет Дага? Но боялась она зря – дома Даг почти не появлялся.

Зато время от времени приходил Андерс. Серьезно, озабоченно смотрел на нее. Раз даже лоб ей пощупал.

– Выглядишь ты неважно. Как самочувствие? Вид у Андерса такой встревоженный. Ужасно думать, что это лишь по обязанности. У Норы перехватило горло, она с головой накрылась одеялом, чтобы он не заметил слез. Сейчас она

могла разреваться от любого пустяка. Лучше б ему уйти.

Но Андерс не уходил, топтался возле кровати, неуклюже похлопывая по одеялу в том месте, где предполагал ее голову.

– Нора, милая... Жаль, что ты не хочешь с нами разговаривать.

Звучит так искренне. Почему же она не смеет поверить? Хочет, но не смеет. Надо успокоиться. И не выставять себя на посмешище.

Минуту-другую Андерс ждал ответа. Потом ушел. А Нора дала волю слезам.

Как только она выздоровеет, они навсегда от нее отделаются. И притворяться им будет незачем.

Однако выздоровела Нора быстрее, чем думала. За одну ночь. У Карин было в запасе превосходное средство от кашля. И как-то утром Нора проснулась, чувствуя себя почти совсем здоровой.

Слишком уж быстро. Ей требовалось хотя бы несколько дней, чтобы подготовить свое исчезновение. Поэтому она решила притвориться, скрыть, что ей полегчало.

Нора чувствовала себя обманщицей, но свою роль играла хорошо. Мужественно изображала страдальицу, кашляла, но сказала, что, пожалуй, пойдет в школу.

Расчет оправдался. Карин оставила ее дома, в постели. С весенними инфекциями шутить нельзя. Если они затрагивают бронхи, необходима особая осторожность. Нора должна

обещать, что не будет вставать с постели. Нора обещала.

Под вечер Карин неожиданно принесла пакетик мармелада.

– От Дага, – сказала она. – Он шлет привет и желает скорого выздоровления. Не хочет тебя тревожить, но просил предупредить, когда ему можно зайти поболтать.

Сердце у Норы ёкнуло от радости. Но она взяла себя в руки. Не надо обольщаться. Это еще ничего не значит. Обычная показная вежливость.

– Я тоже передаю ему привет и большое спасибо. Карин кивнула и присела на край Нориной кровати. Вид у нее был очень сосредоточенный.

– Интересно, о чем это он хочет с тобой поговорить?

Даг на минутку забежал в библиотеку, впопыхах сунул Карин этот пакетик и попросил передать Норе. Сам он вернется поздно.

– Станный он какой-то в последнее время. – Карин озабоченно покачала головой и посмотрела на Нору. – Тут явно замешана девочка. Ты знаешь об этом?

Нора не ответила, сердце у нее громко стучало.

– Он что-нибудь тебе говорил? Или ты не хочешь это обсуждать?

– Ничего он мне не говорил.

– Но хотя бы сказал, что завел подружку?

– Нет.

– Нет? Я думала, это секрет только для меня и для Ан-

дерса.

Нора села в постели. Возможно ли? Неужели Даг ни слова не сказал Андерсу и Карин?

Нет. Карин услышала об этом в библиотеке. Одна из со-трудниц видела их.

– А ты откуда узнала?

– От Лены. Она тоже их видела.

– Ты можешь понять, почему он так себя ведет? По-моему, я не настолько плохая мать, чтобы со мной нельзя было поговорить. Как ты считаешь?

Она робко взглянула на Нору, попыталась улыбнуться. Но губы у нее дрожали. Нора порывисто потянулась к ней. Карин схватила ее руку, крепко сжала. Она была расстроена, взволнована и не скрывала этого.

То, что Даг влюбился в какую-то девочку, само по себе не удивительно. Но зачем же врать домашним? Внушать им, что он на балете?

Нора серьезно посмотрела на Карин.

– Он что, на самом деле врал? Вот уж не думала. Карин на минуту задумалась. Нет, напрямую, пожалуй, не врал. Они сами пришли к выводу, что он на балете. Даг вообще мало что говорил.

– Вот видишь! Он ведь заранее предупредил, что не хочет говорить, где находится. А это не вранье.

– Твоя правда. – Карин благодарно посмотрела на Нору и рассмеялась. – Не мешает нам быть поосторожнее с вывода-

ми. Надеюсь, девчонка, с которой он встречается, не такая уж несносная. – Несмотря на смех, веселья в голосе не чувствовалось.

Нора нахмурилась. Ей было не до смеху.

– Даг никогда бы не стал встречаться с несносной девчонкой.

Карин посмотрела на нее.

– Пожалуй. Но он так легко увлекается всякими фантазиями. И опыта с девочками у него нет. Такого и обмануть недолго, а?

Нора упрямо тряхнула головой.

– Нет. Только не Дага. Это ему не грозит. Хоть опыта у него и маловато, он все ж таки... – она поискала подходящее слово, – разбирается в людях. Причем весьма неплохо.

– Ты так думаешь? – Карин повеселела. – Интересно, что ты так говоришь. Мне тоже раньше казалось, что у него есть психологическое чутье. Потому я сейчас и не могу взять в толк...

– Но ты же не видела эту девочку? И не знаешь ее?

– Нет-нет, я не о том, – запротестовала Карин. – Я вовсе не о девочке. Но со стороны Дага психологически отнюдь не оправданно не сказать нам ни слова. Довести до того, чтобы мы узнавали обо всем от посторонних людей. Он ведь должен понимать, что мы беспокоимся, что его поведение кажется нам странным. Это и девочке во вред. Мы можем решить, будто с нею не все в порядке, раз он отмалчивается. –

Карин вопросительно взглянула на Нору. – Ты-то как считаешь? По-твоему, умно так себя вести? Ты же все-таки знаешь его гораздо лучше, чем я.

Нора вытаращила глаза.

– Разве? Думаешь, я знаю его лучше...

Карин быстро чмокнула ее в щеку.

– А что тут удивительного? По-моему, так оно и есть. Оттого я и решила поговорить с тобой. Мне казалось, ты лучше понимаешь, почему он так секретничает.

Карин вдруг словно бы растерялась и крепко стиснула Норину руку. Они смотрели друг другу в глаза. И внезапно Норе все стало ясно.

Даг и правда вел себя странно, тут она согласна. Она тоже обиделась и чувствовала себя обманутой.

Карин кивнула. Вот именно. «Обманутой» – иначе не скажешь.

– Обманутой и ненужной.

Но ведь у человека может быть много причин умалчивать о некоторых вещах. Только теперь Нора начала это понимать.

К примеру, желание сперва разобраться самому, а уж потом поделиться с другими и выслушать их соображения и оценки, которые могли бы сбить с толку.

Даг вполне мог бы все объяснить, но пока что ему явно не до этого.

Карин вздохнула. С облегчением. Озабоченные складки у

нее на лице разгладились. Она улыбнулась.

– Вы с Дагом всегда заодно. Ты не представляешь себе, как я этому рада. Он бы точно так же защищал тебя.

Нора изумленно воззрилась на нее.

Она защищала Дага? Даже не думала. Но ведь вправду защищала? Так вышло само собой. И поступить иначе она не могла.

Теперь ей наконец стало ясно, каким образом все это взаимосвязано. А она-то отчаивалась! Теперь отчаяние как рукой сняло. Она думала и чувствовала совсем по-другому.

Карин встала. Потянулась и вздрогнула всем телом.

– Я так рада, Нора, что мы с тобой поговорили. Ведь совсем было пала духом. Но дело наверняка обстоит так, как ты говоришь. Даг хочет сам во всем разобраться, и он прав. Теперь я понимаю. Мне ведь непременно надо везде лезть со своим мнением. – Она расмеялась и, случайно бросив взгляд на пакетик с мармеладом, спросила: – Угостишь?

Нора открыла пакетик, заглянула внутрь. Так и есть: ее любимый мармелад.

– Ишь чего захотела! Ну да ладно, бери! Она протянула Карин пакетик.

Вечером Нора вдруг вскочила с постели. Совершенно здоровая. Хватит валяться тут да плевать в потолок. Она достала из чулана пылесос и вычистила всю квартиру. Карин уже который день сетовала, что кругом пылица. Вот она удивится, когда вернется из своей библиотеки. Забавно будет по-

глядеть на ее удивленное и радостное лицо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ну, Мохнач! Опять тебе туда приспичило!

Нора остановилась посреди дороги. Она вывела Мохнача погулять, но так задумалась о своем, что не заметила, куда он ее тащит.

Они находились на старом проселке, который вел к заброшенному белому дому в окружении хвойных деревьев.

Мохнач прыгал и вилял хвостом. Умильно смотрел на нее и, нетерпеливо пыхтя, натягивал поводок.

Но у Норы устали ноги, они с Мохначом всю дорогу почти бежали, и ей казалось, что вообще-то пора повернуть домой. Она потянула поводок, но Мохнач был сильнее и упрямее.

Придется идти дальше. К белому дому – что-то там явно его приманивает. Но дальше она шагу не сделает. Пора домой.

Среди деревьев уже лежали сумерки.

Мохнач рвался вперед, Нора чуть не бегом за ним бежала. До белого дома оказалось дальше, чем она думала. Усталые ноги двигались уже совершенно механически. Силы после болезни еще не вполне восстановились. В ушах шумело, голова как в тумане. А назад не повернешь. Мохнач тянул как одержимый.

Раньше она как-то не обращала внимания, что дорога такая узкая. Над головой сплетаются ветви деревьев. Пока что

безлистные. Такая чащоба вокруг, а ветки до невозможности голые. Почки еще и не думали набухать. Зрелище прямо-таки жутковатое.

Все тусклое, бесцветное. И земля. И деревья. И небо.

В воздухе повеяло холодом.

Ну вот, почти добрались. Впереди завиднелся дом. Хвойные деревья черными силуэтами обозначились на фоне блеклого неба.

Что Мохначу здесь понадобилось?

Нора остановилась, хотела повернуть обратно. Она озябла.

Но Мохнач упорно тащил ее дальше, и она была не в силах сопротивляться. Что же это с ним происходит? Неотрывно смотрит прямо перед собой, отчаянно пыхтит и не обращает на нее никакого внимания, она чувствует. Мохнач сам не свой.

Господи, как же холодно!

Они были уже возле сада.

И тут произошло нечто необъяснимое.

Нора взялась рукой за калитку. Устала, сил нет.

Калитка была деревянная, когда-то выкрашенная в зеленый цвет, а теперь облезлая и трухлявая. Нора прислонилась к ней, чтобы перевести дух.

Как вдруг неподалеку, где-то у нее за спиной, слышится звонкий девичий голос:

– Геро! Геро!

Кто это зовет? Ей никого не видно.

– Геро! Иди сюда!

Нора чувствует, как поводок выскальзывает из рук, не встречая сопротивления. Она стоит как парализованная и ничего поделать не может. Зажмуривает глаза. Будто видит сон и знает, что спит. И спрашивает себя, просыпаться или нет. Так как? Что выбрать?

Проснуться? Или грезить дальше?

Лучше грезить. Досмотреть сон до конца, а уж потом проснуться.

Она осторожно открывает глаза, видит свою руку на калитке. Что за притча? Рука ее. Но калитка совсем другая.

Не облезлая и не деревянная. А чугунная, черная, очень изящная и красивая. Но каменные столбики по бокам те же, что сейчас, только почище, не такие замшелые и обветренные.

Нора озирается по сторонам.

И участок совершенно другой.

Куда девались хвойные деревья?

И почему-то уже не холодно. Дует теплый ветерок, ласковый, но, если закрыть глаза, словно бы веющий в лицо прохладой. Приятный ветерок. Услышав шорох крыльев, Нора опять открывает глаза. Ночная птица летит над садовой дорожкой и скрывается в зелени.

Ночь, но еще светло, как в июне под Иванов день.

Два белых мотылька порхают в воздухе. Садовая дорожка

светлой лентой бежит к дому. Густая зелень туннелем смыкается вокруг дорожки.

В доме, белеющем поодаль, открыто окно, ей видно, как занавеска развевается на ветру. Дом утопает в буйной зелени. Кусты сплошь усыпаны цветами. А рядом с нею, на каменных столбиках, стоят вазоны с цветущими розами.

Нора вздыхает от восторга.

Таким она представляла себе рай, таким видела его во сне и на старинных картинах.

Из листвы деревьев и кустов льются дивные птичьи трели.

А из открытого окна порой долетают звуки фортепиано. Но они тонут в птичьем щебете, мелодия остается неуловима.

За спиной она вдруг слышит шаги. Легкие шаги. Калитка, возле которой она стоит, медленно отворяется. На секунду ее охватывает неизъяснимое ощущение. Будто прохладный ветерок прошел сквозь нее, на миг заполнил все ее существо и полетел дальше.

И тут совсем рядом что-то легонько шуршит. Нора опускает взгляд. Под ногами лежит какая-то блестящая вещица.

Она нагибается, поднимает. Тонкая серебряная цепочка с капелькой горного хрусталя. Вещица не ее. Кто-то обронил, вот только что.

Нора переводит взгляд на песчаную дорожку. Там спиной к ней стоит девичья фигурка. Потом легкой танцующей походкой направляется к дому. Фортепиано звучит громче.

Платье на девушке темное. Волосы длинные, заплетенные в одну косу. В руке желтый зонтик – может, от дождя, а может, от солнца.

Серебряную цепочку наверняка обронила она.

Нора хочет войти в калитку, догнать девушку и отдать ей цепочку, но не может. Она словно приросла к земле. Не в силах ни пошевелиться, ни окликнуть. Голоса нет. Ей вдруг становится страшно.

Девушка на дорожке уже не пританцовывает. Будто во сне поднимает зонтик вверх и скользит дальше – сомнамбула, заколдованная принцесса.

Фортепиано умолкло.

А следом исчезла и девушка. Словно растаяла в блеклом меркнувшем свете. Появилась и исчезла как сон, стремительно, мимолетно. Однако ж Нора ее видела. Явственно видела. Секунду-другую.

Правда, лишь со спины.

Но догадалась, что это была Сесилия.

Птичий щебет тоже умолкает.

Опять становится холодно. Дует ветер. Все вокруг резко меняется.

Райская греза длилась считанные мгновения.

Деревья теряют листву. Кустарник – свои цветы.

Ветер шумит в ветвях. Песчаную дорожку заливают тьма.

Дом поодаль какой-то неестественно белый. Все окна закрыты. Заперты. Безжизненны.

Птицы кричат. Листья, сорванные с деревьев, сухие, вихрем мечутся по дорожке. Розы увяли.

Тишина. Все замирает. Листья неподвижно лежат на песке. Голые ветки как оцепенелые руки над дорожкой.

И тут слышится лай.

Нора вздрагивает.

Черная собака мчится к ней из белизны света, оттуда, где кончался зеленый лиственный туннель и где только что растаяла та девушка.

Собака беззвучно летит по песчаной дорожке, напрямиком к Норе.

Она испуганно зажмуривается.

И тут кто-то опять зовет Геро. Но голос доносится будто из дальнего далека. Несколько раз.

Тот же голос, который она слышала совсем недавно.

И который никак не вспомнит. Хотя наяву он кажется ей знакомым.

Сон кончился?

Она медленно открывает глаза.

По ту сторону калитки гордо стоит Мохнач, преданно глядя на нее.

Как он туда попал?

Нора открыла калитку, подобрала поводок. Калитка опять деревянная, в ошметках зеленой краски. Мохнач угомонился. Держит нос по ветру. А ветер, как раньше, шумит в лапах сосен и елей.

– Пошли, Мохнач.

Она притянула его к себе, закрыла калитку. Пора домой, и поскорее. Холодно. Стемнело.

Оба торопливо зашагали прочь.

Нора сунула руку в карман. Нашупала в глубине что-то прохладное. Достала – серебряная цепочка, найденная у калитки. Не у зеленой. А у чугунной, в которую вошла Сесилия, когда Нора стояла рядом.

Наверняка это ее браслет. Нора отчетливо слышала, как она мимоходом обронила его. Но вернуть не могла. Ведь они с Сесилией находились в разных временах.

Она надела цепочку на запястье. Горный хрусталик поблескивал в темноте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Стало быть, я должна рассказать про Сесилию Агнес...

Кофепитие закончилось. Старушки разбрелись по своим комнатам. На веранде стало тихо.

Хульда задумчиво смотрела в пространство.

– Необычная была девочка. Ни до, ни после я никого похожего не встречала... Печальное личико, хрупкая фигурка – такого ребенка не забудешь, – тихо сказала она и взглянула на Нору. – Я постоянно тревожилась из-за нее. Да и Хедвиг тоже. Удивительно, иногда у Сесилии как бы на лице было написано, что в жизни ей придется тяжело. Она шла навстречу трагической судьбе, это чувствовалось, но сделать ничего было невозможно.

Хульда вздохнула и умолкла.

По кукле тоже заметно, что ей пришлось нелегко, подумала Нора.

Да, в Сесилии, даже когда она улыбалась, сквозила такая печаль, что сердце щемило. Она словно угадывала, что ее ждет.

Нет, в это Нора не верила. Сесилия наверняка больше думала о настоящем, чем о том, что с нею случится в будущем. Ей не довелось жить у матери, и отца своего она никогда не знала. О ней всегда заботились другие люди, которые большей частью, наверно, жалели ее.

– Нет-нет, ты ошибаешься. Хедвиг вправду ее любила, – горячо возразила Хульда.

Пусть так. Но для Хедвиг превыше всего было ее искусство. Окажись она перед выбором, она бы наверняка не стала брать на себя заботу о ребенке. Ведь собственного-то не завела. Но в случае с Сесилией у Хедвиг выбора не было. Кто-то ведь должен опекать ребенка, и Хедвиг приняла его под свою ответственность...

Да, верно, иначе не скажешь. С этим Хульда согласна. Может, Нора и права, личико у Сесилии было печальным не столько от предчувствий, сколько оттого, что она никогда и нигде не чувствовала себя по-настоящему дома.

– Правду говорят, многое домысливаешь задним числом, потому только, что знаешь, как все было.

– А как было? – спросила Нора.

Хульда глубоко вздохнула и печально нахмурилась – история, которую предстояло поведать, была так трагична, что ей совсем не хотелось начинать рассказ.

– Она ведь танцевала? – осторожно спросила Нора.

Хульда кивнула. И Нора рассказала о том, что привиделось ей с порога комнаты. О Сесилии, порхавшей там в балетных юбочках. Она описала обстановку, и Хульда, как выяснилось, отлично помнила и платяной шкаф, и зеркало. Перед этим зеркалом Сесилия обычно отрабатывала танцевальные движения.

С самого раннего возраста ее очень увлекали движения.

Хульда помнила, как она следила за полетом птиц, подражала взмахам их крыльев. Примечала, что разные птицы машут крыльями по-разному.

Она изображала дым, клубами поднимавшийся из труб. И часто надолго замирала, наблюдая за такими вещами. За флагом, выющим на ветру. За гардинами, что колышутся в открытом окне. За ветвями деревьев, взбудораженными вихрем. За облаками, бегущими по небу.

Сесилия подражала всему, что способно двигаться. Людям. Животным. Предметам. И забывала обо всем на свете, растворяясь в движениях, которые видела повсюду.

Танец мало-помалу приобретал для нее первостепенную важность. И скоро значил ничуть не меньше, чем для Хедвиг живопись. В этом они были очень похожи. И Хедвиг поощряла тягу Сесилии к танцу. Девочка безусловно обладала незаурядным талантом и могла достичь многого, но для этого, конечно, надо было учиться.

В ту пору в городе существовала небольшая балетная школа. Первые годы Сесилия и посещала тамошние классы – прекрасное начало. Но прошло несколько лет, и Сесилия переросла своих учителей. Раз-другой заходила речь о переезде в Стокгольм, чтобы девочка могла продолжить учебу, но вечно что-то мешало. Ведь Хедвиг, несмотря ни на что, предпочитала жить здесь. Время от времени она уезжала за границу. На кого тогда оставишь Сесилию? В Стокгольме никакой Хульды нет. Не то чтобы Хульда стремилась набить

себе цену, нет, просто обстоятельства так складывались. Да и сама Сесилия слышать не желала о переезде в Стокгольм. Хотела остаться с Хульдой.

И Хульде тоже не хотелось отпускать Сесилию, поэтому она не очень теребила их с переездом.

– По правде говоря, я была против. И всячески старалась этому помешать.

Но по большому счету, конечно, хорошего тут было мало. И им наверняка бы пришлось переехать, если бы не одно новое обстоятельство.

В городе поселился танцовщик Королевской оперы; человек талантливый, еще сравнительно молодой – чуть за сорок, – он оставил сцену и начал давать уроки. Сесилия, разумеется, стала его ученицей. Ей уже сравнялось двенадцать лет, и она прямо-таки преобразилась. Если раньше подавала большие надежды, то теперь поистине блистала. Ее дарование стремительно раскрывалось, и в скором времени пошли разговоры о балетном училище при Опере. В Стокгольме Сесилию рассчитывали определить в пансион.

Сама Хедвиг решила не переезжать. В ту пору она часто бывала за границей и полагала, что ее местожительство значения не имеет.

А вот насчет Сесилии у нее сомнений не было: девочке необходимо в Стокгольм, чтобы выучиться и достичь своей цели.

Но на сей раз заартачилась Сесилия.

Хедвиг пыталась ее вразумить. Речь-то шла о ее будущем. Но Сесилия стояла на своем. Необходимую подготовку она, мол, получит и здесь, дома. Так что все опять отложили на потом.

И совершили ошибку. Конечно, Сесилия боялась. Не хотела потерять то, что имела. За эти годы она расцвела, почувствовала, что ее ценят, и до некоторой степени поверила в свой талант. Поняла, что чего-то стоит. И вот теперь взять и уехать? Когда все у нее так хорошо складывается. Опять начинать сначала, среди чужих людей. И, возможно, потерпеть неудачу.

В Стокгольме царила жесточайшая конкуренция, а Сесилия была не храброго десятка. Ее с легкостью могли затереть, она не умела постоять за себя. Хедвиг хорошо это понимала. Оттого и не очень-то уговаривала. Знала, что Сесилия сможет добиться успеха, только если постоянно будет чувствовать, что окружена друзьями, желающими ей добра. А не соперниками, не конкурентами. Сесилии просто-напросто не доставало силы характера. И неудача – случись она сейчас, когда девочка наконец-то начала расправлять крылья, – могла возыметь очень серьезные последствия.

Словом, Сесилия осталась дома. Все вздохнули с облегчением. В том числе и Хульда. Ведь при одной мысли, что в Стокгольме Сесилия будет брошена на произвол судьбы, ей, мягко говоря, делалось страшно.

– На Агнес-то, на родную ее мать, расчета не было. Она

хоть и жила в Стокгольме, но даже не заикалась о том, чтобы взять Сесилию к себе. – Хульда вздохнула. – Приди Агнес на помощь, все было бы по-другому. Но она палец о палец не ударила.

Хульда умолкла и долго сидела, глядя в пространство. Но-ра не торопила ее. Старушка сокрушенно покачала головой, нахмурилась, потом сказала:

– Знали бы мы тогда, что ждет бедняжку здесь, дома, наверняка бы отправили ее в Стокгольм, чего бы это ни стоило. Только ведь нам было невдогад. Что я, что Хедвиг – сущие простофили, стыдно сказать. Ну и поплатились обе.

Все вроде шло тихо-спокойно. Сесилия продолжала совершенствоваться в танцах. Начала выступать, причем с неизменным успехом. Вдобавок в школе помогала, учила других. И с огромным удовольствием.

– Балетчик, учитель ее, готов был что угодно сделать, лишь бы она добилась успеха. А мы радовались: не перевелись на свете добрые люди! Нам в голову не приходило, что он свои планы строит. Да какие!

И вот настала осень 1922-го.

Хедвиг собиралась в Париж, на целый год. И сказала Хульде, что впервые уезжает со спокойной душой. Раньше-то ее всегда мучили угрызения совести. Ведь когда Хедвиг куда-нибудь уезжала, Сесилия ужасно расстраивалась. Выглядела до того печальной и одинокой, что у Хедвиг прямо сердце разрывалось. Однако на сей раз она приняла раз-

луку гораздо спокойнее. Хотя уезжала Хедвиг на целый год. По всему видать, девочка нашла свою цель в жизни, была счастлива и довольна.

На прощание обе всплакнули. Впрочем, Сесилия быстро утешилась и, вопреки обыкновению, ничуть не нервничала. Хульда, понятно, была до смерти рада.

– Такая вот дуреха, – мрачно сказала она. – Невдомек мне было, что у нее другой утешитель завелся. Понимаешь, о чем я?

Теперь ни Хульда у Сесилии не ночевала, ни Сесилия у Хульды, об этом и речи не заходило. Сесилия уже не боялась спать одна в квартире. Хульде оставалось только приглядывать за нею да следить, чтобы она не забывала поесть. Поэтому питаться она будет у Хульды, такой у них был уговор.

Но вскоре Сесилия объявила, что ей недосуг заезжать днем домой, лучше перекусить прямо в школе. И Хульда стала готовить ей завтраки, которые она каждый день брала с собой. Школа находилась за городской чертой, в доме учителя, так что Хульду не удивило, что Сесилии не хочется терять время и среди дня ехать на велосипеде домой, а потом обратно. Ужинали они по-прежнему вместе, у Хульды, и виделись каждый день. Тревожиться вроде бы не о чем.

– Девочка успела вконец исхудать и выглядела совершенно несчастной, пока я не заметила, что не все с нею как надо.

Сесилия всегда была тоненькая, бледная, а теперь стала вовсе прозрачная. Но Хульда ни о чем не задумывалась,

ровно кто глаза ей отвел, и вдруг однажды вечером, глядя, как Сесилия ковыряет еду на тарелке, она словно прозрела: вид-то у девочки нездоровый, во взгляде читается отчаяние. Хульда простить себе не могла, что раньше ничего не замечала. А ведь она просто потеряла бдительность, внушила себе, что все в полном порядке. Вдобавок собственная маленькая дочка постоянно требовала внимания. Но так или иначе она оказалась непростительно доверчивой.

Даже не подумала проверить, где Сесилия проводит вечера, где ночует. Твердо усвоила, что на первом месте у нее балет, и решила, что ее вечерние отлучки связаны с необходимостью практиковаться. Больше-то частью девочка была дома, сидела у Хульды, вела разговоры. Иногда присматривала за маленькой Ингой, если Хульде случалось вечером уйти по делам. Как тут заподозришь, что беда у порога?

Один из соседей как-то намекнул, что Сесилия не всегда ночует дома, но Хульда ему не поверила: иных людей хлебом не корми – дай только посплетничать! Нет, она совершенно уверена, что Сесилия спит дома, в своей постели, и пересуды эти слушать не станет. А вынюхивать украдкой тем паче.

Только обнаружив, что Сесилия ничегошеньки не ест, Хульда всполошилась и попыталась выяснить, в чем дело. Сперва она подумала, что девочка решила сбросить вес. Но зачем? Какая в этом необходимость? И без того тоненькая как тростинка!

– Я, конечно, знала, что тех, кто занимается балетом, не

назовешь обжорами. Но совсем без еды они ведь тоже не могут, верно? А Сесилия морила себя голодом. Почему, скажите на милость?

Девочка ссылалась на завтраки, которые брала с собой. Мол, этого больше чем достаточно. Но Хульда ей не верила, подозревая, что охотников расправиться с завтраками там хватает. Сама Сесилия вряд ли много съедала. А корзинка вечером почти всегда была пустая. Еды нет, но девочка день ото дня худеет. Что-то здесь было не так, и Хульда встревожилась.

Кто же это без зазрения совести лопает девочкины завтраки, и душа у мерзавца не дрогнет, что она тает на глазах!

Неужто сам этот знаменитый танцор?

Может, внушает ей, что надо худеть ради балета? Может, он по правде-то бессердечный изверг?

– Н-да, очень я его подозревала, балетчика этого. Но до самого худшего так и не додумалась, – с горечью сказала Хульда. – У меня даже мысли об этом не мелькнуло. Я злилась из-за пары бутербродов, а на самом деле речь шла совсем о другом. Наивная я была в ту пору, ужасно наивная. – Хульда покачала головой, взглянула на Нору и вдруг изумленно вытаращила глаза. – Что это у тебя?

Нора задумчиво теребила хрусталик на серебряном браслете-цепочке. Хульда узнала браслет, и Нора рассказала, как он к ней попал.

– Эта вещица принадлежала Сесилии?

– Совершенно верно. – Хульда кивнула. – Он ей подарил. Двенадцатого июля, на день рождения. Вечером она вернулась домой с браслетом, сияя от счастья. Помню, я испекла торт, с семнадцатью свечками. Мы устроили маленький праздник, я сделала несколько фотоснимков и послала Хедвиг в Париж. Написала о празднике и о браслете. Позднее она, кстати, по одной из моих фотографий нарисовала миниатюрный портрет Сесилии. Ты, наверно, видела его? В куклином медальоне.

Разумеется, Нора видела миниатюру! «Сесилия в 17 лет» – на обороте так и было написано, а рядом дата и подпись: «Х. Б., 1923 г.». Стало быть, образцом послужила фотография, сделанная Хульдой.

– Ну да, я снимала своей старой фотокамерой. Нора растегнула цепочку, подняла к свету.

Хрустальная капелька так и засверкала.

– Как же я могла найти этот браслет? Ты что-нибудь понимаешь?

– Но она ведь потеряла его. – Хульда посмотрела на Нору так, будто речь шла о чем-то самоочевидном. – Мы ужасно расстроились. Искали повсюду. Но он как сквозь землю провалился. Получила в подарок ко дню рождения, а всего через неделю уже потеряла. Недолго он у нее пробыл.

Хульда неодобрительно взглянула на браслет. Счастья он не принес. И лично ей никогда не нравился. Хрусталик этот с виду точь-в-точь как слеза.

– Мне такое даже в голову не пришло! – Нора опять надела браслет.

– А мне пришло! – жестко отрезала Хульда. Она надолго замолчала. И лицо ее все больше мрачнело. – Видишь ли, Сесилия забеременела. И голодом себя морила, чтобы никто этого не заметил. А вовсе не ради балета... Мало того, она еще и утягивалась. От природы ростом не вышла, но все равно добыла корсет и туго-натуго утягивала живот. Так что внешне вообще не было заметно... Я знать ничего не знала, пока не пришло время родить и скрывать стало невозможно. Странно, право слово.

В конце лета Сесилия вдруг собралась в Стокгольм. Только не говорила зачем. Но все-таки Хульда вытянула из нее, что она хочет проведать Агнес, то бишь свою родную мать. Еще не легче! Что ей там понадобилось, они ведь не поддерживали никаких отношений.

Однако Сесилия, видать, надеялась, что именно Агнес поймет ее и не откажет в помощи. Не столько потому, что Агнес ей мать, на сей счет она не обольщалась, а скорее потому, что некогда Агнес попала в такое же положение, как теперь Сесилия. Тоже забеременела и тоже без мужа. И родить ей пришлось тайком. Так на свет появилась сама Сесилия.

Оттого-то она и надеялась на Агнес.

Увы, надежды ее пошли прахом.

Агнес только испугалась. Сунула Сесилии сотню крон и

выпроводила домой. Даже переночевать не оставила. Велела ехать обратно к Хульде. И пожалуй, так было лучше всего.

Сесилия вернулась в тот же вечер, вот тогда Хульда все и узнала. Как обухом по голове.

– Но тут мне винить некого. Надо было держать глаза на распашку...

Дело, наверно, в том, что все превозносили этого балетчика до небес – знаменитость, светило как-никак. Считали его человеком порядочным, благородным. Никто слова худого о нем не говорил.

Хедвиг тоже была с ним знакома, одно время Хульде даже казалось, будто между ними что-то намечается. Вполне ведь естественно – ровесники, что ни говори. Только вот Хедвиг рассуждала по-своему и особого интереса не проявила.

Зато его проявила Сесилия.

Хедвиг такое и во сне бы не приснилось. Она сама и танцовщик были добрыми друзьями. Имели общие интересы, могли о многом поговорить. Хедвиг часто к нему заходила. Посмотреть, как танцует Сесилия, а еще – порисовать. Она не раз писала его сад.

– Ты ведь ходила туда? – Хульда взглянула на Нору. – Знаешь, стало быть, это место. В те годы усадьба называлась «Беата», красивая такая, романтическая, помнится.

Нора кивнула. В видении это место явило ей свой давний облик – зеленый, цветущий. Теперь от идиллии мало что осталось.

– Знаю. Говорят, мрачно там, одичало все вконец. Но этому есть свое объяснение. Скоро узнаешь.

В общем, и на сей раз пришлось Хульде, как всегда, позаботиться о Сесилии. Она и повитуху нашла, и помогла ей принять роды. Заранее-то ничего не приготовили, а рожали в ту пору дома, так что Сесилия разрешилась от бремени у себя в квартире, наверху. Хульда, Сесилия и повитуха – они были втроем. Отец ребенка заблаговременно уехал в отпуск.

– Родился мальчик. Его потом Мартином крестили. И он выжил. А вот матери его, нашей малышке Сесилии, выжить было не суждено. Она так исхудала и ослабела, что уже не смогла оправиться. Той же ночью умерла у меня на руках.

Хульда долго молчала. Нора тоже. В горле у нее стоял комок. Значит, Сесилия и в мир иной ушла брошенная, одинокая. Как он только мог? Уехал в отпуск! Если б не Хульда, Сесилия умерла бы совсем одна.

Хульда тяжело вздохнула.

– Хедвиг никогда меня за это не корила. Ни единого разу. Мы не властны над проходящим, не можем уберечь других людей, сказала она мне. И не винила меня, хоть сама я всегда чувствовала себя виноватой. День за днем девочка была у меня на глазах... а я ничего не замечала.

Нора подняла хрусталик к свету. И правда как слезка.

– Может, Сесилия не хотела жить?

– Верно, не хотела, – сердито сказала Хульда. – Тогда, в тот час. Но желание жить наверняка бы вернулось. Как и же-

лание танцевать. Я уверена. Приди помощь вовремя, она бы так легко не сдалась.

– А что стало с ребенком? С Мартином? Хедвиг пришлось и это уладить. К себе она его взять не захотела. Еще раз нести ответственность за нежеланного ребенка – благодарю покорно. Хульда тоже отказалась. Ведь у нее был собственный ребенок, который нуждался в заботе, а из-за этих событий она совершенно забросила дочку. Но такое решение и Хедвиг, и Хульде далось нелегко. Обе мучились угрызениями совести, оттого что оставили малыша Мартина на произвол судьбы.

Но в конце концов Хедвиг нашла мальчику в деревне хороших приемных родителей.

– А отец не мог взять его к себе?

– Он-то? Ничего не скажешь – подходящая кандидатура!

Хульда фыркнула. Этот? Чтобы он о ком-нибудь позаботился? Не-ет. Балетчик вернулся домой и разыграл шумный спектакль. Великую трагедию. Задним числом он, конечно, твердил, что хотел жениться на Сесилии. Что готов был держать ответ. Но ведь он не знал, что ей так скоро родить.

Так он уверял. Трудно сказать, что тут правда, а что нет. Кой-какие искренние чувства, наверно, за этим спектаклем все же стояли. Он безусловно питал к Сесилии сердечную склонность. И возможно, горевал искренне. Только выглядело все очень уж нелепо и смехотворно. У Хульды вообще сложилось впечатление, что жалел он в первую очередь себя. И что бы ни делал, все оборачивалось таким спектак-

лем. Он рвал на себе волосы, заламывал руки, гримасничал и кривлялся.

Вместо того чтобы, к примеру, спросить о ребенке – казалось бы, поступок вполне естественный и разумный, – он ринулся в сад и разнес его в пух и прах. Метался как безумный, рубил деревья и кусты, вытапывал грядки, крушил цветники.

Уничтожил райский уголок, который сам же и создал. А потом посадил самые мрачные хвойные деревья, какие сумел сыскать. По-своему увековечил память Сесилии. Превратил обитель радости и счастья в место вечной скорби. Позднее он оттуда уехал, да еще и балет на эту тему поставил. Говорят, с большим успехом.

– Словом, он горевал на свой лад, – тихо сказала Хульда. – А уж как там было на самом деле, я не знаю. Сыном он вовсе не интересовался. Забыл Мартина.

– Неужто ни разу не вспомнил?

– Нет, отгоревал и уехал из города. И вообще из страны. Начал все сначала где-то в Дании. Здесь его больше не видели.

– А Мартин?

Мартин оказался трудным ребенком. Никакого сладу с ним не было. Приемных родителей, к которым он попал, упрекнуть решительно не в чем. Наоборот. Но Мартин то и дело убегал. Связался с дурной компанией и совсем мальчишкой подался в матросы. Позднее пробовал то одно, то

другое, пописывал статейки, хотел стать журналистом, но толку из него так и не вышло. Одно время он даже в артисты метил. А после запил, и в конце концов водка свела его в могилу. Жил он последнее время в Стокгольме. Женат вроде не был. Но ребенка, говорят, завел где-то на стороне. Умер Мартин скоропостижно, в прошлом году, после очередной попойки, как Хульда слыхала.

– Да, вот все, что я знаю про сына Сесилии...

И этот ребенок рос у чужих людей. Все повторяется, повторяется...

– А кто опекал Мартинова ребенка?

Тут Хульда ничего сказать не могла. Голос у нее был усталый и печальный. Наверно, его мать. Отец-то вряд ли им интересовался – что с него возьмешь, изначально сдвинутый малость.

– Но Геро он все же пригрел, – неожиданно заметила Хульда.

– Геро? – изумилась Нора.

– Ну да, собаку. Балетчик-то собаку держал. Большущую черную овчарку, Сесилия часто за ней присматривала. Красивый зверь, воспитанный, умный. Он был при нас, когда Сесилия умерла. Уезжая в отпуск, хозяин всегда оставлял собаку у нее. Геро очень переживал случившееся, по глазам было видно. Поздно ночью, когда все кончилось, он вдруг подошел и положил голову мне на колени – утешал как мог.

Потом Геро вместе с Мартином перебрался в приемную

семью. Балетчик не хотел больше держать его у себя. Дескать, пес слишком напоминает о счастливых днях, при одном взгляде на него сразу наворачиваются слезы и все такое.

Словом, Мартин подрастал в компании Геро. И в детстве с ним не разлучался. Пока Геро был жив, никаких проблем не возникало. Но собаки не бессмертны. И век у них не очень-то долгий. Хотя Геро дожил до старости. Когда он умер, Мартин, как слыхала Хульда, ужасно по нем убивался. А потом начались сложности, в мальчишку словно бес вселился, не мог он усидеть дома, так его и тянуло бродяжить.

Хульда ощупью нашла руку Норы. Пальцы ее легонько дрожали.

– Тяжко все это вспоминать, – прошептала она. – Однако теперь, Нора, ты знаешь об Агнесиной Сесилии ровно столько же, сколько знаю я. – Она помолчала. – Я всю жизнь корила себя за то, что оставила ребенка Сесилии, и очень жалела Мартина. Правда, наблюдала за ним издали. Сил у меня не доставало на большее. Н-да, человек – странное существо. – Она опять задумчиво помолчала. – Всего я, конечно, знать не могу.

Наверно, другие способны еще много чего рассказать. Но тут тебе, Нора, придется самой наводить справки...

Хульда пожала Норину руку, Нора ответила тем же.

– Так я и сделаю, Хульда. Сдаваться не собираюсь. Я непременно должна узнать, чего от меня хочет Сесилия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Нора долго ходила среди могил, искала.

По словам Хульды, Сесилия похоронена где-то здесь, на старом кладбище. Раньше, до переезда в загородный приют, Хульда часто навещала ее могилу, но теперь это ей не по силам, и она считала, что к Сесилии никто больше не ходит. Не осталось таких, кто ее знал.

Хульда попросила Нору положить от нее на могилу букетик фиалок. Сесилия очень их любила. А сама Нора нарвала букет весенних цветов, потом села на автобус и поехала домой, в город.

В воздухе пахло весной, и ветерок был совершенно весенний, и солнце сияло в небе среди летучих облаков. Повсюду сгребали прошлогодние листья. Вокруг звенели голоса, и птицы с песней взмывали в вышину. Сейчас мало что здесь напоминало о смерти и бренности. На кладбище был день живых.

В конце концов Нора нашла, что искала. Небольшую прямоугольную плиту серого камня на зеленом холмике.

СЕСИЛИЯ БЪЁРКМАН

1906 12/7 – 1923 14/9

ХЕДВИГ БЪЁРКМАН

1886 7/3 —

Увидев на камне имя Хедвиг, Нора вздрогнула. Но тотчас

сообщила, что там указана только дата рождения. Хедвиг заранее решила, что похоронят ее именно здесь. Придет время – и останется лишь выбить дату смерти.

О похоронах Хульда рассказала немного. Из Стокгольма приехала Агнес, всплакнула и ближайшим поездом укатила обратно. Даже на поминки зайти после похорон не нашла времени. Еще были ученики из балетной школы. Но без учителя. Он пока не вернулся. Приехал гораздо позже, посадил кипарисы и доиграл до конца свою трагедийную роль.

Кипарисы на могиле не сохранились. Хедвиг их выкопала. Ни ей, ни Сесилии кипарисы не нравились.

Да, эта могила – часть истории Сесилии. Потому Нора и хотела ее увидеть. Здесь, в этом забытом месте, под присмотром кладбищенской администрации, история Сесилии завершилась. Могила была чистая, ухоженная.

Хотя, пожалуй, не вполне забытая!

В вазочке уже стоял яркий весенний букетик. Почти такой же, какой принесла сама Нора. Кто-то здесь побывал, причем совсем недавно. Цветы свежие, в каплях росы.

Интересно, кто же их принес?

Кладбищенский персонал вряд ли собирает весенние букеты и украшает ими могилы. Выходит, есть кто-то еще, кому небезразлична Сесилия. Но Хульда его не знает.

Нора принесла вазочки и поставила свой и Хульдин букеты по сторонам чужих цветов.

Потом она поспешила домой.

Дел-то по горло.

Завтра она съездит в Стокгольм, поговорит с бабушкой. Когда она позвонила спросить, можно ли их проведать, трубку снял дедушка. И в свою очередь поинтересовался, не хочет ли она поговорить и с ним тоже. Пошутил. Но она сказала, что дело важное и знает о нем прежде всего бабушка. Что за дело такое, интересно? – в голосе дедушки сквозило любопытство. Нет, по телефону не расскажешь. Так или иначе, они очень рады повидать Нору, пускай приезжает пораньше, тогда весь день будет в их распоряжении.

«Может, и для меня немножко времени выкроишь», – сказал дедушка.

Вообще-то Нора толком не представляла себе, что скажет бабушке. Надо все хорошенько продумать.

Войдя к себе в комнату, она заметила, что дверца платяного шкафа приоткрыта. Заходил, что ли, кто-то? Она закрыла шкаф и достала из ниши Сесилию. Не мешает поговорить друг с дружкой: может, тогда Нора уяснит себе, о чем спросить бабушку.

Она устроилась с куклой за письменным столом.

И тут заметила, что дверца шкафа опять открылась.

Вот те раз! Нора встала, закрыла шкаф. Но едва успела дойти до стола, как дверца опять открылась.

Оставить ее открытой Нора не могла – действует на нервы! – и в третий раз пошла закрывать. Увы, упрямая дверца сию же минуту снова отворилась, вот тут-то Нора и почув-

ствовала там какую-то помеху. Будто внутри кто-то сопротивляется, не дает закрыть шкаф. Но этого не может быть. Она всем телом навалилась на дверцу и прижала ее, однако едва лишь отступила назад, как шкаф немедля открылся.

Что такое? Новые странности?

Впрочем, при ближайшем рассмотрении ничего странного не обнаружилось. Там действительно кое-что мешало. Коробка на полу шкафа. Нора нагнулась и задвинула ее поглубже, но свалила крышку – коробка была переполнена. Пришлось вытащить ее: надо уложить все как следует, тогда крышка слетать не будет.

Откуда она взялась, эта старая коробка, набитая лоскутками?

А-а, ну да, ее ведь тоже нашли здесь, на верхотуре, в заколоченном стенном шкафу, когда Андерс делал ремонт. Нора воздрузила коробку на письменный стол и, случайно бросив взгляд на Сесилию, заметила, что на лице у куклы, прислонившейся к стопке книг, читается напряженное ожидание. Когда Нора поставила коробку на стол, Сесилия словно подалась вперед, заглядывая внутрь и одной рукой на что-то указывая.

Нора принялась лихорадочно рыться в лоскутках.

Желтая матерчатая роза. Удивительно! Где она ее раньше видела? Голубая шелковая лента. Ой! Просто не верится! Кусочек материи, из которой сшиты платье и шапочка Сесилии. И обрезки тех кружев, что у нее на рукавах и вокруг

ворота.

Нора опустошала коробку, раскладывая содержимое на столе. Многие были ей незнакомы, но матерчатую розу и голубую шелковую ленту она видела – когда Сесилия танцевала по комнате. А иные лоскутки живо напомнили ей темное платье, которое было на Сесилии, когда она с зонтиком в руке вошла в сад.

На самом дне лежал пожелтевший конверт. Без надписи, незаклеенный. С замиранием сердца Нора заглянула внутрь. Карандашный рисунок, тщательно выполненный мужской портрет. И так и не отправленное письмо. Неведомо кому адресованное. Только все равно кажется, будто суешь нос в чужие секреты. Она уже хотела положить конверт на старое место, но, посмотрев на Сесилию, увидела на ее лице все то же напряженное ожидание. Кукла не запрещала ей читать письмо, скорее наоборот, просила об этом.

Нора вытащила из конверта рисунок, положила перед собой на стол, присмотрелась. «Х. Б., 1922 г.» – стояло внизу. Значит, рисунок сделала Хедвиг.

Мужчине, изображенному на портрете, было лет сорок, может, чуть больше. Странно тревожное лицо, высокий крутой лоб, вьющиеся волосы, бакенбарды, маленькая эспаньолка. Нос довольно крупный, а вот рот незначительный, вялый, глаза большие, на редкость светлые. Чуть усталые и несчастные.

Нора догадывалась, кто это. Вероятно, танцовщик. Пись-

мо наверняка даст точный ответ. Она развернула листок и прочитала:

«Любимый!

Уже девятнадцать дней прошло с тех пор, как ты уехал, и сколько их еще минует, пока ты вернешься из отпуска. Я много думала и писала тебе множество писем, но сразу же их рвала, потому что не знала, правда ли то, что я написала. Я не хочу, чтобы ты слышал от меня что-либо, кроме правды.

Моя жизнь действительно переменялась.

Нынче я весь день провела с малышкой Ингой, Хульда ходила к Вестинам гладить белье. Позднее, за ужином, я постоянно чувствовала на себе Хульдин взгляд. Она говорит, что вид у меня усталый и нездоровый, но ни о чем не подозревает, и я не хочу ее беспокоить. Вообще-то по мне ничего не заметно. И я этим горжусь. Незачем расплзаться, бесформенно пухнуть, хотя ем я достаточно, чтобы не навредить ребенку.

Хульда так много для меня сделала. На этот раз я хочу сама найти выход. Но пока что ничего придумать не могу. Только чувствую себя совершенно одинокой, как была одинока всегда, во всех других обстоятельствах, и меня снова одолевают давние горькие воспоминания.

В этой горькой тоске мне хочется думать, что тоскую я по тебе. И в письмах я тоже писала, что тоскую по тебе (и очень скучаю). Потому я их и не отправила. Ведь

знаю теперь, что это неправда.

Ах, неизбежное одиночество моей души, никто его не развеет! Даже ты. Теперь я понимаю. Мое одиночество происходит оттого, что с самого начала у меня отняли то, на что я имела полное право.

Твоя долгая отлучка, которой я так страшилась, поскольку она лишала меня возможности провести с тобой два важных месяца, – твоя отлучка оказалась полезной, так как убедила меня в том, во что я иначе никогда бы не пожелала поверить.

Моя печаль, моя тоска не имеют к тебе отношения. Последние несколько дней я почти совсем о тебе не думала, ну, разве только когда пыталась найти способ сказать тебе об этом.

О, правда – штука опасная! Не знаю, кто страдает больше – я, вынужденная сейчас написать, что в моем сердце уже нет чувства к тебе, или ты, которому придется прочитать эти строки. Я знаю только, что должна произнести эти слова, сколь они ни жестоки.

Заплакать бы, но я не могу.

Пишу и чувствую у себя на ногах голову Геро. Тепло, защищенность. Я помню, как Геро впервые появился у тебя, помню, как ты радовался, какой заботой и вниманием окружал его. Но лишь на первых порах, потом ты потерял интерес, и заботиться о нем стала я. Геро загрустил. А я все думала тогда, какой ты на самом деле. Со мной ты так не обращался, нет-нет, со мной ты всегда был нежен и ласков, грех жаловаться.

Но при мысли о ребенке, который скоро родится, о

твоим ребенком, я сразу вспоминаю, что ты его не хотел.

Часто ли ты думаешь об этом ребенке сейчас, в отпуске? – спрашиваю я себя. И отвечаю: никогда. В письмах ты спрашиваешься о моем здоровье, но о ребенке не вспоминаешь.

Поэтому ребенок будет моим, и я никогда его не брошу, как в детстве бросили меня. Я намерена посвятить ему свою жизнь, и все во мне ликует при мысли, что наконец-то в моих объятиях окажется крохотное существо, которое нуждается во мне точно так же, как я в нем.

Впервые в жизни рядом со мной будет человек безусловно равноправный и близкий. Вот почему я все сделаю, чтобы ребенок тоже это почувствовал. Тогда мне кажется, я и сама избавлюсь от вечного ощущения одиночества.

Да, мы будем очень счастливы вдвоем, я и мой ребенок.

С этим письмом посылаю тебе рисунок Хедвиг, твой портрет, сделанный прошлой весной. Ты хотел его иметь. Но я тогда не могла с ним расстаться. А сейчас отдам с удовольствием. Теперь рисунок твой!

Хедвиг знала тебя лучше, чем я. Глядя на портрет, я хорошо это понимаю. Он невероятно похож, но я больше не узнаю тебя. Может, потому, что сама не та, что прежде.

И ты, и твой розовый сад, и балет...

Все это был сон, мечта... Но мне кажется, я больше не могу мечтать. Ах, стать бы совсем маленьким

ребенком и слушать сказки...»

Здесь письмо обрывалось, посреди фразы. Незаконченное, неотправленное. И неподписанное, хотя Нора и так знала, кто его автор.

От волнения ее била дрожь; сама того не сознавая, она взяла куклу, прижала к груди. Ладонью обхватила головку, подняла личико к себе.

Кукла изображала Сесилию в десятилетнем возрасте. Через семь лет ей суждено умереть. Когда писала письмо, она об этом не знала, даже предчувствий никаких, видимо, не испытывала. Даты на письме нет, но едва ли оно было написано задолго до смерти. Возможно, всего за неделю, за несколько дней...

Сесилия еще не говорила Хульде о ребенке, старалась сама найти выход. Оттого и поехала в Стокгольм, к Агнес...

Она твердо решила окружить ребенка заботой и вниманием. Но замуж за его отца явно не собиралась. И горевала вовсе не из-за него, тут Хульда ошибалась. По крайней мере, судя по письму.

И все же письмо она не отправила. Почему? Тон его был очень спокоен и уверен, непохоже, чтобы она могла передумать. Вероятно, хотела подождать с отправкой до рождения ребенка. В конце концов все было не так уж и просто. Ведь, что ни говори, она собиралась оставить ребенка без отца.

Конечно, он сказал, что не желает ребенка. Но, может быть, она все же судила о нем чересчур поспешно? После

рождения малыша он вполне мог бы и образумиться?

Однако Сесилия, скорее всего, подумала, что если он вообще мог сказать такое про ее ребенка, то принимать его в расчет никак нельзя. Он больше не заслуживал доверия. Можно понять.

По всей видимости, она ни с кем эти проблемы не обсуждала. Даже с Хульдой.

И письмо не отправила. Наверняка неспроста...

Нора наклонилась к кукле – личико загадочное, замкнутое, взгляд затуманенный, будто она целиком ушла в себя.

Да, понять Сесилию явно было очень непросто. Может, потому Хедвиг и сделала куклу?

Нора, конечно, рисовать не мастерица, но, пытаясь набросать чей-нибудь портрет, например Дагов, она словно бы лучше понимала этого человека. Так же бывает, когда составляешь словесное описание. Лучше понимаешь, глубже видишь, заглядываешь под поверхность, отбрасываешь случайное. Глазам открывается то, что вправду существует, но не всегда заметно беглому обыденному взгляду. Рисую или описывая словами, как бы обретаешь большую остроту зрения.

Но понять Сесилию до конца Хедвиг так и не сумела. Это и по куклиному личику заметно. В нем столько вопросов. И ни единого ответа. Оттого оно и казалось на редкость естественным и живым.

Ни одного человека невозможно узнать и постичь до кон-

ца. Даг обычно говаривал про людей:

«Вопрос в том, есть ли ответы. —

Ответ в том, что есть лишь вопросы».

Хедвиг сделала куклу – в доказательство любви. Но будь Сесилия ее собственной дочкой, смогла бы она тогда сделать куклу?

Странные мысли...

О чем же ей завтра спросить бабушку?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ну, вот и пообедали. Дедушка встал и начал убирать со стола.

– Чашки можешь оставить, – сказала бабушка.

Дедушка кивнул и поднял крышку чайника: каждому хватит еще по чашке, но ему больше не хочется. Он пойдет прогуляться, а они могут спокойно поговорить. Дедушка еще раз обошел вокруг стола, проверил, все ли на месте. Мимоходом легонько шлепнул Нору по затылку, а бабушку чмокнул в щеку.

– Всё, больше мешать не буду.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Бабушка с улыбкой посмотрела на Нору.

– Ну? Теперь можно узнать, что у тебя за важное дело?

Обе молчали. Нора вдруг растерялась, не зная, как начать. Она собиралась сразу приступить к делу, знала, что именно хочет выяснить, но теперь почему-то не могла действовать напролом.

Бабушка смотрела на нее своими блестящими глазами. И неожиданно Норе подумалось, что она в жизни не видела ни у кого таких ярких глаз, как у бабушки. Старая уже, а глаза по-детски лучистые. И она об этом знает. Ходит всегда с высоко поднятой головой, выставляя свои глаза напоказ, словно этикие драгоценности.

Но внезапной тишины бабушка выдержать не могла. Она сразу же приходила в замешательство и винила себя в недостатке радушия. Вот и сейчас поспешно завела светскую беседу – что делать, раз Нора не говорит ни слова.

– Ну, что ваша новая квартира? Привыкли уже? Там ведь все иначе, могу себе представить. Уборки не многовато? Наверное, помощников нанимаете...

Минуту-другую бабушка продолжала этот монолог, задавала вопросы и сама же на них отвечала, а Нора меж тем обдумывала ситуацию. И вдруг сообразила, как ей направить разговор в желанное русло. Надо всего лишь подхватить квартирную тему.

– А вы знаете, бабушка, что там жила Сесилия?

– Сесилия? – недоуменно переспросила бабушка.

– Да, Сесилия Бьёркман, ваша единоутробная сестра.

Бабушка прикусила губу, она явно забеспокоилась. Обе опять умолкли. Нора думала о том, что к Хульде, которая намного старше бабушки, можно было свободно обращаться на «ты». А вот сказать «ты» бабушке у нее язык не поворачивался. Дедушке она вполне могла бы говорить «ты», но быть на «ты» с одним и на «вы» с другим никак нельзя.

– О чем ты? Где жила Сесилия?

– В нашей квартире.

– Ах, вот как! Но ведь за эти годы там много жильцов перебывало, верно?

Бабушка явно старается уйти от этой темы. Однако Нора

не намерена ей потворствовать.

– Почему вы не хотите говорить о Сесилии, бабушка?

– Дорогая, я вообще ее не знала. Совсем маленькая была, лет пяти, когда она умерла. И при жизни ее мы никаких контактов не поддерживали.

– Вам это не казалось странным?

– Нет. С какой стати? О ней с самого начала заботилась тетя Хедвиг. Вдобавок Сесилия была много старше меня, на целых двенадцать лет. У нас не могло быть ничего общего.

Неужели? Нора разозлилась. Конечно, бабушка не виновата, она была слишком мала и ничего не могла поделать, это понятно. Но ее мама, Агнес, она-то почему сестер не познакомила? Разница в возрасте не причина, родные сестры все равно могут бесконечно много дать друг другу, никто не вправе их разлучать.

Но ведь Сесилия с ранних лет была ужасно трудным ребенком, объявила бабушка. Родная мать с нею не справлялась. Тетя Хедвиг понимала ее куда лучше, потому что и сама человек отнюдь не легкий. Они стоили друг друга, обе с причудами.

– Кто это сказал?

– Милая моя! – В бабушкиных красивых глазах читалось недоумение. – Да в ту пору все знали, что Хедвиг – особа на редкость своенравная. Не злая, нет. Но с причудами. Я всегда ее побаивалась.

– Как же можно бояться человека, которого совсем не зна-

ешь?

Нора сама слышала, что говорит очень неодобрительно. Да, взяла бабушку в оборот. Но ведь свои причуды есть у каждого, верно? Разве у Агнес их не было?

У Агнес? Бабушка приподняла брови, и Нора сообразила: ей не нравится, что внучка называет ее маму по имени – Агнес.

– Ну, у прабабушки! Она же фактически бросила Сесилию! Свою родную дочку! Разве это не странно?

Бабушка глубоко вздохнула и отвела глаза. Нора поняла: ей нужно взять себя в руки, пожалуй, она зашла далековато.

– Мне кажется, не стоит тебе так самонадеянно судить о вещах, в которых ты вряд ли разбираешься. Ты же не знаешь никого из этих людей.

Нора чуть не сказала, что очень даже знает. В первую очередь Сесилию. Но решила пока помолчать. Лучше сменить тему и дать бабушке успокоиться. Усыпить ее бдительность.

– Хедвиг сейчас, наверно, очень старая? – спросила она.

Бабушка кивнула.

– О да, ей далеко за девяносто.

– А где она живет?

Бабушка покачала своей красивой головой и нахмурилась.

Хедвиг отроду была непоседой. Всю жизнь скиталась по свету. Но несколько лет назад, году этак в 1977-м, она вдруг надумала вернуться домой, в Швецию.

– И правда самое время. Мы думали, она решила провести тут остаток жизни и умереть на родной земле. Но нет! Через год-другой Хедвиг заскучала и опять пустилась в дорогу. Хотя купила и обставила небольшую квартирку. Все считали, что она наконец-то угомонилась.

– В самом деле, казалось бы, пора и успокоиться. В ее-то годы! Уж девяносто сравнялось! Но, видать, нет у нее в душе покоя. Снова уехала. Исчезла, и всё.

– Так где же она живет?

– Во Франции, по-моему. Теперь у нее никаких связей со Швецией не осталось. Квартиру она прошлой зимой продала. Вдруг приехала и пробыла тут несколько месяцев.

Приезжала Хедвиг лишь затем, чтобы окончательно обрубить здешние связи и покинуть Швецию навсегда. Бабушка повидалась с нею, мельком, а больше она, пожалуй, почти ни с кем не встречалась. Робела, что ли, и вообще производила странное впечатление. Человек без корней. Последние дни она жила в гостинице. А на Пасху уехала насовсем. И возвращаться больше не собиралась.

Бабушка вздохнула, поправила скатерть, чуть передвинула вазу с цветами и подсвечники.

– Хочешь еще чайку?

– Да, спасибо.

Она налила себе и Норе, подала внучке сахарницу.

– Да, детка, далеко не всегда все в жизни так просто, как представляется вам, молодым. Моя мама была превосход-

ным человеком, так и знай.

Нора промолчала, она пила чай.

– Лучшей матери пожелать себе невозможно...

Норе очень хотелось возразить, и, чтоб не брякнуть лишнего, онахватила из чашки здоровенный глоток. Сесилия-то думала иначе, она бы с радостью пожелала себе мать получше. А бабушка между тем безмятежно закончила:

– Нет, с этим никто спорить не станет. – Она решительно поставила чайник на стол. Потом вдруг сокрушенно вздохнула. – Бедной мамочке тоже нелегко пришлось. Отец Сесилии бросил и ее, и ребенка.

Нора кивнула. В браке они не состояли, она знает. Бабушка быстро посмотрела на нее.

– Маминой вины тут нет. Но в те времена это была ужасная беда. Не каждый мог после такой истории снова подняться на ноги.

– Конечно, скандал...

Нора всего-навсего имела в виду, что ей это понятно, но при слове «скандал» бабушка вздрогнула. К ее любимой мамочке оно уж никак не приложимо, так что лучше пропустить его мимо ушей.

– Как бы то ни было, мама сумела собраться с духом и стать на ноги. Удивительная женщина.

Да-да, лишь благодаря своим способностям и трудолюбию Агнес впоследствии смогла так хорошо устроить собственную жизнь, даже замуж вышла за хорошего человека, кото-

рый очень ее ценил.

– Папочка мой маму на руках носил.

Но не ее первую дочку, подумала Нора, хотя умудрилась смолчать. Сесилию на руках не носили.

Наверно, эти мысли отразились у Норы на лице, потому что бабушка вздохнула:

– Сесилия папе дочерью не была. Нельзя же требовать, чтобы он стал о ней заботиться потому только, что она, к сожалению, хорошего отца не имела. Бедную мамочку обманули, голову ей заморочили. Молоденькая она была, глупая.

– А вы, бабушка, знаете, кто отец Сесилии?

– Нет. Да и не мое это дело.

Бабушка решительно тряхнула головой. Нора посмотрела на нее. Разговор пожалуй что и не продолжишь. Бабушка как все равно в шорах. Только об одном думает – любой ценой защитить свою мать. А что при этом несправедливо судит других, она даже не замечает. Напрочь забыла, что «мамочка» вряд ли бы так хорошо устроилась, не будь рядом сестры, то бишь Хедвиг, и Хульды, которые всегда ей помогали. Бабушка рассуждала очень однобоко.

Она испуганно смотрела на Нору. Видно, не могла взять в толк, зачем та задает столько вопросов, ворошит давние неприятные события, говорить о которых было не принято.

– Я никого не осуждаю. – Бабушка подняла голову и повторила: – Да-да, не осуждаю. – Она блеснула глазами, и Нора поняла: это означает, что бабушка выше всяких там гнус-

ных сплетен.

– Я тоже никого не осуждаю, бабушка, – тихо сказала Нора, – но мне необходимо кое-что выяснить.

Бабушка опять встопорщилась. И знать не хотела, что Нора стремится выяснить. Ей было страшно. Она предпочла бы сию же минуту закончить разговор какими-нибудь дружескими, мягкими, добрыми, ласковыми словами, от которых обеим будет хорошо. Зачем сидеть тут и нелепо тратить время, копаясь в прошлом, во всех этих неприятностях, ведь их давным-давно пора предать забвению?

Однако Нора не могла сейчас идти на попятный. Так что пощады бабушка не дождетя.

– Вчера я была на могиле Сесилии. Думала, никто к ней не ходит, гляжу, а там большой букет весенних цветов. Значит, кто-то приходил туда незадолго до меня, верно? Интересно, кто бы это мог быть?

Бабушка смахнула со скатерти невидимые крошки.

– Не знаю. Любопытно, впрочем, что кто-то ее помнит. И это может быть кто угодно. Вопрос не ко мне.

Нора упрямо тряхнула головой. Как ни жаль бабушку, ничего не поделаешь. Кто угодно с цветами на могилы не ходит.

– Вы, бабушка, сами в это не верите, правда? Молчание.

Бабушка по-прежнему сидела, смахивая крошки. Не хотелось ей в это углубляться. Она считала, что вся жизнь должна протекать на поверхности, причем приятной на взгляд и на ощупь. И, не жалея сил, наводила на поверхности гля-

нец, лишь бы не вникать в то, что под ней крылось. Вот, значит, как с ней обстоит. Бедняжка. Ведь, с одной стороны, она видела в них свое отражение. А с другой, они соблазняли окружающих поверить, что спрятано под ними нечто столь же красивое и безупречное.

Нора действительно предпочла бы не мучить бабушку. Но у нее не было выхода.

– Ведь Сесилию постигла та же судьба, что и ее маму, Агнес, – сказала она. – У нее тоже родился внебрачный ребенок. Сама она умерла, но ребенок, как я слыхала, выжил.

Бабушка молчала, обеими руками лихорадочно разглаживала скатерть на столе. Не глядя на Нору.

– Его звали Мартин. Позаботиться о нем было некому, и он попал на воспитание к приемным родителям.

Бабушка теребила скатерть.

– Прости, но я ничего не помню. Совсем ведь маленькая была...

– Я и не говорю, бабушка, что вы должны все это помнить. Просто рассказываю, что знаю. И, как я понимаю, вы наверняка кое-что слыхали.

– Какой прок сейчас это ворошить? Что было, то было. Ничего не изменишь.

Бабушка сняла руки со скатерти и укоризненно посмотрела на Нору. Наконец-то она нашла слова, самые подходящие для такого случая!

Нора протянула руку, тронула бабушку за плечо, умоля-

юще поглядела на нее. Верно, что было, то было, ничего не изменишь.

– Но можно попытаться сделать так, чтобы несчастья не повторялись.

Глаза у бабушки испуганно забегали. Нора прекрасно видела, какие мысли мечутся в ее объятom страхом мозгу.

– Нет-нет, со мной все в порядке. Не беспокойтесь, бабушка. Я здесь по другой причине.

Бабушка облегченно вздохнула и рассмеялась. Ну и хорошо. Понять бы только, куда Нора клонит.

Так вот, Мартин умер, но, как Нора слыхала, у него был ребенок. И ей хотелось бы знать, что бабушке о нем известно. Где он? Сколько ему лет и все такое?

Бабушка улыбнулась. Всего-то? Непонятно, зачем Норе эти сведения, но у молодежи иной раз возникают весьма странные идеи, успокаивала она себя. Не стоит чересчур сосредоточивать на этом внимание, однако немного посочувствовать надо, тогда она прямо сейчас разделается с этими неприятностями. И бабушка охотно рассказала про Мартина, который, увы, оказался сущим бездельником. У него были кой-какие артистические задатки, но по причине полной бесхарактерности и слабоволия он так ничего в жизни и не добился.

Бабушка не знала его, никогда с ним не встречалась. Да и сам Мартин родней не интересовался. Оно и к лучшему. У него ведь были приемные родители, прекрасные люди, хлеб-

нули они с ним горюшка. В конце концов он совсем опустился и умер в нищете.

Бабушка замолчала, задумалась, толком не зная, что сказать дальше. Чересчур большой интерес возбуждать нельзя. Она обязана оградить Нору от этих людей. Но девочка спросила о Мартиновом ребенке, стало быть, для нее это не секрет, так что придется ответить.

Да, у Мартина действительно был ребенок. Вернее, после долгих препирательств он признал свое отцовство, хотя ребенок, понятно, ничуть его не интересовал. На матери его Мартин так и не женился, и слава Богу. Ничего хорошего все равно бы не вышло.

– Почему? Почему не вышло бы?

Причин много. Мартин был как минимум лет на двадцать старше этой бедняжки, что, на свою беду, попалась ему на глаза. Выросла она в очень скромной семье. Отец – итальянец, был в Швеции на заработках и еще до ее рождения вернулся в Италию. И в браке с ее матерью, разумеется, не состоял. Мать впоследствии уехала в Австралию, с другим мужчиной. Девочку удочерили старики, родители матери. Фамилия их была Энг, наверняка превосходные люди, но, когда она встретила Мартина, оба уже умерли. Одна-одинешенька на всем свете. Она стала до невозможности назойливой и обременительной для окружающих.

– Я встречала ее и потому знаю, о чем говорю. Сущяя пиявка. Присосется – не оторвешь. Как-то раз заявила сюда,

так я едва ее выдворила.

– Что вы имеете в виду, бабушка? – недоуменно спросила Нора. И вдруг в глубинах памяти забрезжило воспоминание.

– Сейчас объясню. Пойми, это особа надоедливая, цепляющая и совершенно бесцеремонная. Может заявиться когда угодно, что бы ей ни говорили. Никакими средствами не брезгует.

– А чего она хочет? Ведь ей наверняка что-то нужно?

Бабушка чувствовала себя теперь куда увереннее. Нора определенно прислушивалась к ее словам.

– Ну, ей много чего нужно. Липнет к нам, так как якобы хочет, чтобы ее ребенок имел настоящую семью. Родня ей нужна. И с ее точки зрения мы, наверно, получше других, если можно так выразиться. Вот она и повадилась сюда – то звонит, то приходит. Хорошо хоть, теперь она живет не в Стокгольме, нам полегче стало. Но все равно нет-нет да и явится. По-моему, мы никогда не отделаемся от этой особы.

– А ребенок?

На миг настала тишина. Вопрос витал в воздухе, потом бабушка наконец тихо пробормотала:

– Н-да, эта девчонка...

Почему она сказала «девчонка», а не «девочка»? – подумала Нора. Может, тут кроется какой-то особый смысл? Не поймешь, о чем бабушка сейчас думает, но вид у нее взволнованный, и она забыла о бдительности.

– Я же сказала, она твердит, будто все это якобы ради ре-

бенка. Чтобы тот чувствовал, что у него есть родня, на которую в случае чего можно опереться. У нее прямо навязчивая идея насчет родни. А я думаю так: пускай едет в Италию, там тоже есть родня. Вдобавок для матери куда естественней искать общения с собственной родней. Ведь они с Мартином в браке не состояли. А в Италии, как я слыхала, народ обожает родственников.

Бабушка забылась и выплеснула наружу всю свою злость на эту бедняжку. Потом вдруг осеклась и покраснела.

– Извини за резкость, но она ужасно прилипчивая.

– Мне так не показалось.

– Тебе? Да ты же никогда ее не видела! – Нахмутив брови, бабушка посмотрела на Нору.

– Видела, по-моему.

– Где?

– Здесь, когда была маленькая... Бабушка изумилась.

– Здесь? У нас?

Да. Неужели бабушка забыла тот случай, вскоре после смерти Нориных родителей? Они с Карин были тогда в Стокгольме и зашли в гости. Потом кто-то позвонил в дверь, дедушка пошел открывать и вернулся с девушкой, которую бабушка быстренько выпроводила. Это была она?

Верно, она. Теперь бабушка вспомнила. Карита явилась тогда по обыкновению как снег на голову, даже по телефону не предупредила.

– Ты правда помнишь? Ведь совсем маленькая была!

– Я прекрасно ее помню. Она сказала, что знала маму.

Бабушка поспешно отвернулась. От волнения у нее перехватило горло.

– Да, она часто об этом твердит. К сожалению, Элисабет, твоя бедная мамочка, была очень наивна и доверчива. Так и не усвоила, что с людьми надо держать ухо востро. Все принимала за чистую монету, не удивительно, что Карита Энг втерлась к ней в доверие. Я чего только не делала, чтобы оградить Элисабет от Кариты, но, увы, не всегда успешно.

– Значит, вы, бабушка, считали себя вправе решать, с кем маме общаться, а с кем нет? – От негодования Нора даже перебила ее.

Бабушка вздрогнула – такая злость сквозила у Норы в голосе.

– Нет-нет, но в данном случае это было необходимо. Она же могла испортить Элисабет репутацию... Да и вид у нее какой-то дешевый...

Все, хватит. Нора опять перебила бабушку:

– А где она сейчас?

Бабушка покраснела и с досадой сказала:

– Понятия не имею. Никогда не интересовалась, где она живет. Ведь она то и дело переезжает. Как все люди, у которых нет в жизни твердой опоры.

– А как вы думаете, бабушка, почему у них нет опоры?

Нора попыталась перехватить бабушкин взгляд, но тщетно, та перебирала цветы в вазе и смотрела на них. На Норин

вопрос она не ответила.

– Как найдешь в жизни твердую опору, если тебя отовсюду гонят?

– Ну-ну, успокойся. Незачем так сердиться. – Цветы у бабушки в руке дрожали. Ей никак не удавалось красиво расположить их в вазе. – Все равно тебе этого не понять. Такие люди не хотят пускать корни. Им бы только бродяжить с места на место, иначе они скверно себя чувствуют...

– Такие люди! Какие же именно?

Нора смотрела на бабушку так, будто видела ее впервые. Она глазам своим не верила. Неужели ее бабушка вправду настолько бессердечна? Как же так можно? Сперва беспощадно отвергнуть Кариту, поставив ей в вину стремление найти для дочки родню. А после критиковать за то, что у нее нет в жизни опоры. Да еще и оправдывать себя, заявляя, что Карита-де обожает «бродяжить с места на место». Бабушка вообще понимает, что говорит?

Нора вконец расстроилась. Как бабушка только может быть такой черствой! Отрадно слышать, что мама была другая.

О Карите Энг Нора не знала ничего. Но ее самоотверженная борьба так знакома и так понятна. Опять одинокий, всеми покинутый человек. Бабушка сама только что рассказывала, что отец Кариты еще до ее рождения вернулся в Италию, а мать укатила за тридевять земель. Дедушка с бабушкой, единственные близкие люди в этой стране, умерли. Сто-

ит ли удивляться упорству, с каким она добивалась, чтобы родня приняла ее дочку, стала ей опорой? Одинокая, покинутая, она, понятно, надеялась, что где-нибудь отворится дверь. Хотя бы ради девочки.

Вполне понятно, что она притулилась к этому бедолаге Мартину, который был намного старше, годился ей в отцы. Но и он в конце концов оставил ее. Вот она и пыталась прибиться к его родне – что тут странного?

Но двери перед ней захлопывались. Ее встречали в штыки. Как бабушка только могла? Такого Нора не ожидала. До чего же болит голова. Уйти бы отсюда, и поскорей.

– О чем ты думаешь, детка? Вид у тебя расстроенный.

Бабушка сидела склонив голову набок и смотрела на Нору своими лучистыми глазами. Решила снова подобрать.

– Не понимаю я вас, бабушка.

– Что? – Бабушка робко взглянула на нее. – О чем ты?

И тут Нору прорвало, слова так и хлынули, она не могла их остановить. Бабушка знать не знает, что такое быть одинокой, покинутой, у бабушки-то были и папа, и мама, она росла в семье, любимый, избалованный ребенок.

– Ничего вы, бабушка, не понимаете! И больше я здесь не останусь!

Слезы градом катились у Нору по щекам. Она выскочила в коридор, схватила пальто и убежала за дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Нора села на метро и поехала прямо на Центральный вокзал. Домой, скорее домой! Первым попавшимся поездом.

На вокзале кишмя кишел народ. В два счета затеряешься. Все еще глотая слезы, Нора остановилась перед расписанием поездов на стене. Пришлось несколько раз утереть глаза и усилием воли сосредоточиться на строчках цифр. Часы прибытия и отправления сливались в бестолковую мешанину, которая бурлила в голове. Никогда они не напишут так, чтобы все было понятно!

Напрасно она вообще сюда приехала. Могла бы догадаться, как все будет. Чего она, собственно, ожидала? Знала ведь свою бабушку!

Ну и что из того, что она приперла бабушку к стенке? Вышло все очень жестоко. Почему она не оставила бабушку в покое, с этими ее глянцевыми поверхностями, и гладкими скатертями, и лучистым взглядом?

Н-да, чего она добилась-то?

Только осталась без бабушки, вот и весь результат.

Что же с ней такое, почему она вечно доводит все до крайности?! Проку-то от этого чуть. Лучше никому не становится.

Да, никому. Совершенно никому. И меньше всего ей самой.

Слезы катились градом. И расписание по-прежнему китайская грамота. Вдобавок она мешала другим пассажирам, спешившим, но тем не менее без труда разбиравшим, что написано в расписании. Все тут умней ее. Мигом находят в таблице свой поезд и решительно направляются к нужной платформе. А она так и стоит, тупо глядя на расписание. Надо бы кого-нибудь спросить. Но сперва необходимо успокоиться.

Как вдруг чья-то рука тронула ее за плечо. Она вздрогнула и обернулась.

Дедушка.

Он тяжело дышал и выглядел слегка растерянно.

– Ох, дедушка, что же я натворила!

Нора уткнулась ему в плечо и расплакалась. Горько, навзрыд. Дедушка обнял ее и тихонько повел в кафетерий. Усадил на свободный стул, подвинул себе другой.

– Пойду принесу кофейку, – сказал он и вскоре вернулся с двумя чашками крепкого кофе. – На, выпей-ка. – Дедушка сел рядом.

Нора всхлипнула, отпила глоток и резко поставила чашку на блюдце.

– Ужасно горячий.

– Подождем, пусть поостынет.

– Нет, не стоит, я же на поезд опоздаю.

– Я прослежу, чтобы этого не случилось. Дедушка невозмутимо сообщил, что по радио только что объявили: ее по-

езд опаздывает как минимум на полчаса. Спешить некуда.

Нора подула на кофе. Дедушка поднял свою чашку и сделал то же самое. Оба сидели и дули, глядя куда-то вдаль. Неожиданно их взгляды встретились. Дедушка робко улыбнулся. Нора ответила на улыбку. А секунду спустя оба рассмеялись, как бы через силу, не очень уверенно. Поставили чашки на стол.

– Как ты меня нашел?

Нора сообразила, что обратилась к дедушке на «ты» и что он даже бровью не повел. Замечательно. Кажется, дедушка воспринял это как должное.

Домой он вернулся сразу после того, как Нора убежала, и нашел бабушку в абсолютно растрепанных чувствах. Немного погодя, более-менее выяснив, что произошло, он вызвал по телефону такси. Понятно ведь, Нора поспешила напрямиком на вокзал. Куда еще-то, по логике вещей? К счастью, он успел вовремя.

– Почему ты поехал за мной?

– Понял, что ты ужасно расстроена.

Нора удивилась. Дедушка приехал из-за нее, из-за того, что она расстроена. А не из-за бабушки.

– А как же бабушка?

– Ничего, на сей раз без меня обойдется.

Но разве не жалко оставлять ее одну? Она ведь тоже очень расстроена.

Да, верно. У нее разболелась голова, поэтому она легла на

кровать и наверняка чувствует себя скверно.

– Она знает, что ты поехал сюда?

– Конечно. Сказала, я правильно делаю. Ей не по душе, что вы так расстались. Она хочет, чтобы я привез тебя обратно.

Нора смотрела в чашку.

– По-твоему, мне надо вернуться к вам? Однако дедушка невозмутимо покачал головой.

– Нет, думаю, не стоит.

– Но она ведь этого хочет? Дедушка легонько усмехнулся.

– Не все и не всегда должно быть по ее! Мне кажется, ей не мешает разок поразмыслить в одиночестве. Если ты сразу вернешься, она начнет жалеть себя и решит, что во всем права.

– Значит, ты не на ее стороне?

Дедушка не ответил. Помолчал минуту-другую, потом сказал, что вообще-то бабушка человек не злой. Просто «благоприличия», как она их называет, сковывают ее по рукам и ногам. Очень она боится, что ее сочтут недостаточно благовоспитанной. И всю жизнь от этого страдает, постоянно доказывая себе и другим, что принадлежит к «приличному обществу» и знает, как надо поступать.

– Все это наверняка коренится далеко в прошлом, – грустно сказал дедушка. – Ее мать была такая же.

Видимо, Агнес постоянно внушала Вере, то бишь бабушке, какие они благоприличные и что об этом надо всегда пом-

нить. Она расспрашивала Веру о ее знакомых и о знакомых этих знакомых, а после сравнивала и неизменно приходила к отрадному для себя выводу: что ни говори, другие им в подметки не годятся. Хотя в глубине души ее всегда терзали сомнения.

– И с твоей бабушкой обстоит точно так же. – Дедушка вздохнул. – Иной раз прямо страшно становится. Ну зачем она все время из кожи вон лезет, зачем выдрючивается?! Ничего хорошего тут нет. В первую очередь для нее самой.

Нора перестала плакать. Рядом с дедушкой ей было тепло и уютно. В суматохе Центрального вокзала от него веяло спокойствием, и говорил он негромко, сдержанно. Причем вовсе не для того, чтобы заставить Нору раскаяться и пожалеть бабушку. Скорее, он вроде как объясняет все себе самому, чтобы понять бабушку. Наверняка ведь очень много об этом размышлял, потому что крепко бабушку любит. Тут у Норы никогда сомнений не было.

Он вздохнул и с легкой печальной улыбкой посмотрел на нее.

– Такие вот дела. А сейчас она с больной головой лежит дома и ничегошеньки не понимает.

– Может, мне все-таки вернуться?

– Нет-нет, ей лучше побыть одной. Только на пользу пойдет. Пускай хорошенько подумает, может, поймет наконец, что она не единственная на свете, кого можно пожалеть. А я передам ей от тебя привет.

– И что ты ей скажешь?

– А как ты думаешь, что мне сказать?

– Не знаю. Но свои слова я обратно взять не могу.

Само собой. Нора была совершенно права. Дедушка всегда считал, что бабушка смотрела на бедняжку Кариту свысока.

– Спесиво и презрительно, сказать по правде. Карита непременно заходила на именины и в дни рождения, приносила маленькие подарки. Никогда не забывала о памятных датах, в том числе и дедушкиных. Придет радостная, гордая, а уходит опечаленная – бабушка-то встречала ее туча тучей. Но вообще история сложная, потому что бабушка не всегда держалась спесиво. Время от времени на нее накатывали приступы невероятной благосклонности, возможно, нечистая совесть заедала, дедушка точно не знал. Как бы то ни было, она пыталась выказать дружелюбие, только ничего хорошего опять же не получалось, ведь она и тут впадала в крайность, вела себя манерно и фальшиво. И если Карита не изъясняла должной благодарности, все опять шло насмарку.

Бабушка сию же минуту делала вывод, что раньше, когда держалась спесиво, поступала совершенно правильно. Некоторые люди не понимают доброго отношения. Сразу воображают о себе «невесть что». Дай такому палец, мигом всю руку откусит, и т. д.

Нет, лучше уж «взять себя в руки» и поставить эту особу «на место».

– Понимаешь? – Дедушка беспомощно взглянул на Нору. – Завиральные идеи. И ведь никак их из нее не выбьешь. Я пытался, можешь мне поверить.

Дедушка вздохнул. Ну почему бабушка вечно все запутывает? На самом-то деле все очень просто!

Несколько раз Карита заходила, когда бабушки дома не было. И они чудесно провели время. Приятно и весело. Карита Энг вовсе не дурочка. Пусть она неученая, «необразованная» и все такое, как упорно твердит бабушка, но у нее доброе сердце, а это дорогого стоит.

Почему бы не позволить Карите играть в ее безобидную игру и навещать «родню», если для нее это так важно? Почему бабушка не желает протянуть ей руку, когда та приходит полная надежд, а вместо этого сразу осаживает бедняжку?

Для себя Карита ничего не требует. Ей хочется только одного: почувствовать, что у нее есть родные, к которым можно прийти. Если уж на то пошло, она заслуживает восхищения, так дедушка считает. Ведь умудряется не замечать дурного обращения. Упорно не желает видеть, что ее унижают. Она словно бы неуязвима. И живет лишь ради своего ребенка.

– Она упрямо цепляется за родню. Вернее, за родию своего ребенка. – Дедушка слегка усмехнулся. – Да, можешь не сомневаться, о родне она знает все. И ребенка назвала Сесилией – в честь бабушки и Агнес – в честь прабабушки.

Нора вздрогнула.

– Сесилия Агнес?

– Да. Сесилия Агнес.

– Ты и ее знаешь?

– погоди минутку!

По радио передавали какое-то объявление. Дедушка вытянул шею, прислушался. Ответить Норе он не успел.

– Твой поезд! Пора! Давай бегом, а то опоздаешь! – Он вскочил на ноги, посмотрел на часы. – Скорей! Десятый путь!

Нора медленно встала.

– Мне правда не стоит вернуться с тобой к бабушке?

Дедушка взглянул на нее.

– А ты хочешь вернуться?

Нора покачала головой, повесила сумку на плечо.

– Честно говоря, не знаю. Дедушка легонько улыбнулся.

– Езжай-ка домой. По-моему, так будет лучше. Заедешь в другой раз, когда она успокоится. Ну, беги скорей!

– Спасибо, дедушка! – Нора торопливо обняла его. – Здорово, что ты приехал.

Она пошла прочь, но уже через несколько шагов дед окликнул ее:

– Так что передать бабушке? Нора обернулась. Со смехом.

– Скажи, что я поступлю, как Карита. Вернусь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В поезде Нора сразу нашла себе свободное местечко в углу. Ей нравилось сидеть в углу. Народу в вагоне было немного, всего несколько человек в разных концах, загородившиеся развернутыми газетами.

Она смотрела в окно и то и дело зевала. Наплакавшись, она всегда ужасно хотела спать.

Поезд вот-вот тронется. Кондуктор захлопывает двери. Хорошая штука – поезд. Так бы и ехала на нем – сколько угодно и куда угодно.

Ой, до чего же клонит в сон. Нора зевала как заведенная, даже слезы на глазах выступили. Хорошо бы «уйти во сне далёко за предел пространства и времен».

Откуда это? «Уйти во сне далёко за предел...»?

Ну конечно, от Дага! Он иногда говорил так вместо «доброй ночи». Желая ей увлекательных снов. Но сейчас она не хотела видеть сны. Хотела просто спать.

Нора спряталась за оконной занавеской и прислонила голову к стене. Поезд мягко тронулся...

Откуда-то издалека донесся смех, и веселый голос крикнул в окно: «Я вернусь!» Точь-в-точь как она сама несколько минут назад крикнула бабушке.

Что скажет бабушка, увидев, что она не вернулась с бабушкой, как велено?

Нет, об этом она сейчас думать не в состоянии. Хорошо, что поезд уже в пути. Отошел от перрона, выехал из города и катит все дальше, дальше... А она успокаивается, дремлет, кемарит.

Неожиданно она вздрогнула и огляделась по сторонам. Сон как рукой сняло.

Кофейная тележка!

Карита?

Откуда-то донеслось дребезжание. И Нора кое-что вспомнила.

В тот раз, когда они с Дагом ездили за куклой, в поезде по дороге в Стокгольм! Она сидела отдельно от ребят, дремала в уголке, а в вагон, дребезжа, вкатилась кофейная тележка.

И еще ей вспомнилась чудесная улыбка.

Ради такой улыбки она готова была идти хоть на край света. А женщину, которая улыбалась, вроде бы звали Каритой? За спиной у Норы, кажется, сидела девочка, она-то и назвала женщину по имени – Карита? Или это был сон?

Да, действительно, какой-то сон ей тогда снился, это точно. Но о чем он был, она не помнила. Помнила только улыбку.

Нора прислушалась. Нет, тележки не слышать. На миг у нее мелькнула мысль пойти на поиски, но дремота одержала верх, и она опять уснула за занавеской.

Проснулась она оттого, что поезд начал тормозить. Почти приехали. Нора поспешно встала, надела пальто и, застегив-

вая пуговицы, посмотрела в окно. На платформе стояли пассажиры, собиравшиеся сесть в поезд, но никого знакомого она не заметила.

Впрочем, нет! Даг! Вон он – стоит и ждет.

Она помахала ему, но он ее не увидел.

Вот так сюрприз! Откуда он знал, что она приедет этим поездом? Именно сейчас? Вернулась-то она куда раньше, чем рассчитывала. Может, дедушка позвонил и попросил Дага встретить ее? Беспокоился – вдруг она еще в расстроенных чувствах. Но о расстройстве она давным-давно забыла.

Надо же, Даг здесь!

Нора попыталась открыть окно, окликнуть Дага. Ведь он остался далеко позади. Почему он ждет не у подземного перехода в город? Стоит на дальнем конце платформы. Может, решил, что она в последнем вагоне? Прошлый раз, когда ездили в Стокгольм с Андерсом и его ребятами, они сидели именно в последнем вагоне. Вот он и подумал, наверно, что она опять будет там.

Окно не открывалось. Придется ждать.

Наконец поезд остановился, Нора подбежала к двери, но все пассажиры конечно же столпились именно там. Опять жди.

От нетерпения она была как на иголках, хоть это и глупо. Даг увидит, что в последнем вагоне ее нет, и наверняка станет искать. Беспокоиться незачем.

Но, спрыгнув на платформу, она не увидела Дага. Про-

шласть туда-сюда – нету его, как сквозь землю провалился. Те, кто ехал дальше, уже сели в вагоны, прибывшие разошлись. Платформа почти безлюдна. Даг исчез.

Может, ей померещилось?

Да нет. Дага ни с кем не спутаешь. Это был он.

А вдруг он сел на поезд и куда-то уехал? Чепуха. Куда ему ехать? Нет, объяснение может быть только одно: поскольку она задержалась, Даг, скорей всего, подумал, что она не приехала, и спустился с платформы по лестнице на том конце. Дальше там был туннель, который вел в другую часть города. Может, у него какое-то дело в тех краях, вот он и решил мимоходом глянуть на платформу – вдруг она приедет этим поездом? Но ее он не увидел и потому сразу ушел.

В таком случае далеко он уйти не мог. Она бегом припустила по платформе, вниз по ступенькам, в туннель. Шаги отдавались гулким эхом. Туннель был длинный, очень темный, с редкими голыми лампочками. Других шагов не слышно. Значит, Даг уже успел выбраться из туннеля. Идти дальше, пожалуй, бессмысленно, и все-таки Нора пошла.

Туннель вывел ее на просторную площадь, где стояло множество автобусов. Во всех направлениях от площади разбегались улицы, а Нора понятия не имела, куда пошел Даг, так что лучше всего повернуть обратно. И в ту же минуту она увидела его.

Он стоял неподалеку, возле одного из автобусов, оживленно разговаривая с кем-то внутри. Его собеседника она не

видела.

У Норы ёкнуло сердце. Значит, он встречал вовсе не ее. Высматривал и ждал кого-то другого. Конечно же, ту девочку, про которую никому словом не обмолвился.

Должно быть, они заранее договорились, что он будет ждать у последнего вагона, а последний вагон она выбрала явно затем, чтобы поскорей добраться до автостанции.

Вот это любовь! Значит, Даг пришел на вокзал и дождался поезда, который вдобавок на полчаса опоздал, – только чтобы проводить ее два шага до автобуса. Провести с ней хоть несколько кратких минут. Не иначе как вправду влюбился.

Да, это называется любовь.

А она-то вообразила, что он ждет ее, думает о ней! На самом же деле он ждал другую.

Сердце больно сжалось – нельзя не признать.

Автобус наверняка сейчас отправится, потому что Даг помахал рукой.

Нору он пока не заметил, вот и хорошо. И не должен заметить!

Автобус тронулся, Даг, махая рукой, побежал следом.

Скоро он остановится и пойдет обратно. Нора бегом кинулась в туннель. Снова оглушительный грохот шагов. Лишь бы Даг не добрался до платформы прежде, чем Нора успеет исчезнуть. Поэтому она не помчалась через всю платформу к подземному переходу, а пересекла пути и вбежала в здание вокзала. Слава Богу, он ее не видел, не успел еще выйти из

туннеля. Можно переждать здесь – он-то наверняка направится к подземному переходу.

Нора стала у окна, укрывшись за большущим папоротником.

Вот и Даг, идет не спеша. И вид у него отнюдь не лучезарно-счастливый, как она думала, а задумчивый, даже слегка огорченный. Может, несмотря ни на что, у него есть проблемы? Может, потому он и не хотел говорить об этой девочке?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Ты, видно, думаешь, я ничего не понимаю!

Нора пристально смотрела на Дага, стараясь говорить спокойно. И тотчас прикусила язык. Большой глупости она брякнуть не могла!

Только ведь он появился в ее комнате совершенно неожиданно. Она едва успела влететь к себе и еще не опомнилась от вокзальных перипетий. Вдобавок она знала, что Даг вернулся домой буквально перед нею, но он об этом даже не подумал. Хотя не мешало бы ему сообразить, что она приехала тем же поездом, что и его девочка. А он стоит тут и в ус не дует! Просто зло берет.

Зачем он вообще приперся?

Мог бы, по крайней мере, постучать!

– Привет! Ты уже дома? – Даг улыбнулся. – Я услышал, как ты пришла, вот и решил спросить, как дела.

– Дела? Какие дела?

– Ну, с бабушкой твоей. Она что-нибудь рассказала?

– О чем ты? Что она могла рассказать?

Нора сама слышала, что говорит очень недружелюбно. Но Даг давным-давно не выказывал ни малейшего интереса к ее делам – откуда же сейчас такое любопытство? Он удивленно взглянул на нее, в голосе зазвучали просительные нотки:

– Нора, я ведь не дурак, верно? И конечно же понимаю:

что-то происходит. Вчера ты ездила к Хульде... Сегодня – в Стокгольм... Почему ты не хочешь поделиться со мной?

– Сам догадайся!

– Сам? Ты что, злишься?

По-прежнему улыбаясь, он смотрел на нее. Ну, это уж слишком!

– С какой радости я должна тебе все рассказывать? Ты-то помалкиваешь!

– Но послушай, Нора!.. Тут-то она и брякнула:

– Ты, видно, думаешь, я ничего не понимаю!

В комнате повисло молчание. А в нем – эти злые слова.

От досады она и сказала все как есть:

– Я же видела тебя на вокзале. Тем же поездом приехала.

Норе полегчало. Даг помедлил с ответом, но улыбаться тотчас перестал и тихо сказал:

– Все не так, как ты думаешь.

Нора глядела в сторону. Голос у Дага был грустный, и она не нашлась что сказать, но чувствовала, как в душе вскипает давняя нежность. Снова перевела взгляд на него.

– Даг! Может, расскажешь, что произошло?

Он быстро покосился на нее и сел на стул. Вроде как обрадовался.

– Знать бы, с чего начать!

Он засмеялся и потер лоб – знак усиленных размышлений. Тут Норе пришла в голову удачная мысль:

– Давай я начну!

– Пожалуйста, если можешь! – Он оживился. – Начинай, поглядим, что получится!

Нора собралась с духом и приступила прямо к делу:

– Ты познакомился с девочкой, так?

Он смеясь кивнул. Тоже мне новость! Это она знала. Если уж на то пошло, он много раз с девочками знакомился.

– Да, но эта ведь совсем другая, а?

Само собой. Одинаковых людей не бывает.

– Давай еще разок! Напряги мозги! Ты можешь и получишь.

Нора улыбнулась. Вот такой, прежний Даг нравится ей куда больше. И затея ужасно интересная. «Расследование», как говаривал Даг.

– Так вот: ты познакомился с девочкой, о которой по каким-то причинам предпочитаешь не рассказывать. Может, попробуем разобраться в этих причинах? С кем они связаны – с ней или с тобой?

Даг ответил не сразу.

– Пожалуй, с нами обоими. Но больше всего с тобой.

– Со мной? – изумилась Нора. – Выходит, я до того несносная, что...

– Нет-нет, не так... Не могу я этого объяснить, сам вижу... Просто у меня такое ощущение.

– Что за ощущение?

– Ну, что кое в чем мне еще самому надо разобраться и втягивать тебя пока рановато.

– Втягивать меня?.. Что ты имеешь в виду? Я действительно внушила тебе такое ощущение?

Даг опять задумался.

– Да. Отчасти ты. Отчасти Тетти.

– Тетти?

– Угу, ее так зовут.

– Но это же уменьшительное. А полностью как?

– Не знаю. Разве это так важно?

– Да нет, пожалуй... Ладно. На чем мы остановились? Может, расскажешь про Тетти, а? Как вы познакомились?

Даг сидел с таким видом, будто перед ним поставили непосильную задачу, вздыхал, но в конце концов все же заговорил.

Вообще-то он давно заметил эту девочку, вот что интересно. Долго любовался ею издали, но о знакомстве даже не мечтал. Считал ее недоступной. А себя чувствовал ребячливым, незрелым. Хотя еще словом с ней не перемолвился. Сказать по правде, даже побаивался ее тогда. Даг помолчал.

– Тебе это, наверно, кажется странным? Ну почему же? Бывает и так.

– Но теперь-то ты ее не боишься?

– Страх страху рознь... – Даг пожал плечами, вздохнул. Честно говоря, в глубине души он до сих пор побаивается.

– А чего именно ты боишься? Сам-то понимаешь?

Нет, и это ужасно. Он ничегошеньки не понимает. Иной раз кажется: ну всё, догадался! Но при ближайшем рассмот-

рении видишь: ничего подобного, опять ошибся.

– Знаю, я говорю загадками. – Он нетерпеливо шевельнул рукой. – Короче, кой-какие догадки у меня мелькают, но я ни в чем не уверен.

Даг запнулся и посмотрел на нее, словно прося о помощи.

Что ответить? Нора была в замешательстве.

– Ты ведь не имеешь в виду, что... По-твоему, ей нельзя доверять? В этом все дело?

О нет! Ни фальши, ни лживости в Тетти совершенно нет. Наоборот, кажется, будто она...

Даг опять запнулся. Найти подходящие слова трудно, но, если на минутку забыть о высокопарности, можно бы сказать, что Тетти свойственна такая редкая и старомодная черта, как... чистосердечие.

– Знаю, звучит напыщенно, хотя ощущение у меня именно такое.

Нора вовсе не считала его слова ни высокопарными, ни напыщенными. Но чистосердечие... вряд ли оно может пугать Дага?

– Очень даже может. – Даг помрачнел.

– Но почему? Не понимаю. – Нора покачала головой.

Даг и сам не понимает. Голова идет кругом, ведь то, что он толкует как бесхитростность и чистосердечие, не вяжется с другой Теттиной стороной.

– И что это за сторона?

– Не знаю. Иной раз она вроде бы совершенно искренна

и смотрит на меня ясными глазами, а в то же время... нет, не получается, не знаю...

– Попробуй все-таки!

Но Даг только мямлил и вздыхал. Нора пришла на помощь.

– Думаешь, она что-то от тебя скрывает? Даг посмотрел на нее.

– Откровенно говоря, да. Думаю.

– И ты, разумеется, не знаешь, что именно?

– Понятия не имею. – Он смотрел в сторону.

– Но послушай, Даг... – Нора задумалась. – Фактически это означает, что ты ей не доверяешь, так?

Нет-нет, вполне доверяет. То-то и ужасно. Поэтому он и чувствует себя словно расколотым.

– Я и не рассчитываю, что ты поймешь, – упавшим голосом сказал Даг.

– Она тебе ужасно нравится, да? Даг глядел в пол.

– Не знаю. Кажется.

– Обычно человек это знает, а?

Он вздохнул. И неожиданно посмотрел ей прямо в глаза.

– К сожалению, нет. По крайней мере, я не знаю. Может, потому, что всегда сравниваю с тем, как отношусь к тебе. Ты постоянно как бы присутствуешь на заднем плане. И всегда выходит, что больше всего мне нравишься ты.

Как просто он это сказал, как естественно! У Норы чуть слезы из глаз не брызнули. Даг не врал. Не мямлил, не пы-

тался скрыть свои чувства. Сказал правду. Она утерла глаза и посмотрела на него.

– Если хочешь знать, со мной обстоит так же, я всех сравниваю с тобой, – улыбнулась она. – А ты вправду понятия не имеешь, что Тетти может скрывать?

Даг смотрел в сторону и не отвечал.

– Может, ты о чем-то догадываешься, но не хочешь верить?

– Может. – Он вздохнул. – Иногда мне кажется, что ей нужен вовсе не я. А кто-то другой.

Нора возмущенно взмахнула рукой. Нет-нет, это вряд ли. Тот, кому довелось быть вместе с Дагом, не захочет ничего другого. Ей ли не знать!

– Послушай, Нора! Понимаешь, иногда я совершенно явно чувствую: со мной она встречается только потому, что надеется таким образом подружиться с кем-то еще. Хотя, по-моему, она даже не отдает себе в этом отчета.

Нора тряхнула головой. Чепуха какая-то!

– Нет, Даг, это уж чересчур. Если человек с кем-то встречается лишь ради того, чтобы таким манером познакомиться с кем-то еще, он не может не отдавать себе в этом отчета.

Но Даг не разделял ее уверенности. В обычных случаях, может быть, и так. Но не с Тетти, упорно твердил он. Однако Нора не сдавалась.

– Если все так, как ты говоришь, значит, она не отдает себе отчета и в том, с кем хочет познакомиться через тебя?

Даг молчал, вид у него был серьезный и задумчивый.

Ему что же, такая мысль в голову не приходила?

Еще как приходила. И самое невероятное заключается в том, что его не оставляет ощущение, будто и он, и Тетти в глубине души знают, о ком тут идет речь.

– О ком же?

Но Даг опять смотрел в сторону. Сейчас он не хотел об этом говорить и попросил ее не допытываться. Чтобы называть имена, ему необходима полная уверенность.

Нора поняла и заговорила о другом.

– Тогда расскажи, как вы познакомились.

Даг улыбнулся, у него отлегло от сердца. Между прочим, история очень интересная.

– Как я уже говорил, я видел ее раньше. Тут Нору вдруг осенило.

– Неужели это девочка из универмага «Темпо»? Кассирша? Та, что работала допоздна, ты еще много о ней рассказывал?

Даг с улыбкой кивнул. Она самая.

Нора совершенно растерялась. Она ведь спросила просто так, наугад. В эту фею, которая время от времени фигурировала в Даговых фантазиях, она не верила, не думала, что та вправду существует. А оказывается, это и есть Тетти?!

– Ну? И как же все было?

– В общем, виной всему удивительное стечение обстоятельств, впору подумать, будто здесь сама судьба подыгра-

ла, – сказал Даг и добавил: – нас познакомил Мохнач.

– Мохнач?

– Да. Помнишь, однажды он пропал, а потом какая-то девочка привела его в полицейский участок?

– Помню. Так это была Тетти?

Даг кивнул. Но познакомились они гораздо позже, и узнал он от нее об этом опять-таки гораздо позже.

– Погоди! – Нора вспомнила еще кое-что. – В тот раз, когда Мохнач пропадал несколько дней, его тоже кто-то привел, позвонил вечером у черного хода, а когда я открыла, на площадке, кроме Мохнача, никого не было. Только на лестнице слышались торопливые шаги. Я позвала, и снизу откликнулся девичий голос. Я попросила подождать, хотела сказать спасибо, но девочка что-то крикнула в ответ и убежала. Я ее так и не увидела.

– Это опять была Тетти, – улыбнулся Даг. – Как раз на следующий день мы и познакомились.

– Да ты что! Не может быть!

– Почему? По-твоему, я вру, да? Нет, но вдруг он просто перепутал?

– Ты еще раньше начал вести себя странновато. Все время где-то пропадал. Даже ужинать не приходил по несколько дней кряду. И никому не говорил, где тебя искать.

– Должно быть, на балет ходил? – Даг выглядел как живой знак вопроса. – Это-то вы знали! Я ведь не обязан отчитываться в каждом своем шаге, верно? Всем осточертеет, по

большому-то счету.

– Конечно, но и ты нас должен понять. Обычно ты так не делаешь. Мы не знали, что и думать. Вдобавок примерно в то же время до нас дошли слухи, что ты завел подружку!

– Да, тогда не удивительно, что вы беспокоились, – согласился Даг.

Так или иначе, все началось на другой день после возвращения Мохнача из той продолжительной отлучки.

Дело было вечером. Даг с Андерсом вдвоем сидели дома. Расположились в библиотеке, листали книжки. Мохнач лежал на кухне.

А потом пес вдруг явился в библиотеку. С очень решительным видом подошел к Дагу, раз-другой ткнул его лапой и по-особенному тьякнул. Дескать, вставай-ка, пошли гулять!

Они с Андерсом посмеялись над ним, но Мохнач прижал уши и злобно заворчал, недвусмысленно показывая, что на сей раз намерен добиться своего.

Речь явно шла не о банальном обходе фонарных столбов, а о чем-то посерьезнее.

Дага обуяло любопытство, и он повел Мохнача на улицу.

Едва они вышли за дверь, как Мохнач решительно натянул поводок, и Даг не стал его удерживать, прекрасно понимая, куда тот рвется.

– Я тоже знаю! – перебила Нора. – В усадьбу «Беата», к белому дому среди елок и сосен, да?

– Конечно. Слушай дальше! Он рвался не только туда. Хо-

тя и там околачивался довольно долго, все кругом обнюхивал, скулил и вел себя весьма загадочно.

Нора с жаром кивнула.

– Я тебе потом расскажу. Помнишь, у Мохнача ошейник с биркой «Геро»? Он имеет прямое отношение к тому дому, представляешь? Я тебе такое расскажу – закачаешься! Но сперва давай ты!

Да, что-то связывает Мохнача с тамошними хвойными зарослями, это и Дагу понятно, ведь, попав туда, пес становился сам не свой – нервничал, даже пугался, но уходить не желал.

В тот раз, правда, пожелал. Устремился дальше. Хотя Даг предпочел бы повернуть обратно. Воздух был насыщен промозглой сыростью, черное, тяжелое небо нависало над верхушками деревьев. Но Мохнач упорно рвался вперед, и Даг подчинился.

– Ты помнишь, если идти по дороге, то немного погодя она выводит к озеру. Там на берегу уйма каких-то сараев и сараюшек, а еще большой красный барак. Возле дороги целый частокол из разноцветных почтовых ящиков. И масса великов. Ну, помнишь это место?

– Само собой. Мне всегда было любопытно, сколько же народу живет в этом старом бараке.

За сараями тянется вдоль берега большой тенистый парк. Толстые старые деревья, высокая густая трава.

Туда-то Мохнач и рвался.

Когда они добрались до этого места, уже почти стемнело. Но Мохнач свернул с дороги и, весело тьявая, потащил Дага в темный парк. Темень была такая, что собственной руки не разглядишь. В бараке светилось несколько окошек, но до парка их свет не достигал.

Внезапно совсем близко послышался девичий голос: «Геро? Ты опять здесь?»

Мохнач завилял хвостом, а из темноты им навстречу вынырнула черная собака, точь-в-точь такая же, овчарка. Мохнач натянул поводок, пытаясь вырваться, но Даг сумел его удержать. Знал ведь, что если Мохнач удерет, домой его нынче нипочем не залучить.

Чужая собака побежала прочь, а Мохнач, понятно, пропустил следом. Дагу пришлось здорово поднапрячься.

И тут из темноты появилась девочка. В руках она держала поводок и пыталась поймать свою собаку, которую звали Фрида. Но Мохнач кинулся к ней и не давал ей этого сделать.

«Геро, ну что же ты!» – воскликнула девочка.

«Его зовут Мохнач», – сказал Даг.

«Правда? А на ошейнике написано Геро».

Об этом Даг запомнил. Девочка рассказала, что Мохнач уже несколько раз здесь бывал. Вечерами она обычно гуляла с Фридой, с собакой своей, в парке, и с некоторых пор к ним начал прибегать Мохнач. Собаки не иначе как влюбились друг в друга. И Фрида тоже вела себя очень странно. Тетти описала ее замашки – точь-в-точь как у Мохнача.

Оба ни с того ни с сего начинали упорно рваться на улицу, пихали хозяев лапами и тявкали, будто доказывали что-то. Причем Фрида всегда точно знала, когда ждать Мохнача. Каким-то образом они наладили между собой связь. И попросту назначали свидания. Наперекор людям. Ловкачи.

В первый раз Мохнач появился здесь без ошейника, поэтому Тетти и отвела его в полицейский участок. А в другой раз он несколько дней болтался в парке возле барака, прежде чем они его поймали. Вот тогда-то Тетти решила, что лучше отвести его прямо домой, и открыла ей Нора. Но Тетти, понятно, оробела и показаться не рискнула.

– Она так и сказала? – спросила Нора. – Что оробела?

Нет, это выяснилось постепенно, когда они познакомились поближе. Забавно, что в тот первый вечер Даг впотьмах даже не узнал ее. Был так занят непослушными собаками, что вообще не думал о том, с кем разговаривает. Только радовался подмоге.

Лишь много позже до него дошло, что это была она. Ведь он долго ее не видел. Из «Темпо» она давно уволилась.

Тетти болела. И сейчас сидела без работы. Посещала в Стокгольме курсы живописи и чуть не каждый день моталась на поезде туда и обратно. Потому он и встречал ее сегодня на вокзале. Думал, она пойдет домой пешком и тогда он ее проводит. Но она поехала на автобусе.

– Значит, ты приехала тем же поездом? – Он посмотрел на Нору.

Она кивнула. Да, тем же, но Тетти не видела. И понятия не имела, что Даг встречал именно ее.

– Я-то думала, ты встречаешь меня. И когда поняла, что это не так, ужасно расстроилась.

Конечно, на ее месте Даг бы тоже расстроился. Знай он, что Нора вернулась этим поездом, он бы и ее встретил, непременно.

– Не много ли обещаешь, а? – Она засмеялась. – Как по-твоему, что бы сказала Тетти?

Даг не знал. Откровенно говоря, скорее всего, она бы сбегала, потому что очень робкая. Но он не уверен. Она редко поступала так, как он ожидал.

Нора сменила тему. Почему-то ей не хотелось узнавать о Тетти слишком уж много. Лучше составить себе собственное мнение.

– Она живет в том красном бараке? – спросила Нора.

Да. Там много народу живет. самого разного, женатого и неженатого, с детьми и без, в том числе уйма иммигрантов. У них общая кухня, и они всем делятся друг с другом. Живут вроде как весело, но наверняка бедно. Правда, держатся заодно и помогают один другому.

Впрочем, Тетти плохо вписывалась в тамошнюю компанию. Она ничего не говорила, не жаловалась, но Даг понял, что дело обстоит именно так. Ей нужен свой уголок, место, где можно побыть одной, а в бараке такая роскошь невозможна! У Дага сложилось впечатление, что в некотором

смысле ей там даже нравилось, но держалась она немножко особняком и ее не считали вполне своей.

– Когда познакомишься с нею, поймешь, что я имею в виду, – сказал он.

– Ты говорил с нею обо мне?

– Ясное дело, говорил! И часто. А что?

– Ничего. Просто интересно...

– Если тебе интересно, что она говорит, то, в общем, немного. Она не из болтушек. Зато много размышляет. А еще рисует и пишет красками. Такое у нее увлечение. У нее всегда при себе альбом. Кстати, она и дом в хвойных зарослях написала. Видела бы ты! Фантастика! Ей удалось в точности передать настроение. Все эти ели, сосны, пихты, кипарисы, лестница, усыпанная хвоей, – точь-в-точь такие, какими мы с тобой увидели их в тот первый раз. Она и себя в картину поместила: спиной к зрителю идет по дорожке к дому.

У Норы учащенно забилося сердце, она с изумлением посмотрела на Дага.

– Волосы у нее заплетены в одну косу, а в руке желтый зонтик?

– Нет, на картине осень, и зонтик у нее обычный, от дождя. Кажется, синий или фиолетовый. Но волосы действительно заплетены в одну косу. Тетти часто так причесывается. А ты откуда знаешь? Ты же не видела картину?

Даг с удивлением смотрел на Нору, а она – на него, тоже с удивлением. Нет, Теттиной картины она не видела. Зато

видела кое-что другое.

– Причем не менее фантастическое. Я много чего видела, можешь мне поверить.

Даг оживленно взмахнул рукой и уселся поудобнее.

– Теперь твой черед рассказывать! В последнее время явно произошло множество событий, о которых я знать не знаю.

Да, что верно, то верно. Нора обхватила голову руками, хорошенько встряхнула и засмеялась.

– Я тоже не знаю, с чего начать. Даг с улыбкой наклонился к ней.

– Может, я начну за тебя?

– Давай. Думаешь, получится?

Улыбаясь она смотрела на него, в ожидании. Он непридуманно откинулся на спинку стула и устремил взгляд в потолок.

– Может, начнем с Геро? Тут у меня масса вопросов. Например, такой. Сперва Мохнач наотрез отказывался заходить в эту часть квартиры. Стоило ему приблизиться к круглой комнате, как он принимался скулить, в глазах читался испуг. Помнишь? Нора молча кивнула, пусть продолжает.

– Но едва на него надели ошейник Геро, все изменилось, он стал сюда заходить. Хотя по-прежнему скулит и побаивается. С тех же самых пор у него возникла и загадочная тяга к белому дому, причем там он ведет себя примерно как здесь, скулит, нервничает, а вместе с тем будто приворожен. А уж

когда встретил Фриду, у него появилась еще одна причина сбегать туда. Но началось все с дома. А не с Фриды.

Даг замолчал, о чем-то размышляя. Нора ничего не говорила: пусть продолжает, а она послушает. Он взглянул на нее.

– Как я понимаю, тут должна быть какая-то связь. В смысле – между нашей квартирой и тем домом. Точнее, этой частью квартиры, тремя комнатами. Когда-то здесь жила собака по кличке Геро – судя по ошейнику. Вдобавок собаки, как известно, способны видеть и чувствовать скрытое от нас. У них сохранилось шестое чувство, и, вероятно, они не так, как мы, скованы пространством и временем.

Даг опять замолчал, задумчиво глядя на Нору.

– Если ты не против, предлагаю начать с Геро. Что ты о нем знаешь?

– Довольно много. – Нора вздохнула поглубже и начала рассказывать обо всем, что узнала от Хульды. Пришло время раскрыть карты. Препятствий больше нет, она чувствовала. Идя навстречу желанию Дага, начала она с Геро и балетного танцовщика, а потом перешла к Сесилии, Агнес и Хедвиг. Сообщила и о собственных наблюдениях и переживаниях.

Когда она заговорила о видении цветущего сада и описала Сесилию, которая спиной к калитке шла в сторону дома, с желтым зонтиком в руке, Даг вдруг побледнел. Рывком встал и прошелся по комнате.

– Что с тобой, Даг? Что случилось?

Он остановился, посмотрел ей прямо в глаза и медленно, подчеркивая каждое слово, произнес:

– «Глаз видит всё, но только не себя».

– Шопенгауэр! – рассмеялась Нора. – Он-то здесь при чем?

Но она тотчас посерьезнела, потому что Даг смотрел на нее все тем же странно вопросительным взглядом и продолжал:

– Теперь я начинаю видеть кое-что, чего раньше не замечал, поскольку сам себе мешал.

– И что же, Даг? Что ты видишь? Но он только головой покачал.

– Нет, это ты сама должна выяснить, и ты на верном пути.

Она хотела спросить еще, но на лице у Дага появилось отсутствующее выражение, и он поспешно вышел из комнаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Что Даг имел в виду? Что же такое он видел, но не хотел сообщить Норе? Она-де на верном пути и вот-вот выяснит все сама. Так говорит Даг.

Ей-то отнюдь не казалось, что она вот-вот что-то выяснит. Он оставил ее в полном замешательстве. Она ничего не понимала.

Но не жалела, что сообщила ему о том, как развивались события. Наоборот, ее не оставляло ощущение, что сказано было не все, однако же Даг не хотел продолжать разговор. При встречах они подтрунивали друг над другом, развлекались как могли. Весело и открыто. Но стоило ему заподозрить, что она собирается о чем-то спросить, как он тотчас со смехом исчезал. Не желал говорить ни о Тетти, ни об иных серьезных вещах. Как только она упоминала что-нибудь такое, Даг спешил отшутиться. Не очень-то на него похоже, но, видимо, тут есть свои причины, так что надо смириться.

Хотя порой Нора досадовала на него.

– Вот увидишь, все образуется, – легкомысленно говорил он в ответ на ее удивленные взгляды.

Нет. Неправда. Само собой ничего не решается.

Что же ей делать? Есть ли какой-нибудь способ...

Она вправду испытывала беспокойство, места себе не находила. Шли дни – и никаких событий. Все вдруг словно за-

мерло в неподвижности.

Однажды вечером позвонила бабушка, сказала, что им надо поскорее повидаться, «покрепче обнять друг дружку и забыть все глупые, злые слова». Она тогда, мол, очень рассердилась. И если вела себя глупо, то Нора должна ее простить. Видно, она стареет и порой действует невпопад.

Бабушка долго шумно веселилась по телефону. Но щекотливых тем старательно избегала. Как и сама Нора. Хотя бы это она усвоила: бабушку с места не сдвинешь, нечего и пытаться. Нужно принимать ее такой, как есть. Некоторые вещи для нее святы, и она будет защищать их любой ценой. Например, образ ее матери, Агнес. Тронешь разукрашенную икону – пеняй на себя. Нора об этом и не помышляла. Шумно веселилась по телефону вместе с бабушкой, и та наверняка повесила трубку в прекрасном настроении. На следующий день почта доставила маленький подарок. «Пустячок – побрякушка, как говорят, модная сейчас у подростков», – написала бабушка в письмеце.

Нора сразу же сочинила благодарственный ответ. Снова тишь да гладь кругом – на радость бабушке.

Но больше ничего не происходило.

Временами она брала на руки Сесилию, но после той истории с коробкой лоскутков, когда Нора нашла письмо, личико куклы словно замкнулось, стало неподвижным. Это беспокоило Нору. Письмо она прочла с куклиного согласия, во всяком случае, так ей казалось. Почему же Сесилия замкну-

лась в себе? И в размышлениях она больше Норе не помогала, чем сильно ее огорчала. Причиняла боль – вот так же бывает, когда живой человек неожиданно отворачивается от тебя, без всяких объяснений.

Сейчас Нора жила как бы в пустоте.

И шаги больше не приходили, не останавливались у нее на пороге. И будильник на подоконнике давненько не тикал. Иногда она брала его в руки, встряхивала, хотя прекрасно знала, что это бесполезно.

Да, теперь она чуть ли не тосковала о своих призраках. Глупо, конечно.

Однажды, когда она сидела за письменным столом, из круглой комнаты вроде донеслись шаги. У Норы не было полной уверенности, что шаги те самые, но сердце встрепенулось. Они все ближе. Потом она услышала легкое покашливание – на пороге, тихонько стуча по косяку, стоял Андерс. Дверь была открыта.

– Я тебя напугал?

– Да, я не знала, что ты дома.

Андерс улыбнулся. Что-то она больно пуглива стала в последнее время. Почему? Нора тоже улыбнулась и покачала головой. Но про себя подумала: если б Андерс знал, что она сидит тут и тоскует о призраках. Потому и вздрогнула, увидев, что это всего-навсего он. Будь это призрак, она бы и бровью не повела. Хорошо, что он ни о чем не подозревает.

– Ты не окажешь мне маленькую услугу? – по обыкнове-

нию деликатно спросил Андерс.

– Конечно. А в чем дело?

Андерс звонил районному врачу, и тот выписал ему лекарство от кашля, который вконец его замучил. Рецепт должен был прийти по почте еще вчера, но не пришел, хотя в регистратуре уверяли, что отослали его вовремя и уж сегодня-то Андерс наверняка его получит. К сожалению, Андерсу некогда дожидаться почтальона, он должен уйти, прямо сейчас. Может быть, Нора...

– Само собой, я могу подождать и просмотрю почту. До завтрака я свободна. А вдруг рецепт опять не придет?

Ну, тогда они не иначе как напутали. А лекарство Андерсу необходимо. В приемной у врача отвечают на звонки с часу до половины второго. Но у Андерса в это время урок, к телефону не отойдешь. А как у Норы?

– Я вполне могу позвонить. У меня в это время как раз «окно».

– Замечательно. Попроси их, пусть они сообщат рецепт прямо в аптеку, по телефону, тогда к вечеру я сам зайду за лекарством.

Нора обещала все сделать, и Андерс ушел.

Торопиться некуда, времени полно – уроков у Норы было совсем немного. Она даже подумывала прогулять школу и махнуть к Хульде, но теперь отбросила эту мысль. Осталась дома ждать почтальона. Он все не шел, а когда наконец появился, никакого рецепта среди почты, естественно, не об-

наружилось.

Значит, придется звонить в приемную врача – только бы не забыть. До «окна» после завтрака у нее всего один урок. Шведский. Разбор стихотворения. Весь урок потратили, но никто с этим несчастным стихом так и не сладил.

Со стихами обстоит так же, как со всем прочим: в них необходимо вжиться, иначе отклика не будет. Но большинство в классе ни малейшего интереса к стиху не выказывало. На улице сияло солнце, шальные весенние мухи жужжали на окнах. Двое-трое задавак старательно напускали на себя глубокомысленный вид и сидели наморщив лоб, роняя время от времени что-нибудь неразборчивое. Нора слушала и посмеивалась про себя. Ничегошеньки не понимают, думала она, а ведь они сами, в своих бессмысленных трудах, куда поэтичнее стихотворения, из которого пытаются выжать поэзию.

Стихотворение и написано-то не сказать чтобы с душой, она чувствовала. Мысли с легкостью отвлекались от него.

А что, если наплевать на последний урок и все-таки съездить к Хульде? Вот было бы здорово. Погода отличная. Можно посидеть на воздухе. Хульда обрадуется...

Но сперва надо домой, позвонить насчет Андерсова рецепта. А после она как раз успеет на автобус. Он отходит в полвторого.

Едва урок закончился, Нора вскочила на велик и уже без пяти час была дома. Придется подождать минуту-другую. Главное – не упустить момент, ведь после будет все время

занято. Ровно в час она набрала номер. Удача! Не занято. Ей сразу ответили:

– Приемная районного врача.

– Я насчет рецепта...

– Простите. Минуточку...

Трубку отложили, и регистраторша заговорила с кем-то из пациентов. А вот это уже неудачно. Времени у Норы в обрез. Ведь надо еще дойти до автобусной остановки. Но разговор явно затягивался.

Наконец в трубке опять послышался голос:

– Простите, вы по какому вопросу?

– Насчет рецепта, который должны были переслать по почте...

– Та-ак... Извините, можете подождать секунду? Опять та же история. Новый пациент, которому требуются разъяснения. На сей раз надолго. Нора нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Что за манера? Один человек и по телефону отвечает, и с пациентами разбирается!

Она попробовала привлечь к себе внимание, постукивая ногтями по трубке и дую в микрофон, – безрезультатно.

– Я спешу! Мне нужно успеть на автобус! – крикнула она в трубку.

Без толку. Там разбирались уже с третьим пациентом. И все они были жутко занудливые. Она слышала всё, от слова до слова. Один и тот же ритуал.

– Вы уже бывали у доктора?

– Нет.

– Значит, пришли в первый раз? – Да.

– На что жалуетесь?

– У меня малокровие и от этого постоянная усталость.

– Усталость? Так и записать?

– Да-а...

– Еще жалобы есть?

– Да нет, вроде всё...

– Пожалуйста, номер страховки.

– Шесть шесть ноль четыре два пять дефис два три четыре

один.

– Так... Фамилия?

– Энг. – Имя?

– Сесилия Агнес.

– Стало быть, Сесилия Агнес Энг. Будьте добры, посидите в приемной, сестра вас вызовет... Алло! – громко сказала регистраторша в трубку.

А Нора стояла как громом пораженная. Она явно ослышалась. Этого не может быть!

– Алло! Алло! Вы слушаете?

Нора опустила руку с трубкой. Сердце стучало как сумасшедшее, вот-вот накатит дурнота. Она недоуменно посмотрела на телефонную трубку, из которой доносилось неумолчное бормотание, и в испуге выронила ее. Трубка повисла на шнуре, раскачиваясь как маятник.

Сесилия Агнес Энг? Господи! Выходит, обладательница

этого имени сидит сейчас в приемной районного врача и ждет своей очереди.

Нора наконец-то осознала сей факт, и оцепенение отступило. Скорей туда! Немедля! Пока она не успела исчезнуть! Сесилия Агнес...

Выскочив на лестницу, она помчалась вниз по ступенькам, но вдруг остановилась и, повинаясь неожиданному, властному предчувствию, повернула обратно. В прихожей до нее донеслись какие-то странные звуки, вроде бы возбужденные голоса, и она увидела, что телефонная трубка по-прежнему болтается на шнуре. Мимоходом водрузила ее на рычаг и поспешила к себе. Прямо к изразцовой печи.

Распахнула нишу – Сесилия сидит на своей красной подушечке. Нора перевела дух. Кукла опять выглядела совсем как раньше. Сидела чуть боком, наклоняясь вперед, и многозначительно смотрела на Нору. Изящные ручки протянуты вперед, будто стремятся кого-то обнять.

Нора взяла куклу из ниши. Крепко прижала к себе. Сняла с нее шапочку, привычно обхватила ладонью затылочек, поднесла головку к своей щеке, к губам и некоторое время стояла так, баюкая куклу, шепча ей на ушко ласковые слова.

Все это продолжалось не более секунды, но время замерло без движения, и за эту секунду Нора почувствовала себя, как никогда, спокойно и уверенно.

Она посадила куклу на старое место, закрыла дверки и поспешила прочь.

Опять села на велик и нажала на педали.

Врач принимал на другом конце города, но при такой скорости она явно доберется туда минут за пять. Сесилия Агнес вряд ли успеет уйти. Впереди как минимум два пациента, те, из-за которых Нора ждала у телефона.

А вдруг ее не впустят?! Вряд ли, ведь можно сослаться на Андерсов рецепт. И кстати, забрать его, а потом заехать в аптеку. Мысли так и мельтешили в голове...

Все сошло благополучно. Двери докторской приемной были открыты. Можно спокойно зайти. С замиранием сердца Нора огляделась по сторонам. И тотчас ее окликнула женщина за стеклом. Та самая, что отвечала по телефону.

– Вам назначено?

– Нет, я пришла за рецептом.

Нора продолжала осматривать помещение. Вон там – приемная, где ждут пациенты. Она попыталась разглядеть, кто там сидит.

– Что за рецепт?

– На лекарство от кашля...

Там в основном старики... Но ей видно не всех.

– Доктор должен был выписать этот рецепт? – Да.

Кажется, спиной сидит кто-то помоложе? Хотя у нее на руках ребенок...

– На чье имя выписан рецепт?

– На... на Андерса...

– Андерса... Фамилия?

Нет, надо сосредоточиться. Она быстро изложила ситуацию, и все кончилось тем, что ей предложили посидеть в приемной, пока они выяснят, что произошло с рецептом.

Нора как раз на это и рассчитывала.

При ней от врача еще никто не выходил.

Она остановилась на пороге приемной и обвела взглядом присутствующих. Помещение просторное, люди сидели кто где, поодиночке, по двое, по трое.

Но никто из них не мог быть Сесилией Агнес.

Неужели она успела-таки уйти?

Маловероятно, ведь перед нею было несколько человек. Хотя она могла уйти сразу, не дожидаясь своей очереди. Очень даже могла, к сожалению. Решила, что народу слишком много, и ушла.

Спросить, что ли, у регистраторши в окошке? Хотя какой смысл? Все равно надо дожидаться Ан-ерсова рецепта.

И тут из динамика послышался голос:

– Сесилия Агнес Энг! В лабораторию!

Нора вздрогнула и огляделась по сторонам. В приемной никто не пошевелился. И новых пациентов нигде не видно. Поэтому она обратилась к маленькой старушке, которая перебирала журналы на полке у двери.

– Кого-то вызвали в лабораторию... – начала она, однако старушка поняла ее слова превратно, подумала, что Нора собирается идти прямо туда.

– Сперва нужно зайти к сестре. Но вызывают всех по оче-

реди, придется подождать.

Нора обернулась и, увидев по другую сторону приемной длинный коридор, прошла туда.

Регистраторша за стеклом окликнула ее, но она даже внимания не обратила. На одной из дверей в глубине коридора виднелась табличка – «Лаборатория». Больше рисковать нельзя. Она подождет под дверью. Рядом как раз есть стул.

Увы, следом прибежала медсестра.

– Вам надо ждать в приемной. – И она отвела Нору на прежнее место.

Динамик опять заговорил, и Нора вздрогнула. Ее вызывали к стеклянному окошку забрать рецепт. Хоть с этим теперь все в порядке. Получив рецепт, она несколько растерялась. Что же делать?

Женщина за стеклом посмотрела на нее.

– Есть еще вопросы?

– Да нет, я... я жду подругу.

– Тогда посидите в приемной.

Нора облегченно вздохнула и вернулась в приемную. Стала возле полки с журналами, откуда был виден коридор, и принялась листать то один, то другой, внимательно наблюдая за происходящим.

Время тянулось бесконечно – как вдруг дверь лаборатории открылась, и оттуда вышла девочка.

Сесилия Агнес.

Нора сразу это поняла. Узнала ее с первого взгляда. Все

сходится. Она бросила журналы и выбежала в коридор.

Сесилия Агнес с улыбкой шла ей навстречу. Они шли навстречу друг другу. Бежать совершенно незачем. Нора приостановилась, замедлила шаг. Их разделяло всего несколько метров, но ей хотелось продлить эти мгновения, она была счастлива.

Сесилия Агнес улыбалась той самой улыбкой, память о которой всегда жила в глубине Нориной души и ради которой она готова была идти хоть на край света.

Нора узнала эту улыбку. Вспомнила. Эта улыбка словно мягко увлекала ее далеко в прошлое, в теплые, ласковые объятия. И сейчас она поняла почему.

Шагнув к девочке, Нора сказала:

– Здравствуй. Меня зовут Нора.

Да. Мамина улыбка. Сесилия Агнес улыбалась как мама. Легкой и светлой улыбкой.

Большие глаза смотрели на Нору чуть удивленно.

– Здравствуй. А меня зовут Тетти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вечером того же дня обе стояли у окна в Нориной комнате, в лучах закатного солнца.

– Знаешь, под мостом, внизу под сводом, кто-то написал на стене «Сесилия Агнес». Это ты?

Да. Иногда она любила посидеть там, зарисовывая прибрежные камни и воду, плещущую вокруг. И как-то раз ей вздумалось написать на стене свое имя.

– Как тебя называть – Тетти или Сесилия Агнес?

– Не знаю... Мама говорит – Сесилия Агнес. И я не против. Меня называли в честь прабабушки и бабушки с папиной стороны. Но когда я была маленькая и толком не умела говорить, у меня из этого вышло Тетти... Так ведь короче...

Меж бровей у нее пролегла легкая складочка, она задумалась. Карита, мама ее, придавала родне огромное значение, рассказывала Тетти, да и она сама тоже, хотя и по-другому. Карита все время говорила о Норе и ее маме и очень хотела, чтобы они с Норой подружились. Прямо-таки мечтала об этом...

– А ты? – Нора посмотрела на нее. – Ты не хочешь?..

– Почему? Конечно, хочу.

Она вправду хотела познакомиться и с Дагом, и с Норой. Но не потому, что они родня. Меньше всего ей хотелось быть только дальней родственницей. Оттого-то, когда познакоми-

лась с Дагом, она и не сказала своего полного имени, а назвалась просто Тетти. Хотя Даг в конце концов все же докопался до истины.

Она слегка улыбнулась. Ее выдал рисунок, тот самый, о котором Даг рассказывал Норе. Тогда-то он все и понял, кусочки мозаики соединились.

Нора кивнула. Понятно, речь идет о рисунке, где изображен дом в зарослях хвойных деревьев.

– С тех пор он зовет меня Сесилией Агнес. Но ты сама решай, как будешь меня называть.

Вечернее солнце заливало комнату. Сесилия Агнес открыла окно и высунулась наружу.

– Вечерами теперь совсем светло, – сказала она, глубоко вдыхая свежий воздух. – Как здесь красиво.

Нора стала рядом. Солнце согревало лицо, ветерок шевелил волосы.

– Погляди на чаек! В солнечных лучах они чуть ли не прозрачные на фоне неба.

Сесилия Агнес достала альбом. Наклонилась над ним, и карандаш заскользил по бумаге. Рисую, она улыбалась. И на минуту-другую словно отрешилась от всего вокруг. А потом внезапно захлопнула альбом.

– Увидишь, когда закончу рисунок.

Обе высунулись в окно. Дул сильный ветер, чайки метались в небе, отбрасывая на стены комнаты зыбкие летучие тени. Шторы колыхались.

– Подумать только, мы с тобой стоим здесь, ты и я!

Сесилия Агнес сцепила руки на затылке и потянулась. Потом расплела косу, подставила волосы ветру. Зажмурилась от солнца, открыла глаза, быстро повернулась к Норе и взяла ее за руку.

– Расскажи еще раз, как все было! Как ты узнала, что я у врача. И про тот телефонный разговор.

Даг говорил, что Сесилия Агнес робкая и молчаливая. Но не сейчас. Не с Норой. Стоило ей узнать, что Нора пришла в приемную доктора лишь ради нее, робости как не бывало. Она не уставала слушать историю про телефонный разговор и про Норин визит в докторскую приемную. И каждый раз в рассказе всплывали новые и новые подробности, Нора сама замечала, и история становилась все увлекательнее.

Потом обе долго молчали. Вечерний свет наливался багрянцем, солнце садилось, ветер утих, но чайки по-прежнему бросали в комнату свои легкие тени.

– Моя мама знала твою маму. А теперь я познакомилась с тобой.

Голос Сесилии Агнес звучал серьезно. И взгляд, устремленный на Нору, тоже был серьезен. Но вот она рассмеялась и выпустила руку Норы.

– Иногда я ужасно сентиментальная... Понимаешь, характер у меня мягкий...

– Как и у меня. – Нора тоже засмеялась. – Пойду чайник поставлю.

Сесилия Агнес хотела пойти с нею, помочь, однако Нора решительно усадила ее в кресло.

– Если ты пойдешь со мной, никакого чаю не будет. И без того в голове полный сумбур.

Она выбежала за дверь, в круглую комнату, и, услышав за спиной оклик, быстро оглянулась. Сесилия Агнес стояла у двери, озаренная золотыми лучами вечернего солнца.

– Я так счастлива, – с улыбкой сказала она. Через несколько минут, вернувшись с чайным подносом, Нора сразу же почувствовала, что в ее отсутствие здесь что-то произошло. Атмосфера изменилась.

Солнце село, комната погрузилась в сумрак. Сесилия Агнес стояла у окна, с будильником в руке. Она даже не заметила, как Нора вошла. Поднесла часы к уху, прислушалась.

Нора поставила поднос на стол.

– Ну что, выпьем чайку?

Но Сесилия Агнес была целиком занята будильником. Резко встряхнула его и опять прислушалась.

– Зря трясешь, он не пойдет. Механизм сломан. Иди, налью тебе чаю!

– Что ты сказала? – Сесилия Агнес с отсутствующим видом посмотрела на нее. Протянула ей будильник. – Он ведь только что тикал! И долго!

Нора загремела чашками. Она чувствовала, что дрожит, и не знала, что сказать. Сесилия Агнес беспомощно шевельнула рукой.

– Нора, пока тебя не было, тут кое-что произошло...

Нора села на кровать. Сердце так стучало, что она была совершенно без сил. Сесилия Агнес побледнела и умоляюще смотрела на нее.

– Иди сюда, сядь!

Сесилия Агнес тотчас подошла, по-прежнему с будильником в руках, и села рядом на кровать. Она глаз не сводила с циферблата, в голосе сквозил испуг:

– Представляешь, часы шли назад! Ты, наверно, думаешь, что я вру, но это чистая правда. Они шли назад!

Нора знала, что она не врет. И попыталась ее успокоить. Они с Дагом тоже это видели.

– С этим будильником творятся странные вещи, – сказала она. – Выкладывай! Что еще тут было?

Сесилия Агнес робко глянула по сторонам, сделала какой-то неопределенный жест рукой.

– Тут кто-то ходил, Нора... за стеной...

– Да, понятно.

– Потом подошел ближе... – Голос упал до шепота.

– Значит, ты слышала шаги?

– Да-а. Я думала, это ты.

– Но это была не я.

– Не ты? – Она придвинулась к Норе и едва слышно, будто опасаясь чужих ушей, прошептала: – Такого со мной никогда раньше не случалось...

А потом рассказала вот что. Все началось, когда Нора по-

шла на кухню. Тетти сидела в кресле и как раз достала альбом, собираясь зарисовать угол изразцовой печи, когда вдруг услышала шаги. Она была уверена, что это Нора, и окликнула ее. Но ответа не получила и подумала, что Нора хочет пошутить и ждет от нее того же, а потому встала и спряталась у стены, за открытой дверью.

Однако Нора не появилась.

Вообще никто не появился.

Только звук шагов, да и тот вдруг замер. У порога, совсем рядом с нею.

Значит, там кто-то стоял. Она осторожненько глянула в щелку, но никого не увидела. И поначалу вовсе не боялась. Только соображала до ужаса медленно, никак не могла понять... Даже едва не рассмеялась. По-прежнему думала, что Нора ее разыгрывает, и быстро выглянула из своего укрытия. Но за дверью было пусто. Никого не видно. Ни единого живого человека. Ни души...

Она замолчала и опять крепко стиснула Норину руку. Нора посмотрела на нее и медленно проговорила:

– Живого человека там и правда не было. А вот душу ты как раз и слышала.

– Дух? Ты это имеешь в виду?

Нора молча кивнула, Сесилия Агнес широко раскрыла глаза и прошептала, так тихо, что Нора расслышала лишь с большим трудом:

– Я поняла... Я невероятно отчетливо ощущала, что там,

в нескольких сантиметрах от меня, кто-то есть. И разделяет нас всего-навсего тонкая дверь, представляешь?

Вдобавок дверь была открыта, так что они вполне могли бы видеть друг друга. Она стояла совершенно ошеломленная.

И тут услышала, как на подоконнике тикает будильник. Назойливо тикает, судорожно, все громче и громче. Словно кричит.

Будильник и заставил ее отойти от двери. Ей было невозможно слышать его тиканье, от этого звука щемило сердце, и она пошла к окну, сама не зная зачем... может, думала утихомирить злополучные часы...

И вдруг поняла, что тот, незримый уже не у двери, а идет за ней, буквально по пятам. Если бы она остановилась, он бы ткнулся ей в спину. И будь это живое существо, ей было бы слышно его дыхание. Но сейчас она только ощущала какое-то загадочное, невыразимое присутствие.

Впрочем, как она уже говорила, в ту минуту ей не было ни страшно, ни дурно, наоборот, она чувствовала себя защищенной. Лишь задним числом, когда все кончилось и настал черед все обдумать, она испугалась. Далеко не сразу до нее дошло, что случилось.

– А что было дальше? – Сердце у Норы готово было выскочить из груди, она едва могла говорить.

Ну, примерно посреди комнаты Сесилия Агнес сообразила, что шедший позади остановился. Она тоже остановилась.

И тогда в соседней комнате заиграла музыка. Очень тихо. Играли на фортепиано.

Звуки трепетали, легкие как пушинки, и тот, незримый медленно закружился.

Сесилия Агнес тоже. Поневоле. Как под гипнозом. Оба медленно кружились, один оборот, другой, третий. Она лишь следовала за незримым, будто в танце, где один ведет, а другой повторяет его движения. Сесилия Агнес даже забыла, что в комнате никого больше нет.

Только случайный взгляд в Норино стенное зеркало напомнил ей об этом. Она танцевала в одиночку, но так сильно чувствовала незримое присутствие, что даже вздрогнула, не обнаружив рядом никого.

Сесилия Агнес умолкла.

– Но ведь ты и была не одна, – прошептала Нора. – Ты просто не видела этого другого. А дальше?

Дальше музыка стала затихать, танец замедлился и в конце концов замер. Они опять стояли посреди комнаты, она и незримый, совсем рядом.

А потом что-то произошло. Сесилию Агнес охватила печаль. Она не в состоянии это объяснить, но было так больно... Она посмотрела на Нору.

Нора тихонько вздохнула, глядя на печь; она хорошо знала чувство, о котором говорила Сесилия Агнес.

– Вот так же бывает, когда провожаешь на вокзал дорогого тебе человека. Поезд уже у платформы, вот-вот отойдет.

Пора прощаться. Быть может, навсегда. Неизвестно, суждено ли встретиться вновь.

Нора опять посмотрела на Сесилию Агнес – какие у нее большие блестящие глаза.

– Такова жизнь. Никто этого не знает. Сесилия Агнес задумалась и, помолчав, продолжила Норино сравнение:

– А потом поезд трогается. Медленно скользит прочь. И ты готов заплакать. Но сдерживаешь слезы. Отворачиваешься и уходишь.

Примерно так она чувствовала себя посреди Нориной комнаты. Другой тихо скользнул прочь. И на миг сердце у Сесилии Агнес болезненно сжалось.

А будильник на подоконнике все тикал и тикал. Она подошла к окну. Из глаз градом катились слезы, капали на подоконник. Она хотела вытереть лужицу, передвинула будильник и вот тут-то заметила, что стрелки двигаются в обратном направлении. И это вовсе не казалось ни странным, ни непостижимым, в тот миг она была готова к чему угодно.

Но когда Сесилия Агнес взяла будильник в руки, он вдруг перестал тикать, наступила мертвая тишина. Словно остановилось чье-то сердце.

Вот тут ее охватил страх.

Такое ощущение, будто держишь в ладонях мертвую птицу. Только что она была живая, клевала с рук зернышки, а теперь лежит мертвая, холодная. Очень скверное ощущение.

Она попробовала оживить будильник, встряхнула его...

И в эту минуту вошла Нора.

– Так все и кончилось. – Сесилия Агнес положила голову Норе на плечо, и Нора тихонько покачивала ее, баюкала, как обычно баюкала куклу. Господи, как же они похожи – кукла и Сесилия Агнес. Одно лицо, переменчивое, живое.

Сесилия Агнес подняла голову, посмотрела на Нору.

– Я танцевала! А знаешь... вообще-то я никогда не танцую... не умею. Я умею только рисовать.

Она с удивлением перевела взгляд на свои руки.

Нора встала, подошла к печке.

Надо показать Сесилии Агнес куклу. Наверняка ведь ничего не случится? Хедвиг, правда, никому не велела ее показывать. Но Сесилии Агнес этот запрет вряд ли касается. Кукла связана с нею ничуть не меньше, чем с Норой. А может, и больше.

Она потянулась к нише. Но, уже собираясь открыть дверцы, почувствовала резкую боль внезапной догадки.

Нет, не сейчас. Нишу она откроет одна, без свидетелей. Глаза вдруг наполнились слезами. Она поспешно отвернулась от печки и посмотрела на Сесилию Агнес: заметила ли та что-нибудь?

Не заметила, нет. Сесилия Агнес опять стояла у окна, улыбаясь и забыв обо всем на свете. Достала альбом и целиком ушла в быстрые движения карандаша по бумаге.

Нора молча наблюдала за нею, чувствуя, как боль мало-помалу отступает.

Теперь у нее есть Сесилия Агнес, которая так ей нужна. Они обе нужны друг другу, Нора и Сесилия Агнес, до чего же приятно это сознавать.

Сесилия Агнес подняла глаза от альбома.

– Покажу, когда закончу!

Лишь поздно вечером, когда все улеглись спать и Нора была одна в своей комнате, она рискнула подойти к печке.

Ее одолевал страх. Она догадывалась, что ее ждет. Долго стояла, прислонившись лбом к прохладным изразцам, потом наконец открыла нишу. Руки дрожали.

Да. Так и есть. Еще когда хотела показать куклу Сесилии Агнес, она поняла, что именно увидит. Была к этому готова. Знала.

Кукла исчезла.

Красная подушечка в нише опустела.

Нора долго стояла, глядя на нее. Она никогда и никому не показывала куклу; кроме нее самой, никто Сесилию не видел и теперь уж не увидит никогда. Кукла и правда принадлежала ей одной – и вот исчезла.

Зато у нее есть Сесилия Агнес. И плакать незачем.

Когда она решила убрать подушечку и вынула ее из ниши, то увидела на ней ку克林 медальон с тонкой серебряной цепочкой.

Медальон был открыт, и с портрета Сесилии смотрели почти те же глаза, что у Сесилии Агнес. Нора долго глядела на портрет и улыбалась.

Да, семнадцатилетняя Сесилия была очень похожа на теперешнюю Сесилию Агнес. Но принадлежали они разным временам. Зато Нора и Сесилия Агнес живут в одном времени. И это замечательно.

Она защелкнула медальон. Надо отдать его Сесилии Агнес. Понятно ведь, его затем и оставили. Чтобы у Сесилии Агнес была памятка о бабушке.